

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47 2024
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (546) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Ференц Краус* (1962), немецкий физик венгерского происхождения.

Ференц Краус родился 17 мая 1962 года в городе Мор (Венгрия). Краус изучал физику в Университете Этвёша Лоранда, а также электротехнику в Будапештском техническом университете. Пройдя подготовку в Венском техническом университете, он получил там место профессора. Затем его назначили директором Института квантовой оптики общества Макса Планка в Гархинге (Германия), а также заведующим кафедрой экспериментальной физики в Университете Людвиг Максимилиана в Мюнхене. В 2006 году Краус стал сооснователем Мюнхенского центра передовой фотоники (MAP) и работал там в качестве одного из руководителей.

Ференц Краус и его научная группа первыми в мире создали и измерили световой импульс длительностью менее одной фемтосекунды. Ученые стали использовать эти аттосекундные световые импульсы для наблюдения за движением электронов в режиме реального времени. Благодаря этому появилась новая область в физике — аттофизика.

Работы в данном направлении были начаты Ференцем Краусом и его командой еще в 1990-х, когда были применены совершенно новые методы исследования технологии фемтосекундного лазера. Целью этих исследований было создание сверхкоротких световых импульсов, которые бы вывели изучение атомов на принципиально новый уровень. Главным условием для генерирования столь коротких импульсов является высокоточный контроль задержки ИК-импульсов отно-

сительно УФ-импульсов. Специальный сверхчувствительный детектор позволяет контролировать такого рода процессы на атомном уровне.

В 2001 году Ференц Краус и работающая с ним группа ученых впервые смогли не только сгенерировать, но и измерить аттосекундные световые импульсы при помощи интенсивных лазерных импульсов, состоявших из одного или двух циклов волны. Это вскоре позволило в реальном времени наблюдать такие процессы, как создание туннельного эффекта в результате деформации электростатического поля, перенос носителей заряда, когерентное ЭУФ-излучение, запаздывающая фотоэмиссия, движение валентных электронов, а также наблюдение за оптическими и электрическими свойствами диэлектриков.

В 2023 году Ференц Краус совместно с коллегами Пьером Агостини и Анн Л'Юилье стал лауреатом Нобелевской премии по физике — «за экспериментальные методы генерации аттосекундных импульсов света для изучения динамики электронов в атомах».

Кроме того, Краус стал обладателем премии Карла Цейса, приза Юлиуса Шпрингера по прикладной физике, премии имени Лейбница, премии по квантовой электронике, Медали прогресса, ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия», ордена Максимилиана «За достижения в науке и искусстве», Венгерского ордена Святого Стефана и других престижных наград и премий.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Максимова А. С.

Провозглашение вердикта присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики 227

Малахинский И. Д.

К вопросу о специфике юридического языка..... 229

Маливенко М. В.

История становления и перспективы развития спортивного права в России и мире 231

Марочкин О. А.

Практические проблемы исполнения договора контракта 234

Михайлов А. А.

Проблема отсутствия ответственности за неправомерный доступ к электронным документам (электронной подписи) 236

Мусаев А. В.

Уголовная ответственность за оборот наркотических и психотропных веществ, а также их прекурсоров посредством информационных технологий 238

Набиуллин Б. Ю.

Понятие охраны интеллектуальной собственности в государствах — членах еаэс 239

Никитин Е. А.

Особенности формирования и функционирования Правительства Российской Федерации в условиях конституционного реформирования 241

Никитин Н. А.

Современное состояние виктимологической профилактики в Российской Федерации..... 245

Никитин Н. А.

Роль прокуратуры в обеспечении виктимологической профилактики преступлений в стране и мире 247

Осьминина Н. В.

Право на забвение 249

Осьминина Н. В.

Искусственный интеллект и цифровое правительство 251

Пананто Т. А.

Правовые основы административной ответственности за нарушение законодательства в области трудоустройства и занятости 253

Пивоваров К. М., Махмудов М. К.

Актуальные вопросы организации и проведения местных референдумов 256

Прозорова А. А.

Недействительность притворных сделок в российском гражданском праве..... 258

Рыбакова В. С.

Защитник как субъект доказывания 263

Сафронова И. В.

Влияние санкций на правовое регулирование осуществления международной правовой помощи по гражданским и семейным делам 264

Смирнова А. С.

Пути совершенствования законодательного регулирования применения мер административной ответственности к государственным служащим за совершение административных правонарушений..... 267

Смолькова А. И.

Страхование предпринимательских рисков в России 270

Степанова М. О.

Наследование по завещанию: основные принципы, правила, проблемы правоприменения 272

Тихонов К. Е.

Основы службы судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и её проблемные аспекты 275

Хачатрян Е. Г.

Использование нейросетей в криминалистике с целью определения подозреваемых в преступлении 277

Черепнин Д. А. Особенности договора аренды зданий и сооружений: сравнительный анализ 279	Шумилова Ю. С. Проблемные вопросы государственной защиты свидетелей в уголовном процессе 292
Чернышева Е. С. Система административного судопроизводства 281	Шустов Д. А. Подходы к правовой природе публичных сервитутов в дореволюционный, советский и современный период России 294
Чистякова О. О. Правовые основы введения режима чрезвычайного положения 283	Шустов Д. А. Вопрос классификации сервитутов в российском гражданском законодательстве 297
Шевнина Е. С. Сравнительный анализ одорологии и ДНК-исследований в рамках криминалистического обеспечения следственной деятельности 284	
Шинкаренко К. И. Влияние религиозных концепций на формирование классического индусского права в Древней Индии 288	

ИСТОРИЯ

Kochanov I. I. Germanic-Scandinavian mythological symbolism and its role in the creation of national symbols of the third Reich 300

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Провозглашение вердикта присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики

Максимова Александра Сергеевна, студент

Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского

В статье рассматриваются проблемы законодательного регулирования провозглашения вердикта присяжных заседателей. Определено, что одной из актуальных проблем, возникающих в институте присяжных заседателей являются факторы, влияющие на объективность вердикта, выносимого присяжными заседателями. Среди таких факторов выделены наиболее острые, устранение которых представляется возможным.

Ключевые слова: присяжные заседатели, вердикт, суд, решение, объективность.

Процессы разбирательств уголовных дел играют важную роль в системе юстиции, присяжные, которые принимают участие в вынесении собственного мнения в уголовных делах являются важными элементами правосудия. Для отечественной системы юстиции это символ демократии, объективности, справедливости и независимости. Институт присяжных представляет собой неотъемлемую часть гражданского общества в судебной системе, способствует взаимодействию между гражданами и судебными органами, а также способствует формированию доверия к суду со стороны населения.

В соответствии с применяемым законодательством коллегия присяжных выносит свое решение. Этот документ включает в себя ответы на вопросы, поставленные перед ними в процессе рассмотрения уголовного дела. Нельзя недооценивать важность такого заключения, оно играет ключевую роль.

Различные авторы, включая исследователей дореволюционной России, отметили, что субъективизм является неотъемлемой частью работы суда присяжных. Они подчеркивают, что в ряде случаев субъективные взгляды могут привести к несправедливым решениям, игнорируя объективные факты. Однако другие исследователи рассматривают эту «оправдательность» предвзятость суда присяжных как результат влияния общественных представлений о справедливости на определенном историческом этапе развития общества.

Принцип состязательности, который был утвержден Конституционным Судом РФ как один из основных принципов уголовно-процессуального закона, необходим для существования суда присяжных. Этот принцип обеспечивает равные права сторонам обвинения и защиты на при-

сяжных заседаниях, где они могут представить свои аргументы и влиять на мнение присяжных. Таким образом, возникает важное психологическое взаимодействие между участниками процесса.

Влияние на присяжных заседателей происходит не только за счет устной речи, но и через жесты, мимику и другие средства коммуникации. Этот процесс наблюдается как на этапе судебного процесса, так и особенно ярко проявляется во время обсуждения дела. По завершении судебного разбирательства каждый присяжный формирует свое личное мнение о сути дела под воздействием различных факторов, включая особенности голоса обвинителя или защитника.

Убеждение — это внутреннее мировоззрение присяжного не подлежит оценке или оспариванию. Присяжный должен проявить свою уверенность во внешнем мире, отвечая на вопросы, заданные коллегией присяжных судом. После ответов на вопросы принимается вердикт. Этот процесс осуществляется следующим образом.

В законодательстве отсутствуют четкие нормы относительно требований к юридическому обоснованию, однако существуют ограничения и запреты, которые должен соблюдать судья. При изучении решения суда верхней инстанции особое внимание уделяется анализу аргументов председательствующего судьи, и выбор, сделанный им в сторону либо обвинения, либо защиты, может быть использован как основание для отмены приговора.

Например, судья отметил, выполнение обязанности присяжного заседателя можно считать завершенным, если в «вердикте будет учтена правдоподобность обвинения». Достаточно одного такого утверждения для отмены обвинительного приговора [4].

Конфиденциальность совещания присяжных под защитой закона, они отвечают на вопросы суда и могут использовать свои собственные заметки, сделанные в ходе рассмотрения дела, в соответствии с пунктом 5 статьи 341 УПК РФ.

Исследования, проведенные специалистами в области юридической психологии, показали, что убеждения присяжных заседателей обычно формируются до их ухода в комнату для совещания, эти доказательства, которые не были представлены и не были обсуждены стороной обвинения и защиты, именуется таким образом, однако не всегда жюри учитывает такие естественные обстоятельства, как депрессия подсудимого, находящегося в трудной ситуации, и т.д.

В своих ответах на вопросы судьи, присяжные руководствуются не только установленными правилами и нормами, применимыми к данному делу, но и своей совестью, личным опытом и внутренними убеждениями. Поэтому их точка зрения обычно отличается высокой степенью субъективности и эмоциональности.

В соответствии с положениями статьи 342 УПК РФ, решение о вердикте принимается на заседании и после голосования, которые проводятся в зале для совещаний. Заседанием присяжных руководит председательствующий-старшина.

Голосование не может произойти без дискуссии, так как часть 1 статьи 343 УПК РФ требует принятия «единодушного» решения присяжными. Этот законодательный акт подразумевает «единодушность» не как просто метафору или идеал, к которому нужно стремиться, а как реальную цель, которую необходимо достичь. Единство мнений является свидетельством «правильности» принятого коллегиальным присяжных решения. Цель «единодушия» также имеет обоснование с точки зрения процесса принятия решения (вердикта), учитывая особенности голосования, предусмотренные частями 2–5 статьи 343 УПК РФ и направленные на наилучшее разрешение дела для подсудимого.

Однако, в уголовно-процессуальном законе отсутствует термин «единодушие». По мнению этики и психологии, единодушие означает согласие, единство в мыслях, оценках и действиях, либо их полное отсутствие.

Авторы подчеркивают, что участие присяжных заседателей в суде является ключевым моментом в урегулировании социальных противоречий, а согласие фактически предполагает принятие общего решения, то есть единогласного. Голосование требует единодушия согласия, основанного на взаимной убежденности присяжных

в правильности принятого решения. Некоторые ученые считают, что это может привести к тому, что присяжный согласится с мнением большинства, даже если изначально он думал иначе. Исследователи также указывают на особенности социального поведения, которые могут привести к несправедливым решениям в деятельности российского суда присяжных.

Согласно действующему законодательству, участники присяжного заседания обязаны стараться прийти к общему мнению в течение трех часов. В случае не достижения единодушия, принимается решение путем голосования в соответствии с правилами, оговоренными в статьях 342–343 УПК РФ.

Авторы подчеркивают, что корректный расчет времени в течение трех часов играет важную роль, так как неправильный подход к определению временных рамок может привести к отмене приговоров. Если присяжные возвращаются из комнаты для совещаний до истечения трехчасового срока и сообщают не о единодушном решении, то председатель суда не вправе принять такой вердикт. Ему следует объяснить присяжным необходимость продолжения обсуждения, хотя неясно, в какие сроки такое возвращение возможно для обсуждения вердикта.

Установив указанный срок, законодатель не только определяет необходимое время для достижения консенсуса, но и обеспечивает временную защиту для полноценного обсуждения данного вопроса присяжными заседателями в течение не менее трех часов.

Присяжные заседатели рассматривают уголовное дело с уникальной персональной перспективы. Каждый присяжный заседатель действует исходя из своих внутренних убеждений, которые основаны на личном опыте. Тем не менее, существуют факторы, которые могут повлиять на личные убеждения присяжного и, следовательно, на объективность вынесенного решения.

В институте присяжных заседателей выявлена проблема влияния различных факторов на объективность принимаемых решений. Изучены ключевые факторы, которые могут быть устранены для повышения объективности работы присяжных заседателей.

Таким образом, влияние на объективность решения присяжных заседателей определяется наличием юридической подготовки у присяжного, воздействием других лиц на гражданина, освещением событий дела в СМИ. Эти факторы играют важную роль не только в теории работы суда с присяжными заседателями, но и в их практическом применении.

Литература:

1. Белов Д. А. Институт присяжных заседателей в системе уголовного судопроизводства России // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы юридических наук: Материалы V научно-практической конференции, Саранск, 11 июня 2022 года. — Саранск: Общество с ограниченной ответственностью «ЮрЭкс-Практик», 2022. — С. 33–37.
2. Емельянова Н. Ю. Аспекты применения института присяжных заседателей // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. — 2021. — Т. 1. — № 1(3). — С. 133–138.

3. Колесникова А. А. Проблемные вопросы, связанные с институтом присяжных заседателей // Перспективы развития институтов права и государства: Сборник научных статей 5-й Международной научной конференции, Курск, 12 мая 2022 года / Редколлегия: А. Н. Пенькова (отв. ред.).— Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022.— С. 91–93.
4. Пинская Д. В. Проблемы рассмотрения уголовных дел с участием суда присяжных // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: Сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. В 2-х томах, Курск, 19 ноября 2021 года. Том 1.— Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021.— С. 330–333.
5. Шпирнов Е. А. Институт присяжных заседателей в судебной системе Российской Федерации // Человек. Социум. Общество.— 2022.— № 9.— С. 37–47.

К вопросу о специфике юридического языка

Малахинский Иван Денисович, студент

Научный руководитель: Тимонина Валерия Андреевна, ассистент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Многие ученые связывают развитие права с развитием юридического языка, благодаря которому осуществляется не только разработка новых правовых норм, но и формируется специальная терминология. В данной статье авторы анализируют специфику юридического языка посредством анализа его характерных особенностей.

Ключевые слова: юридический язык, структура языка, языковые элементы, законотворчество, языковой стиль.

On the issue of the specifics of the legal language

Many scientists associate the development of law with the development of the legal language, thanks to which not only the development of new legal norms is carried out, but also a special terminology is formed. In this article, the authors will analyze the specifics of the legal language by analyzing its characteristic features.

Keywords: legal language, language structure, language elements, lawmaking, language style.

Язык представляет собой сложную знаковую систему, благодаря которой осуществляется взаимодействие и общение людей друг с другом. Как указывают В. Д. Черняк и А. И. Дунев, русский язык претерпел в последние два десятилетия существенные изменения, которые связаны не только с личностными началами, но и влиянием профессиональным имиджем человека [1, с. 5]. В свою очередь, мы полагаем, что влияние профессиональной деятельности на развитие языка в существенной степени отражается на формирование специальных признаков, благодаря которым возможно осуществление идентификации особых языков, в том числе и юридического языка.

Юридический язык неразрывно связан с русским языком, поэтому мы имеем право утверждать, что юридический язык также представляет собой системной словесного выражения мыслей, основной задачей которого является описание права, формирование специфической терминологии, наличие особенных объектов фиксации, а также наличие круга специальных пользователей. Р. Г. Мельниченко в своей научной работе, посвященной постановке проблемы формирования и использования юридического языка, прямо указывает на то, что юриди-

ческий язык обладает такими же функциями, которые присуще общим функциям языка. К указанным функциям следует относить коммуникационную, мыслеобразующую и сегрегационную [2, с. 65]. Однако, несмотря на представленные функции и значение юридического языка, в научном дискурсе его дефиниция до сих пор не определена. Мы полагаем, что подобный «пробел» во многом предопределяет специфику юридического языка. В частности, в Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ законодателем осуществлено закрепление юридического языка в ст. 1, в рамках которого юридический язык — это язык государственный [3].

Еще одной спецификой юридического языка является свойство исполнимости. Исполнимость заключается в возможности субъекта права исполнить предписание закона. Можно утверждать, что способ описание закона влияет на его исполнимость, так как использование сложных формулировок, больших причастных и деепричастных оборотов на прямую влияет на восприятие описанного и его практического применения. Иными словами, чем более сложным языком законодателем сфор-

мулирована норма, тем более подробный анализ данной нормы нужен правоприменителю для понимания значения и функции самой нормы. Напротив, отсутствие лаконичности содержания нормы права влечет к деградации юридического языка. Нормы права лишённые лаконичности являются формальными и шаблонными, а документы, составленные подобным образом в существенной степени, упрощают работу, ввиду шаблонности данной деятельности. Если проанализировать количество изменений, которые были внесены в действующие нормативно-правовые акты, то можно прийти к выводу, что указанные изменения малозначительны и зачастую мешают восприятию текста той или иной статьи.

Немаловажной спецификой юридического языка является структура юридического текста. Известно, что язык напрямую влияет и на особенности письменного языка. Поэтому если анализировать юридические тексты, то можно выделить ключевую специфику, выраженную в применении единой структуры. В нормах права используется общепринятая трехэлементная структура: гипотеза, диспозиция и санкция. Такая структура наиболее взаимосвязана с собой и способна в полной степени охарактеризовать сущность содержательного аспекта. Н. Ю. Завьялова и А. Д. Лебедева справедливо указывают на особенности логической структуры, включающей в себя перечисленные нами элементы. Такая структура, по мнению авторов, способствует лучшему пониманию права и отдельных правовых норм, а также правильному применению их в жизни [4, с. 114]. В свою очередь, для юридических текстов в той же мере сложилась и успешно применяется единая структура, включающая в себя следующие элементы: вводная часть, описательно-мотивировочная часть, резолютивная часть. В зависимости от свойства документа указанные элементы могут носить различные названия, однако их сущность не изменится.

Литература:

1. Русский язык и культура речи: учебник и практикум для вузов / В. Д. Черняк, А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеева; под общей редакцией В. Д. Черняк. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 389 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-04154-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/535491> (дата обращения: 10.10.2024).
2. Мельниченко Р. Г. Юридический язык: постановка проблемы // *Legal Contert*. — 2021. — № 1. — С. 62–67.
3. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 10.10.2024).
4. Завьялова Н. Ю., Лебедева А. Д. Особенности логической структуры коллизионных норм права // *Общество и право*. — 2021. № 1 (75). — С. 113–117.
5. Давыдова, М. Л. Место юридических конструкций в системе технико-юридических средств // *Юридическая техника*. — 2020. — № 7–2 — С. 110–118.
6. Малиновская Н. В. Структура правовой нормы: становление конструкции // *Вестник Воронежского института МВД России*. — 2019. — № 1. — С. 175–180.

На данный момент спорным обстоятельством является отнесение юридического языка к самостоятельному функциональному стилю. Ряд ученых полагают, что стилистическую основу юридического языка, как самостоятельного стиля, составляет официально-деловой стиль либо совокупность публичного и официального стилей. Противоположную точку зрения высказывают те ученые, которые полагают, что юридический язык не является самостоятельным стилем, а является составной частью литературного языка [5, с. 114]. Мы считаем, что сегодня существует большое количество признаков того, что юридический язык является самостоятельным функциональным стилем. К примеру, в научных трудах, можно встретить указание на то, что юридический язык обслуживает научно-юридический язык, язык юридической практики и разговорный юридический язык [6, с. 176]. Если лично провести анализ распространенных нормативно-правовых конструкций, встречающихся в разных сферах человеческой жизнедеятельности, то следует утверждать, что при их общем объединении возможно говорить о существовании самостоятельного юридического языка.

На основании всего вышеизложенного мы пришли к выводу, что современный юридический язык содержит в себя много характерных признаков и особенностей, которые в общей совокупности позволяют его выделить в самостоятельную языковую категорию. В нашей работе была проанализирована часть особенностей, но даже представленные особенности позволяют нам говорить о развитости юридического языка. К особенностям юридического языка следует относить: взаимосвязь юридического языка с русским языком, исполнимость, специальная структура текста, написанного юридического языка, а также возможность использования юридического языка в качестве самостоятельного стиля.

История становления и перспективы развития спортивного права в России и мире

Маливенко Максим Вадимович, студент магистратуры

Научный руководитель: Стеценко Ирина Александровна, доктор педагогических наук, доцент
Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета

Спортивное право — одна из самых молодых отраслей права не только в российском, но и в международном правовом поле. Тем не менее, первые документы, так или иначе регулирующие взаимоотношения между спортсменами и устанавливающие правила проведения спортивных соревнований появились ещё до нашей эры. В данной статье анализируется история становления спортивного права в России и мире, актуальность спортивного права в обществе, а также современные тенденции его развития.

Ключевые слова: спортивное право, спорт, правовые акты, вид спорта, нормы права, законодательство.

В современном социально-политическом дискурсе актуальность проблематики спортивного права связана с тем, что спорт является важнейшей частью общественной жизни. Развитие и функционирование спорта как социокультурного феномена не представляется возможным без правового регулирования. В этой связи необходимо рассматривать спортивное право как главную отрасль, регулирующую правоотношения между субъектами в сфере спорта и физической культуры.

Для того, чтобы проанализировать историю становления спортивного права в российском и международном правовом поле, следует дать определение спортивного права как отрасли права. С. В. Алексеев определяет спортивное право как новейшую отрасль права, представляющую собой систему взаимосвязанных правовых и регламентных норм, закрепляющих основные принципы, формы и порядок осуществления физкультурно-спортивной деятельности [4].

Спортивное право, как таковое, претендует на звание одной из самых молодых отраслей современного права. Между тем, его история уходит своими корнями в глубины веков. Так, существование первого прообраза данного вида права, несомненно, отмечается еще в эпоху Олимпийских игр. Однако, если говорить о стадии формирования его как более или менее самостоятельной отрасли, то, пожалуй, можно назвать в качестве отправной точки двадцатый век.

За это время рассматриваемый вид права пережил как времена процветания, так и отрицания его существования полностью. Следует отметить, что и по сей день теоретики спорят о целесообразности, а также задаются вопросом о непосредственном существовании спортивного права в качестве обособленной отрасли. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо погрузиться в прошлое и проанализировать историю становления данного вида права.

Итак, как уже было отмечено, первые акты права в рассматриваемой сфере относятся к древности. Как правило, в качестве таких актов сегодня принято рассматривать некие распоряжения глав древних государств, связанных с учреждением, а равно проведением тех или иных спортивных состязаний. Наиболее ярким примером служат

Олимпийские игры, время проведения которых датируется периодом времени еще до нашей эры. Греки, с трепетом относившиеся к данному виду состязаний, были, тем самым, первопроходцами в данной отрасли права, создавшими первую нормативную базу в сфере спорта. Игры были регламентированы не только отдельными документами на уровне конкретных городов, но и целыми коллективными соглашениями между ними. Эти нормы полностью охватывали все аспекты проведения игр, а также отбор участников, что, несомненно, может служить первым прообразом современных документов в области спорта. Что удивительно, большинство правил, закрепленных в этих документах, являются актуальными и на сегодняшний день.

С течением времени и через призму накопленного опыта спортивный институт, а вместе с ним и правила, принимали все более четкие и совершенные формы. Сами нормы значительно эволюционировали — к примеру, если ранее функции судей выполняли зрители, то позже считали правильным пригласить для этой цели специальных лиц, которые в силу своих профессиональных навыков и компетенций могли справиться с возложенной задачей лучше, чем случайные люди.

Говоря о спортивном праве, следует отметить, что в своем развитии оно прошло ряд закономерных этапов своего становления, которые привели в конечном итоге к современному его состоянию. Каждый из этих этапов предопределил выход законодательства в рассматриваемой сфере на новый виток развития, именно поэтому последовательное изучение этих этапов является наиболее целесообразным.

Так, на первом этапе, как правило, возникает прообраз того или иного вида спорта. Это происходит чаще по воле случая, чему есть множество исторических примеров. Если новый вид спорта становится интересным для окружающих, он со временем привлекает все большее количество приверженцев. Следующим закономерным этапом становится усовершенствование правил, требований к участникам, инвентарю и т.д. Так и произошло с ранее неизвестной никому игрой в баскетбол. Джеймс Нейсмит, один из преподавателей колледжа YMCA в Спрингфилде, штат Массачусетс, решил занять студентов придуманной

им же игрой, по правилам которой одна команда должна была закинуть мяч в корзину другой команды и наоборот. К слову, корзины, найденные преподавателем, ранее использовались для хранения персиков. Эта игра настолько увлекла студентов, что в нее стали играть и другие учащиеся университета, потом стали образовываться любительские, а затем и профессиональные команды, появилось обособленное судейское сообщество и т.д. Когда игра стала настолько популярной, появились и первые правовые нормы, которые были закреплены в правилах игры и стали прообразами современных документов, регламентирующих правила игры в баскетбол. Как мы знаем, эта игра со временем захлестнула весь мир и встала по праву в один ряд с известными уже на тот момент видами спорта.

Этот пример как нельзя лучше отражает суть появления правовых норм в спортивном праве. Сначала это просто любительские игры, потом происходит трансформация, официальная разработка и оформление правил игры, которые едины для всех и общеизвестны. На этом этапе также закрепляются отдельные нюансы, вплоть до условий дисквалификации спортсменов и присвоения спортсменам и спортивным коллективам тех или иных наград. Это означает, что из неформального права нормы становятся формальными, закрепленными в правовых актах.

Таким образом, законодательство позволяет узаконить те или иные нормы, сделать их общепринятыми, а также способствует формированию новых видов спорта. Конечно, это не быстрый процесс, так как правила неоднократно обсуждаются в среде экспертов и правоведов, прежде чем стать частью правовой нормы. В целом, нормы спортивного права позволяют участникам рассматриваемых правоотношений действовать в правовом поле, тем самым, они защищают свои права и интересы, делают отношения между участниками предсказуемыми, что, несомненно, сказывается на благополучном развитии всей отрасли в целом. Нормы призваны упорядочивать эти отношения, чему способствует наличие различных санкций за их нарушение. Таким образом, правовые нормы спортивного права охватывают все аспекты функционирования отрасли от разработки спортивных нормативов до ее финансирования.

Не случайно правоведы американской школы утверждают, что данный вид права совмещает в себе, как нельзя гармоничнее, различные направления юриспруденции, будь то договорные, а равно антимонопольные нормы, что, несомненно, обусловлено многообразием отношений рассматриваемой отрасли [3, с. 52].

Нормы, регулирующие спортивное право, стали появляться в правовом поле зарубежных стран в тридцатые годы прошлого века. Их становление, тем самым, насчитывает уже практически столетнюю историю своего развития и трансформации.

Однако, несмотря на столь синхронное появление, пути регулирования рассматриваемой отрасли разнятся. Более глубокое изучение правового поля различных ино-

странных государств позволило сделать вывод о том, что существует два основных пути. Первый из них заключается, непосредственно, в дополнении уже существующего законодательства нормами права о спорте. Эти страны, среди которых можно выделить Германию и Англию, сознательно отказались от кодификации рассматриваемых норм в одном документе. Между тем, другие страны, напротив, посчитали необходимым разработать отдельный документ, который аккумулировал бы в себе все существующие нормы. Одной из первых стран, которые пошли по второму пути развития, стала Финляндия [3, с. 52].

Следует отметить, что вне зависимости от выбранного пути, законодательство зарубежных стран в сфере спорта весьма разветвленное и охватывает довольно большой пласт правоотношений. Особенно стоит отметить наличие норм, регулирующих деятельность судов. Так, в Англии существуют обособленные профильные суды в сфере спорта, при этом, они полностью независимы, а случаи вторжения в их деятельность минимальны и обусловлены, как правило, крайней необходимостью.

Что касается России, то формирование одноименной отрасли в полном смысле этого слова началось только в постсоветское время. Безусловно, зачатки регулирования спортивных правоотношений можно наблюдать и ранее в истории. Так, до Октябрьской революции 1917 года можно обнаружить наличие ряда норм в законодательстве того времени, регулирующих правоотношения, связанные с необходимостью наличия в армии контингента, развитого физически. При Петре I и вовсе отсутствовало понятие «спорт» как таковое, зато имело место телесное воспитание. Тем не менее, некоторые виды спорта получили свое признание даже в ту историческую эпоху — так, например, во времена правления Екатерины I получил свое признание и был регламентирован бой на кулаках [7, с. 15].

Следует отметить, что в начале прошлого века свое широкое развитие отрасль спортивного права получила благодаря существованию спорта в армейской среде. Именно военных стали приглашать на соревнования в другие страны. В том числе, благодаря этому, в нашей стране стали появляться и новые виды спорта, которые получали свое развитие путем формирования соответствующих союзов и сборов. Что касается времен Великой Отечественной войны, то в указанный период активно создаются военные спортивные клубы [8, с. 12]. Также в 1951 году был создан и Олимпийский комитет СССР.

Определенное внимание в те времена уделялось физическому развитию детей, однако не все школы могли себе позволить обеспечить детям занятия спортом из-за нехватки кадров и инвентаря. Тем не менее, для студентов физическое воспитание входило в обязательную программу.

В среде правоведов принято считать, что законодательная база в сфере спорта стала формироваться в России после принятия Основ законодательства о физической культуре и спорте [1]. В данном законодательном акте были установлены общие принципы регулирования

правоотношений в сфере профессионального и массового спорта, физической культуры. Между тем, неправильно считать, что до этого момента правовая платформа, регулирующая спортивные правоотношения, отсутствовала — существующие до этого акты и правила не имели статуса федерального закона.

В настоящее время основным федеральным законом, регулирующим правоотношения в сфере спорта, является Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте» [2].

Следует отметить, что помимо действующего федерального закона, на местном уровне также принимаются соответствующие нормативные акты. Несмотря на то, что спортивное право является достаточно молодой отраслью права, существующее законодательство, несомненно, регулирует огромный пласт правоотношений в рассматриваемой сфере. Несмотря на то, что сам термин «спортивное право» вошел в обиход сравнительно недавно, он уже занял прочное место в правовом поле, в связи с чем представляется, что его существование необходимо и обосновано [5, с. 122].

Еще совсем недавно данное понятие находило свое воплощение в нескольких разрозненных правовых блоках норм. В основном регулирование данных правоотношений происходило в рамках гражданского права и затрагивало правоотношения только вскользь, не вникая в регулирование непосредственно самих механизмов этих правоотношений. Несомненно, такое регулирование не отвечало потребностям, связанным с существованием спортивных правоотношений в частности и самой отрасли в целом.

С учетом вышеизложенного, следует заключить, что, несмотря на существование отдельного закона, в России

назрела острая необходимость в реформировании норм, регулирующих правоотношения в сфере спорта, так как в рамках гражданского или иного вида права это сделать не представляется возможным.

Очевидно наличие пробелов права, а также отсутствие баланса в рассмотрении спортивных споров судами. Несомненно, суды по таким видам дел пытаются искать компромисс между интересами всех сторон правоотношений, стараясь максимально избежать вмешательства в непосредственные спортивные отношения, однако, становится понятным, что делать это стало все сложнее. Этому способствует отсутствие в некоторых случаях единых формулировок и специальной терминологии, которую нужно привести к общему знаменателю, единых критериев и классификаций, а также систематизации материала, накопленного отраслью за время существования.

Также в последнее время наблюдается необходимость приведения в соответствие норм отечественного спортивного права с нормами международных актов. К примеру, это может касаться норм, предусматривающих обеспечение безопасности болельщиков во время проведения спортивных соревнований, применения допинговых мер, а также запрет на любую дискриминацию [6, с. 59].

Таким образом, несмотря на присутствие ряда правовых пробелов, а также разрозненности существующих на сегодняшний день норм в рассматриваемой сфере, следует констатировать наличие в России отрасли спортивного права. Многие правоведы справедливо отмечают необходимость кодификации существующих норм права в сфере спорта, не только с целью их приведения в соответствие с мировым стандартам, но также и с целью систематизации для успешного функционирования отрасли в целом.

Литература:

1. Основы законодательства Российской Федерации от 27.04.1993 г. № 4868-I. — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/3463> (дата обращения: 27.07.2024).
2. Федеральный закон от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ. — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26631> (дата обращения: 27.07.2024).
3. Алексеев, С. В. Спортивное право, договорные отношения в спорте: учебник / С. В. Алексеев. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 107 с.
4. Алексеев С. В. Спортивное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура» / Под ред. П. В. Крашенинникова. 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2016, 2018, 2021. — 927 с.
5. Иванов, В. Д. Правовое регулирование физкультуры и спорта в Российской Федерации / В. Д. Иванов, М. Ю. Бардина // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. — 2019. — № 2. — Т. 4. — С. 122–127.
6. Коваленко, Е. Ю. Отражение международных норм в российском федеральном и региональном законодательстве о физической культуре и спорте / Е. Ю. Коваленко, Н. В. Тыдыкова, А. К. Кусаинова // Российско-азиатский правовой журнал. — 2020. — № 4. — С. 56–60.
7. Коваленко, Е. Ю. История развития законодательства о физической культуре и спорте в России / Е. Ю. Коваленко, Н. В. Тыдыкова // Российско-азиатский правовой журнал. — 2021. — № 5. — С. 15.
8. Чесноков, А. Н. Российское законодательство о физической культуре и спорте / А. Н. Чесноков. — Москва, 2007. — 24 с.

Практические проблемы исполнения договора контрактации

Марочкин Олег Александрович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье автор исследует особенности применения договора контрактации, рассматривает судебные решения и практические проблемы, а также предлагает пути их решения, в том числе, путем расширения сферы применения договора контрактации.

Ключевые слова: договор контрактации, объекты, отходы сельскохозяйственного производства, отходы переработки, применение договора контрактации, условия договора контрактации.

Поручение президента России В. В. Путина — уделить особое внимание поддержке сельхозкооперации, высказанное им в ходе ежегодного послания Федеральному собранию 15 января 2020 года о том, что «необходимо нарастить вложения», «запустить новый инвестиционный цикл» начало наполняться конкретными действиями правительства и реальными привлечением предпринимателей в данную сферу [1]. В 2023 году была в качестве мер поддержки сельхозкооперации была учреждена программа «Развитие сельскохозяйственной кооперации», которая обеспечила финансовую поддержку создания и развития кооперативных сельскохозяйственных предприятий, причем общая сумма финансирования этой программы составила за прошлый год 6,5 миллиардов рублей [2].

Сельское хозяйство последние годы в нашей стране стало развиваться стремительными темпами. По официальным данным Росстата 2023 года посевная площадь у сельхозорганизаций, если сравнивать, в среднем увеличилась за последние несколько лет с 2,53 тыс. га до 2,75 тыс. га [3]. А количество малых предприятий занятых в этой сфере увеличилось с семи тысяч до 10 тысяч. В России фермерские хозяйства формируют чуть более 15% валового сельскохозяйственного производства, а к 2030 году их долю планируется довести до 30% [3].

Востребован в сельскохозяйственной практике ведения бизнеса договор контрактации, который имеет особые стороны, одна из которых обязательно непосредственно сам производитель сельскохозяйственной продукции, а также особый предмет, перечень которого утвержден Постановлением Правительства РФ от 25.07.2006 № 458 в редакции ред. от 03.06.2023 «Об отнесении видов продукции к сельскохозяйственной продукции» [4].

На практике существует проблема — не полное, абстрактное указание на предмет договора контрактации, так как этот особый предмет по своим свойствам часто не предполагает точного указания на безусловное количество или объем, а это приводит к спорам и судебным тяжбам. Так, например, один производитель обязался в период с 15.04.2020 по 20.10.2020 вырастить по заказу заготовителя и передать следующую сельскохозяйственную продукцию «урожай 2020 года зерна пшеницы, рапса, выращенной на площади 1200 гектаров» [5]. Факт поставки заготовителю производителем пшеницы в количестве 1140,53 тонн был подтвержден товарно-транспортными

накладными. Но истец посчитал, что помимо указанного количества переданной в его адрес сельхозпродукции недостаточно, а еще необходимо передать почти столько же тонн пшеницы (потому что по его расчетам урожай за год составил 3000 т. Суд изучив формы отчетности, не взирая на доводы ответчика что в формах были опечатки, и на самом деле 3000 тонн собрано не было обязал индивидуального предпринимателя в месячный срок передать истцу сельскохозяйственную продукцию — пшеницу в количестве 1859,47 тонн [5]. Спустя год после уборки урожая, такое решение суда исполнить будет ответчиком проблематично, особенно если на самом деле в статистической форме была допущена техническая ошибка (например, не исправлены данные с формы предыдущего года).

Возможно, что решить такую проблему можно следующим образом — для недопущения таких обстоятельств необходима фиксация объема сбора урожая в присутствии самого заготовителя или его представителя, а настоящее дополнение включать в договор контрактации в раздел права заготовителя: «Заготовитель имеет право присутствовать лично или через представителя при определении объема полученного урожая, который будет поставляться производителем заготовителю по настоящему договору. Все замечания вносятся в протокол разногласий и подписываются сторонами».

По данным Минсельхоза России ежегодно генерируется более 770 млн тонн отходов [6]. По мнению исследователей, сельскохозяйственные отходы наносят значительный вред окружающей среде [7]. Так, например, растения загрязняют атмосферный воздух и почву «в результате гниения или сжигания вместо повторного использования или переработки» [8]. Поэтому необходимы практические методы утилизации и переработки отходов, которые могут дать сельскохозяйственным организациям преимущества и, самое главное, помогут снизить вред, наносимый окружающей среде.

В научной литературе высказываются различные предложения, как использовать отходы в виде испорченного урожая в сельском хозяйстве, которые производители не смогу поставить по исследуемому в настоящей работе договору контрактации. По мнению ученых «отходы растениеводства являются отличным удобрением» [9], так как они улучшают при правильном использовании и правильной переработке свойства почвы, «возвращают в почву азот, фосфор, калий, кальций и другие эле-

менты» [10]. Недавно была разработана технология «экспресс-компостирования растительных остатков для получения высокоэффективного удобрения» [11]. Одним из вариантов переработки отходов растениеводства можно назвать производство из них различных видов топлива. Главным преимуществом такого топлива является высокая экологичность [12]. В пункте 3 статьи 536 ГК РФ раскрыты только отходы переработки и не затронуты отходы производства, что создает судебные проблемы субъектам, являющимся собственниками отходов.

Для дальнейшего расширения норм о данном договоре и практике его применения требуется усовершенствовать следующие моменты: законодательно предусмотреть необходимость обязательного обозначения отдельным пунктом договора контрактации с переработчиками полного цикла, что одна из сторон является поставщиком с полной экологической ответственностью — рециклером. Эти договоры вносить в реестр рециклеров. С целью вовлечения в рециклеров в Экономике замкнутого цикла, необходимо производить возврат рециклерам единицы мощности на производство вторичной готовой продукции, которые должны были быть потрачены на производство первичной продукции. Практическое применение договора контрактации, имеет огромное значение для формирования договоров возобновления вторичных материальных ресурсов, в части защиты переработчика возобновляемых вторичных материальных ресурсов перед Заказчиком, их держателем.

Предлагаем дополнить п. 3 статьи 536 ГК РФ «Обязанности изготовителя», изложив в следующей редакции: «3. Договором контрактации может быть предусмотрена обязанность изготовителя, осуществляющего переработку сельскохозяйственной продукции, возвращать производителю по его требованию отходы от переработки сельскохозяйственной продукции с оплатой по цене, определенной договором». Образующие отходы переработки по пункту 3 настоящей статьи считать возобновляемым вторичным материальным ресурсом, как возвратные отходы, содержащие полезные компоненты, пригодные к дальнейшему применению. Если отходы переработки сельскохозяйственной продукции, указанные не содержат полезные компоненты, пригодные к дальнейшему применению они не являются возвратными. В таком случае возникающие затраты на их утилизацию (захоронение) лежат на изготовителе.

Есть необходимость также дополнить п. 4, изложив в следующей редакции: «4. Образующие отходы производства (неучтенные в пункте 3 настоящей статьи) считать не возвратными, если они не содержат полезные компоненты, пригодные к дальнейшему применению. При этом

возникающие затраты на их утилизацию (захоронение) производитель вправе включить в стоимость договора».

Если действовать по договору поставки, перешедшие отходы в полном объеме становятся проблемой для Исполнителя. В случае последующей перепродажи эти отходы (их объем), перекадываются на последнего покупателя-переработчика. В случае приобретения отходов переработчиком, согласно приказу Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 30.04.2021 г. № 236, составляется Акт об извлечении полезных компонентов (получения продукции). Акт не отражает количество остатков, потерь производства и т.п. (пример: Акт МХК) где указано только количество переданных отходов и количество произведенной продукции при утилизации. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об отходах производства и потребления» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) [12] подразумевает, что утилизация со стороны Заказчика должна регламентироваться по договорам выполнения работ, оказания услуг. Но эти договора подразумевают четкий регламент, получения из 100% отходов — 80% готовой продукции и 20% потерь и её оплаты только в рамках договора, все изменения в затратах — это дополнительное соглашение (что утяжеляет и без того очень объемный договор). А в договорах контрактации это предусмотрено, как не менее 70% готовой продукции, и подразумевают оплату 70–100% готовой продукции по факту её получения, и стоимость определяется, как не более, либо как не менее (в случае ожидаемых дополнительных затрат) за единицу готовой продукции. Данный договор более гибкий и позволит делать отступления в Акте об извлечении полезных компонентов (получения продукции), указывая только количество переданных отходов и количество произведенной продукции.

Этот договор даст возможность Заказчику показать, что он не утилизирует (не захоранивает), а перерабатывает (пусть и не своими силами) свои отходы производства и свою продукцию, поступившую после реализации во вторичное обращение. В договоре контрактации отход переработки отличен от отхода производства, так за отход производства (обращение с этим отходом) возлагается на производителя, а отход переработки входит в зону ответственности со стороны изготовителя (переработчика).

Практическое применение договора контрактации, имеет огромное значение для формирования договоров возобновления вторичных материальных ресурсов, в части защиты переработчика возобновляемых вторичных материальных ресурсов перед Заказчиком, их держателем. Расширение сферы применения договора контрактации позволит обеспечить дальнейшее развитие сельского хозяйства на территории Российской Федерации.

Литература:

1. Послание Президента Федеральному Собранию • Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/62582> (дата обращения 10.11.2024).
2. Господдержка сельского хозяйства в 2023 году составит 46,5 миллиардов рублей URL: <https://rotado.ru/blog/gosudarstvennaya-podderzhka-selskogo-hozyajstva-v-2023-godu/?ysclid=m3mf5uoa1446330602> (дата обращения 10.11.2024).

3. Россия планирует к 2030 году довести долю продукции фермерских хозяйств в общем объеме производства сельхозпродукции до 30% URL: Produkt.by (дата обращения 10.11.2024).
4. Об отнесении видов продукции к сельскохозяйственной продукции и к продукции первичной переработки, произведенной из сельскохозяйственного сырья собственного производства: Приложение N1. Перечень видов продукции, относимой к сельскохозяйственной продукции. Постановление Правительства РФ от 25.07.2006 № 458 (с изменениями и дополнениями 08.09. 2023) // ГАРАНТ garant.ru(дата обращения 01.09.2024).
5. Решение Арбитражного суда Томской области от 22 июля 2022 г. по делу № А67–4188/2021 URL: sudact.ru (дата обращения 25.09.2024).
6. Березенко Н. В., Слинко О. В. Инновационные технологии переработки органических отходов животноводства с получением экологических удобрений // Техника и технологии в животноводстве. 2016. № 4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-pererabotki-organicheskikh-othodov-zhivotnovodstva-s-polucheniem-ekologicheskikh-udobreniy> (дата обращения: 21.10.2024).
7. Фисунова Л. В., Вишневская А. В. Анализ возможностей утилизации и переработки сельскохозяйственных отходов // Известия ОГАУ. 2022. № 5 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vozmozhnostey-utilizatsii-i-pererabotki-selskohozyaystvennyh-othodov> (дата обращения: 20.10.2024).
8. Гусева А. Н., Цуканова З. Р., Мерцалов Е. Н. Сельскохозяйственные факторы производства как источник загрязнения окружающей среды // СССК. 2021. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskohozyaystvennye-faktory-proizvodstva-kak-istochnik-zagryazneniya-okruzhayushey-sredy> (дата обращения: 20.10.2024).
9. Ресурсосбережение за счет квалифицированного использования отходов рисопереработки / Е. М. Готлиб, Ф. Т. Н. Ха, Г. Г. Исламова [и др.] // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». — 2019. — № 3. — С. 803–816.
10. Смогунов В. В., Вольников М. И., Кузнецов Н. С. Гетерология технологий утилизации отходов // Нива Поволжья. 2020. № 4 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geterologiya-tehnologiy-utilizatsii-othodov> (дата обращения: 21.10.2024).
11. Фисунова Л. В., Вишневская А. В. Анализ возможностей утилизации и переработки сельскохозяйственных отходов // Известия ОГАУ. 2022. № 5 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vozmozhnostey-utilizatsii-i-pererabotki-selskohozyaystvennyh-othodov> (дата обращения: 20.10.2024).
12. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июня 1998 г. N26 ст. 3009.

Проблема отсутствия ответственности за неправомерный доступ к электронным документам (электронной подписи)

Михайлов Андрей Анатольевич, студент магистратуры
Поволжский государственный технологический университет (г. Йошкар-Ола)

Автор предлагает внести изменения в ст. 324 УК РФ, чтобы криминализовать неправомерное владение электронной подписью. Это связано с высокой общественной опасностью таких деяний, которые могут привести к серьезным юридическим последствиям, таким как открытие фиктивных фирм, удаленное оформление договоров и вывод денег из компаний.

Автор предлагает формулировку диспозиции как: «Незаконное владение, приобретение или сбыт официальных документов...». Это позволит криминализовать неправомерное владение электронной подписью как разновидность незаконного владения официальными документами.

Ключевые слова: электронный документ, электронная подпись, неправомерный доступ к электронным документам, электронная информация.

The problem of lack of responsibility for unauthorized access to electronic documents (electronic signatures)

Mikhaylov Andrey Anatolyevich, student master's degree
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

The author proposes to amend Article 324 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to criminalize the illegal possession of an electronic signature. This is due to the high public danger of such acts, which can lead to serious legal consequences, such as the opening of fictitious companies, remote execution of contracts and withdrawal of money from companies.

The author proposes the formulation of the disposition as: «Illegal possession, acquisition or sale of official documents»... This will make it possible to criminalize the illegal possession of an electronic signature as a kind of illegal possession of official documents.

Keywords: *electronic document, electronic signature, unauthorized access to electronic documents, electronic information.*

Все чаще СМИ публикует материалы о том, что злоумышленники подделали электронную подпись и воспользовались ею с целью обогатиться за счет потерпевших [1]. Данные заголовки являются логически неверными, поскольку электронную подпись нельзя подделать. Усиленная (квалифицированная или неквалифицированная) электронная подпись основана на криптографическом преобразовании информации, что делает невозможным дублирование или ее использование лицом, не имеющим определенных данных. Если же говорить про простую электронную подпись, то ее также нельзя подделать ею возможно только неправомерно завладеть, поскольку она представляет собой подтверждение наличие доступа к почте или телефону владельца.

Раньше, чтобы получить поддельные усиленные электронные подписи, мошенники фальсифицировали личные документы физлица и передавали их в удостоверяющий центр для получения ЭП на имя этого человека. Но с 01.07.2020 правила изменились: чтобы получить ЭП, владельцу сертификата необходимо посетить удостоверяющий центр и подтвердить свою личность.

Любая ЭП состоит из открытой и закрытой частей. Открытая часть — это сертификат ЭП: он доступен для просмотра всем получателям документа. А вот закрытую часть знает только владелец: она хранится на ключевом носителе (токене) или записывается на ПК. Закрытую часть ЭП защищают PIN-кодом, который и пытаются узнать мошенники.

Таким образом, подделка электронных подписей на сегодняшний день невозможна, возможно лишь неправомерное владение ею. В таком случае приобретатель овладевает целым комплексом неправомерных действий (открытие фирмы-однодневки на физ. лицо; удаленное оформление договоров; вывод денег из компании и ее ликвидация и др. юридические действия), что указывает на широкую общественную опасность данной деятельности и достаточность для признания ее преступлением.

По своей правовой природе неправомерное владение не имеет состава преступления ни по одной из статей УК РФ. Возможно лишь квалифицировать такие действия как мошенничество, если все же будет какой-либо преступный

результат. Но в том случае, если владелец цифровой подписи имеет подозрения о возможном неправомерном завладении ею, то такое владение не будет преступлением. Во-первых, потому что УПК РФ не предоставляет определенной процедуры установления таких фактов компетентными органами. Во-вторых, потому что это не будет иметь состава преступления, предусмотренного УК РФ. Следовательно, предупредить и своевременно пресечь возможное преступление правоохранительные органы не смогут, что является противоречием задач уголовного кодекса РФ (ст. 2 УК РФ).

По своему составу оно походит на ст. 327 УК РФ, но объективную сторону такого преступления образуют подделка официального документа; сбыт поддельных официальных документов, государственных наград РФ, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков; изготовление государственных наград РФ, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков. А объективная сторона неправомерного владения ЭП состоит непосредственно в неправомерном владении и распоряжении электронной цифровой подписью, подделка, как упомянуто выше, невозможна для ЭП.

Видится целесообразным принятие новой нормы в УК РФ, которая бы регламентировала такое преступление, ввиду широкой общественной опасности таких деяний.

Наиболее правильным для достижения криминализации деяния считаем необходимым внести изменения в ст. 324 УК РФ под наименованием «приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград».

Так, возможно корректировка ст. 324 УК РФ под названием «Незаконное владение, приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград». А также формулировка диспозиции как: «Незаконное владение, приобретение или сбыт официальных документов...».

Автор полагает, что при такой формировке нормы ст. 324 УК РФ, такое деяние как «неправомерное владение электронной подписью либо иным электронным документом» будет раз и навсегда криминализированным деянием, за которое человек должен нести ответственность.

Литература:

1. Подделка электронной подписи: какая ответственность // URL: <https://ppt.ru/art/ecp/poddelka-elektronnoy-podpisi-kakaya-otvetstvennost-predusmotrena?ysclid=m3botnfrtv395370841>
2. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 N63-ФЗ (последняя редакция).— Текст: электронный //: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 19.11.2024).
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 09.11.2024).— Текст: электронный //: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.11.2024).

Уголовная ответственность за сбыт наркотических и психотропных веществ, а также их прекурсоров посредством информационных технологий

Мусаев Айдар Валерьевич, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Мощный рывок в сфере информационного и технического прогресса в рамках последнего десятилетия привел к возникновению новых отраслей преступности и модернизации криминалитета. Вновь подтвердилась давно существующая тенденция отставания права от реалий современного мира, тогда как преступный мир, не связанный рамками условий законотворчества, успешно подстраивается под переменчивый мир. В частности, появившаяся возможность торговли наркотиками дистанционно существенно осложнила работу правоохранительных органов, не говоря уже о возможной профилактической деятельности в данной области. В статье будут рассмотрены ключевые формы и способы онлайн-наркоторговли, примеры из судебной практики, а также предложены возможные меры по предотвращению подобных преступлений и борьбы с ними.

Развитие информационных технологий в начале XXI века внесло коррективы во все сферы общественной жизни. Повсеместное их внедрение в нашу жизнь сформировало новую реальность, примечательную как многими достоинствами, такими как упрощение и оптимизация в самых различных сферах, от бытового уровня до науки, так и рядом недостатков. Например, в криминальном социуме использование новейших технологий открыло безграничные горизонты, порождая новые и новые способы нарушать закон. Не стоит забывать о том, что применение информационных технологий ускоряет и упрощает осуществление давно известных преступных схем.

Для рассмотрения криминологических и уголовно-правовых вопросов, касающихся сбыта наркотических веществ с помощью информационных технологий, была применена совокупность общенаучных и частно-научных методов познаний. В первую очередь использовались диалектически-системно-структурный, формально-юридический, социологический, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа.

Общественная опасность сбыта наркотических веществ с помощью информационных технологий возросла в разы, так как такой способ позволяет преступникам безнаказанно наращивать объемы сбыта, невозможные при обычной торговле, а также обеспечивает их анонимность, позволяя дольше оставаться неуловимыми для правоохранителей.

Рассмотрим на примере из судебной практики классические схемы совершения подобных преступлений. Так, в одном из судебных дел гражданин А. обвинялся в совершении целого ряда подобных преступлений [1]. Согласно материалам дела, гражданин А. совместно со своей супругой гражданкой Б. распространяли наркотические вещества в роли закладчиков на браузере TOR. TOR или же

The Onion Router является теневым браузером, т.е. позволяет сохранять анонимность и бесплатно получать доступ к заблокированным интернет-ресурсам. Используя эту технологию, пользователь остается анонимным при посещении любых сайтов, скачивании файлов и т.д.

Обвиняемый был зарегистрирован на ныне заблокированном сайте «Гидра». Это была виртуальная площадка для сделок между покупателем и поставщиками, подмявшая под себя рынок интернет-наркоторговли в России и даже в странах ближнего зарубежья [2].

Посредством данной торговой площадки он приобрел наркотики с помощью цифровой валюты, защищенной криптографией (криптовалюты), после чего в личном кабинете получал координаты с адресами закладок, затем раскладывал их вместе с супругой по городу. Затем гражданин А. и гражданка Б. размещали координаты и фото закладок в адрес магазина, где изначально они приобрели наркотические вещества и посредством перевода денежных средств на свой виртуальный кошелек на сайте «Гидра» получали определенную прибыль от своих преступных действий [3].

Рассматривая объективную сторону сбыта наркотических веществ с помощью информационных технологий, можно выделить следующие форматы взаимодействия: переписка потребителя с продавцом посредством использования самых различных, даже безобидных на первый взгляд, социальных сетей и мессенджеров (Skype, Viber, WhatsApp и т.д.) [4], создание сайта, форума или размещение рекламы о наркотических веществах с возможностью заказа через любое электронное устройство [5].

С уголовно-правовой точки зрения такой формат сбыта предполагает существование организованной группы с четким распределением обязанностей, которое обеспечивает максимальную анонимность всех участников и минимизирует общение, максимизируя эффективность. Оплата за выполненные преступные действия также происходит посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей, электронных платежных систем и криптовалюты [6]. Это в значительной степени затрудняет поиск лиц, причастных к организованной группе и привлечение их к ответственности.

Таким образом возникает острая необходимость в формировании новой эффективной системы мер предупреждения и предотвращения данной категории преступлений. Выделим основные направления — исключение анонимности при регистрации пользователей и оперативная блокировка возникающих интернет-ресурсов, распространяющих и пропагандирующих наркотические вещества и их употребление [7].

При этом, с учетом стремительного роста бесконтактных способов купли-продажи наркотических веществ и высокий криминогенный потенциал в данной сфере информационных технологий, раскрытие и расследование рассматриваемых преступлений требует специальных знаний в сфере информационных технологий, а следовательно — специализированного обучения соответствующих сотрудников и постоянного мониторинга подозрительных сайтов.

При этом, особую виктимологическую категорию составляет студенческая молодежь. Студенты особенно уязвимы в том отношении, что несмотря на достижение совершеннолетия, они не обладают сложившейся морально-правовой позицией в силу недостатка жизненного опыта и потому, подвержены риску подпасть под влияние преступников и быть так или иначе затронутыми данной сферой. Именно студенты составляют одну из самых распространенных категорий клиентов соответствующих сайтов и распространителей наркотиков либо их прекурсоров.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.11.2024), п. «б» ч. 3 ст. 228.1, п. «в» ч. 3 ст. 228.1, п. «г» ч. 4 ст. 228.1, п. «б» ч. 3 ст. 228.1, п. «г» ч. 4 ст. 228.1, п. «г» ч. 4 ст. 228.1, п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 228
2. Сомик К. В., Хабибуллин А. И. Повышение эффективности противодействия экономической преступности, использующей возможности сети Интернет и криптографических средств // Теория государства и права, том 20, № 4, С. 220–232
3. Уварова И. А., Колонтаева И. Ф. Распространение наркопреступности с помощью информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2020. № 1 (75). С. 52.
4. Овчинникова О. П. Особенности расследования сбыта наркотических средств, совершенных с использованием сети Интернет // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 1. — С. 94–98.
5. Пляков В.В., Кондратьев М. В. Криминалистические особенности бесконтактного способа совершения наркопреступлений // Юридические науки. — 2015. — С. 83–86.
6. Васюков В. Ф. Расследование дел о сбыте наркотиков с использованием мессенджеров и криптовалюты // Уголовный процесс. 2019. № 9 (177). С. 44–49.
7. Малик В. И. Некоторые проблемы противодействия новым каналам наркопреступности с использованием информационных технологий // Вестник СЮИ, 2022, с. 127.

Понятие охраны интеллектуальной собственности в государствах — членах еаэс

Набиуллин Булат Юрьевич, аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной работе рассматривается развитие интеллектуальной собственности в контексте современной мировой экономики, акцентируя внимание на ее роли в инновационных и цифровых системах. Автор подчеркивает, что интеллектуальная собственность, впервые определенная в Стокгольмской конвенции 1967 года, охватывает права, связанные с результатами творческой деятельности в различных сферах. Исследуется правовая, социологическая и экономическая значимость интеллектуальной собственности, выявляя ее многозначность и необходимость комплексного подхода к определению термина. В тексте также выделяются ключевые аспекты, такие как управление объектами интеллектуальной собственности и общественные отношения, возникающие при ее использовании. Автор приходит к выводу, что интеллектуальная собственность представляет собой важное явление, способствующее развитию общества и охраняющее права создателей новшеств.

Ключевые слова: интеллектуальное право, ЕАЭС, охрана интеллектуальной собственности.

The concept of intellectual property protection in the EAEU member states

Nabiullin Bulat Yuryevich, graduate student
Kazan (Volga region) Federal University

This paper examines the development of intellectual property in the context of the modern global economy, focusing on its role in innovation and digital systems. The author emphasizes that intellectual property, first defined in the Stockholm Convention of 1967, covers rights associated with the results of creative activity in various fields. The legal, sociological and economic significance of intellectual property is examined, revealing its ambiguity and the need for an integrated approach to defining the term. The text also highlights key aspects, such as the management of intellectual property and the social relations that arise from its use. The author concludes that intellectual property is an important phenomenon that contributes to the development of society and protects the rights of creators of innovations.

Keywords: intellectual property law, the EAEU, protection of intellectual property.

Развитие современной экономики мирового уровня имеет особое отличие, которое заключается в установлении инновационных и цифровых систем, которые служат определенным шагом к получению научных знаний. Разработка, внедрение, использование научных знаний напрямую связано с интеллектуальной собственностью, которая находится под особой защитой.

Соответственно, на современном этапе существует определенная потребность в изучении и анализе понятия интеллектуальной собственности, исследования охраны его объектов на международном уровне.

Впервые термин интеллектуальная собственность был закреплен в Стокгольмской конвенции 1967 г.

Согласно ей интеллектуальная собственность охватывает все права, которые относятся к результатам творчества в научной, литературной, производственной и художественной сферах.

В условиях современности интеллектуальная собственность может быть рассмотрена с правовой, социологической и экономической стороны. Это приводит к тому, что термин интеллектуальная собственность может иметь несколько значений.

В правовом смысле интеллектуальная собственность — это совокупность прав субъекта по управлению объектами собственности. В социологическом аспекте, как указывает М. Г. Иванова, интеллектуальная собственность рассматривается как общественные отношения, которые возникают при использовании интеллектуальной деятельности, при этом оно обладает определенными свойствами, которые имеют свои специфические черты [2].

В рамках экономического аспекта интеллектуальная собственность рассматривается как совокупность общественных отношений, которые возникают по поводу присвоения или отчуждения результатов интеллектуальной деятельности в процессе их распределения, обмена и потребления.

Таким образом, в настоящее время отсутствует комплексный подход к определению термина интеллектуальной собственности, поэтому термин интеллектуальная собственность имеет множество понятий.

В более узком смысле интеллектуальной собственностью являются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, использо-

вание которых закреплено уже в соответствующих нормативных актах [1].

В широком смысле интеллектуальная собственность рассматривается многими исследователями как впервые созданный и по закону принадлежащий авторам интеллектуальный продукт, который способствует развитию общества в различных сферах деятельности [4].

На наш взгляд, интеллектуальную собственность можно понимать как определенное явление, которое возникло на определенном этапе развития творческой деятельности в жизни людей, поэтому оно призвано охранять создателей новшеств.

Законодательное регулирование вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью, имеет существенное значение для политики каждого государства, поэтому важно поддерживать сотрудничество стран на международном уровне, чтобы всецело обеспечить охрану объектов интеллектуальной собственности.

На сегодняшний день представлено множество договоров на международном уровне, которые направлены на сотрудничество стран. Их можно классифицировать по различным основаниям [3].

Так, например, международные договоры в сфере интеллектуальной собственности можно поделить по кругу участников.

К ним относятся:

- договоры общего значения, которые направлены на неограниченный круг лиц;
- региональные договоры, которые применяются в отношении ограниченного круга лиц;
- двусторонние договоры, которые заключаются между государствами непосредственно.

К договорам общего значения могут относиться государства, которые находятся в совершенно различных и отдаленных регионах и которые также принадлежат к разным правовым системам.

Безусловно, данные особенности учитываются непосредственно договором.

На сегодняшний день в ЕАЭС происходит постепенное совершенствование системы инструментов, направленных на улучшение контроля в сфере регулирования прав интеллектуальной собственности [3].

Таким образом, международные договоры в рамках защиты интеллектуальных прав повсеместно распространены и имеют свои отличительные черты, особенности и специфику, которые могут быть выражены в структуре, содержании.

Однако объединение данных договоров и создание единого международного договора является на сегодняшний день почти неисполнимой задачей, поскольку

культурные, технологические и иные ценности и различия государств будут препятствовать в достижении согласия по всем вопросам, которые будут освещены в одном договоре.

Основная задача международных договоров по охране интеллектуальных прав является защита интересов и прав авторов посредством эффективных норм при обеспечении баланса интересов сторон.

Литература:

1. Дворников Д. В. Международно-правовой механизм защиты прав интеллектуальной собственности в рамках Всемирной торговой организации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Д. В. Дворников. — М., 2020. — 15 с. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_bibl_854892?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 23.03.2024).
2. Иванова М. Г. Роль государства в формировании системы интеллектуальной собственности в России в современных условиях // Журнал «Социология власти». — 2022. — С. 61–65.
3. Курбанов Р. А. Вопросы охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на евразийском пространстве // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № . 6. — С. 82–86.
4. Шугуров М. В. Право интеллектуальной собственности Евразийского экономического союза: системно-правовой подход / М. В. Шугуров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 4. — С. 9–11.

Особенности формирования и функционирования Правительства Российской Федерации в условиях конституционного реформирования

Никитин Егор Андреевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В настоящей статье анализируются процедурные особенности формирования Правительства Российской Федерации, а также рассматриваются специфические аспекты его функционирования сквозь призму конституционных поправок 2020 года. Особое внимание уделяется проблематике регулирования деятельности Правительства, а также поиску путей устранения существующих правовых пробелов. Отмечается, что на сегодняшний день консультативная функция Совета Федерации, которая должна быть реализована при назначении Президентом на должность кандидатов отдельных федеральных министров, является формальной, в связи с чем целесообразно придать ей юридическую значимость путем совершенствования законодательства. Также отмечается необходимость установления дисциплинарной ответственности Председателя Правительства Российской Федерации.

Ключевые слова: публичная власть, органы исполнительной власти, Правительство Российской Федерации, Президент Российской Федерации, Председатель Правительства, федеральные министры.

Features of the formation and functioning of the Government of Russian Federation in the context of constitutional reform

Nikitin Egor Andreevich, master's degree student

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article analyzes the procedural features of the formation of the Government of the Russian Federation, as well as examines the specific aspects of its functioning through the prism of the constitutional amendments of 2020. Special attention is paid to the problems of regulating the activities of the Government, as well as finding ways to eliminate existing legal gaps. It is noted that today the advisory function of the Federation Council, which should be implemented when the President appoints candidates for individual federal ministers, is formal, and therefore it is advisable to give it legal significance by improving legislation. It is also noted that it is necessary to establish disciplinary responsibility of the Chairman of the Government of the Russian Federation.

Keywords: *public authorities, executive authorities, Government of the Russian Federation, President of the Russian Federation, Chairman of the Government, federal ministers.*

В Российской Федерации ключевое положение в системе исполнительной власти занимает Правительство Российской Федерации. Юридический базис, обеспечивающий существование единой системы исполнительных органов власти в стране, составляет прежде всего ч. 2 ст. 77 Конституции Российской Федерации. Вопросы организационно-правового создания и полноценного функционирования единой системы органов исполнительной власти определяются не только конституционно-правовыми нормами, но и положениями Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

Так, согласно ч. 1 ст. 1 упомянутого Закона, в Российской Федерации исполнительную власть осуществляют Правительство Российской Федерации, иные федеральные органы исполнительной власти, которые находятся под руководством главы государства, и исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации. Приведенная норма является логичным шагом на пути к развитию положения ч. 1 ст. 110 Конституции Российской Федерации, где фактически закреплено лидерство главы государства в системе исполнительной власти. В условиях конституционных преобразований последних лет упомянутые законодательные нормы являются новеллами в области построения единой и прочной системы органов исполнительной власти.

Интересен тот факт, что в ст. 1 ранее действовавшего Федерального конституционного закона от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» Правительство определялось буквально как орган, который на монопольных началах осуществляет в стране исполнительную власть, одновременно и возглавляя единую систему исполнительной власти. Думается, что подобный подход не мог в достаточной степени обеспечить достижение положительного системного эффекта в контексте реализации исполнительной власти. В частности, подтверждение своим рассуждениям находим в трудах Б.В. Россинского, который отмечает невозможность «должного эффекта конъюгации исполнительных органов» [6, с. 13]. Кроме того, Б.В. Россинский не безосновательно подчеркивает, что обеспечение единства исполнительной власти в Российской Федерации предполагает «реализацию принципа моноцентризма» [6, с. 14], приверженность которому уже нашла свое отражение в ч. 1 ст. 110 Конституции Российской Федерации и в ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации».

В отечественном научном сообществе неоднократно обращалось внимание на проблемы, препятствующие реализации принципа моноцентризма, и, следовательно, замедляющие укрепление системных позиций исполнительной власти в Российской Федерации с точки зрения

единства ее органов. Так, определенным сдерживающим эффектом, по мнению А. Ф. Малого и А. А. Гафурова, обладает модель федеральных исполнительных органов, нашедшая свое отражение в Указе Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [3, с. 136]. Действительно, в 2004 году фундаментальной идеей построения власти выступал концептуальный подход к групповому разделению контрольно-надзорных, управленческих, нормотворческих функций между органами исполнительной власти, который структурно находились в одной отраслевой подсистеме. Предполагалось, что это позволит устранить избыточный монополизм органов власти, особенно функционирующих в рамках общей отрасли. К настоящему времени стало очевидно, что такая конструкция обладает рядом отрицательных моментов. Например, Б.В. Россинский обращает внимание на ухудшение работы органов власти ввиду отсутствия между ними необходимой слаженности и координации, ведь «основная идея реформы фактически устранила моноцентризм в отраслевых подсистемах» [6, с. 21].

Придерживаясь рассуждений Б.В. Россинского, следует полагать, что неслучайно в структуре федеральных органов исполнительной власти происходят трансформации. С течением времени данный процесс лишь усиливается, хоть и не сопровождается резкими преобразованиями. Думается, что сложившаяся ситуация объясняется необходимостью предотвращения утраты исполнительной властью своих позиций в управлении делами государства. В этой связи необходимо напомнить, что как главный орган исполнительной власти Правительство обладает весьма объемным перечнем полномочий, функций и задач, которые подверглись изменениям в условиях конституционного реформирования.

Например, в ст. 114 Конституции теперь детализированы общие полномочия Правительства Российской Федерации, которые касаются разнообразных сфер общественной жизни (это и вопросы исполнения федерального бюджета; проведения финансовой, культурной, образовательной, семейной политики; поддержки научно-технического развития; управления федеральной собственностью и поддержания национальной безопасности). При этом Л.Н. Сморгачева подчеркивает важность постепенного расширения и уточнения сфер деятельности Правительства, что невозможно осуществить без последовательной актуализации его полномочий [7]. Например, в ст. 22 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» в настоящее время совершенно не уточнены полномочия Правительства в сфере природопользования, хотя на необходимость «обеспечения справедливого удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений в области развития окружающей

среды» еще в 2015 году указывал Конституционный Суд в Постановлении № 12-П.

Также следует обратить внимание на определенные сложности, связанные с внутриорганизационным функционированием Правительства Российской Федерации, формированием и реализацией им своих полномочий. Так, О. А. Ибрагимов отмечает, что формирование Правительства осуществляется при условии последовательной реализации следующих стадий:

- осуществление назначения Председателя Правительства Российской Федерации;
- формирование структуры федеральных органов исполнительной власти, назначение заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров;
- отставка Правительства Российской Федерации в случаях, предусмотренных действующим законодательством [2, с. 38].

Процесс формирования является неотъемлемой составляющей выполнения Правительством Российской Федерации возложенных на него функций. Как правило, порядок формирования Правительства следует рассматривать как многоэтапное явление, на каждом из которых могут произойти определенные правовые проблемы. Так, в настоящее время Президент Российской Федерации вправе самостоятельно назначать на должность отдельных федеральных министров (МИД России, МЧС России, МВД России, Минобороны России), первоначально проконсультировавшись с Советом Федерации, но не утверждая данные кандидатуры в Государственной Думе. Особый интерес в данном контексте представляет порядок проведения данной консультации. Так, Президент вносит в Совет Федерации соответствующее представление по кандидатуре министра, а также характеризующие его материалы. В свою очередь, Совет Федерации не позже семи дней со дня получения представления от главы государства должен рассмотреть материалы и направить Президенту свое решение.

А. Н. Медушевский, рассматривая особенности консультации Президента Советом Федерации, отмечает, что в законодательстве наблюдается неопределенность, которая не позволяет однозначно предусмотреть развитие событий при неодобрении Советом представленной кандидатуры [4, с. 52]. А. А. Султанова полагает, что существующая процедура назначения федеральных министров Президентом Российской Федерации носит исключительно формальный характер, поскольку фактические результаты консультации не учитываются на практике, достаточно соблюдения процедуры [8]. Учитывая сказанное, представляется целесообразным внести определенные изменения в ч. 3 ст. 10 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» следующего содержания:

«3. Совет Федерации не позднее недельного срока со дня получения представления и других материалов, указанных в части 2 настоящей статьи, информирует в пись-

менной форме Президента Российской Федерации о результатах рассмотрения представленной кандидатуры с мотивированным обоснованием ответа (в случае неодобрения представленных кандидатур).

В случае неодобрения Советом Федерации представленных Президентом Российской Федерации кандидатур, Президентом Российской Федерации в течение двадцати четырех часов представляются иные кандидатуры федеральных министров, назначаемых на должность в порядке, предусмотренном пунктом 1 части 1 настоящей статьи, а Советом Федерации представляется мотивированный ответ».

Данное нормативное уточнение, как представляется, позволит не только усовершенствовать процедуру консультирования Президента, но и повысит ее эффективность, практическую значимость, поскольку Совет Федерации получит реальную возможность не одобрить представленную кандидатуру, указав Президенту соответствующие обоснования своего решения.

Отдельного внимания заслуживает и специфика назначения и функционирования Председателя Правительства Российской Федерации, на которого одновременно возложена и персональная ответственность за реализацию Правительством своих полномочий. Так, назначение Председателя Правительства осуществляется Президентом после утверждения его кандидатуры Государственной Думой. Представленная кандидатура подлежит рассмотрению и утверждению в течение недели после ее представления. Данное положение стало результатом конституционной реформы 2020 г., поскольку ранее Государственная Дума только давала согласие на назначение кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации. После утверждения кандидатуры Председателя он имеет недельный срок для формирования структуры федеральных органов исполнительной власти (за исключением тех случаев, когда это входит в компетенцию Президента государства). Подобным образом осуществляется назначение заместителя Председателя Правительства и федеральных министров (при учете согласования их кандидатур Государственной Думой).

В марте 2020 г. были внесены значимые изменения в положения Конституции Российской Федерации. Так, особое внимание следует уделить новой редакции ч. 4 ст. 111 Конституции РФ, где предусмотрено, что после трехкратного отклонения кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации, Президент имеет возможность назначить лицо председателем, при этом осуществив роспуск Государственной Думы и назначив новые выборы. В соответствии с новыми поправками к Конституции Российской Федерации, на законодательном уровне не установлено, должен ли быть назначенный Председатель Правительства быть в числе кандидатов, который был ранее представлен Государственной Думе (по аналогии, например, с заместителем Председателя и федеральными министрами). Модификации подвергся также и порядок назначения заместителей Председателя Правительства,

федеральных министров, при этом полномочия Государственной Думы как непосредственного участника данного процесса были существенно расширены [7, с. 75].

Также следует отметить, что к настоящему времени существуют определенные проблемы в сфере регулирования деятельности Председателя Правительства, особенно в части представления кандидатур своих заместителей и министров федерального уровня для утверждения Думой. Е. В. Виноградова, И. Л. Данилевская и Г. С. Пятюлин справедливо отмечают, что на законодательном уровне отсутствует вариант регламентации действий Президента Российской Федерации в ситуациях, когда Председателем Правительства не были своевременно представлены предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти, либо были нарушены сроки представления кандидатур в Думу для утверждения [1, с. 35]. Из содержания ст. 113 Конституции Российской Федерации следует, что Председатель Правительства несет персональную ответственность перед Президентом Российской Федерации за осуществление своих полномочий. В то же время, ни упомянутая Конституция, ни Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» не содержат уточняющих положений по поводу привлечения Председателя к ответственности. По нашему мнению, данный правовой пробел можно устранить, например, путем внесения соответствующих дополнений в ч. 2 ст. 9 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации». В частности, необходимо закрепить, что Председатель Правительства должен быть привлечен к дисциплинарной ответственности, если им нарушены установленные сроки для представления кандидатур министров для утверждения в Государственную Думу и предложений о структуре органов исполнительной власти.

Продолжая рассмотрение специфики функционирования Правительства, отметим, что в рамках конституционной реформы существенным изменениям подверглась процедура выражения недоверия Правительству Российской Федерации и осуществления его досрочной отставки. Так, в новой редакции ч. 4 ст. 117 Конституции Российской Федерации, предусмотрено право, а не обязанность Президента принять решение об отставке Правительства, либо о роспуске Государственной Думы, в том случае, если было выражено недоверие Правительству Российской Федерации. Так, при повторном, в течение трех месяцев отказе в доверии Государственной Думе, сохраняется ранее существующий вариант, который предусматривает обновление либо Государственной Думы или Правительства Российской Федерации.

Конституционной практике известны случаи досрочной отставки Правительства Российской Федерации, однако, случаев выражения к нему недоверия в настоящее время еще зафиксировано не было. Между тем, в данном случае важно подчеркнуть взаимосвязь органов исполнительной и законодательной власти, а также Президента страны в процессе выражения недоверия Правитель-

ству Российской Федерации. Так, фактически «последнее слово» в данном случае отводится Президенту Российской Федерации, которые имеет право распустить Государственную Думу и назначить новые выборы в том случае, если Дума в течение трех месяцев выражает повторное недоверие Правительству, а Президент не желает в свою очередь осуществлять отставку Правительства Российской Федерации. К особенностям функционирования Правительства следует отнести также то, что перед вновь избранным Президентом Российской Федерации Правительство слагает свои полномочия, что предусматривает, соответственно, необходимость формирования нового Правительства в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации.

Итак, Правительство является институтом государственной власти, который непосредственно зависит от конституционно-правовых процедур, происходящих на уровне государства. Данное утверждение, на наш взгляд, подчеркивает юридическую взаимосвязь органов исполнительной власти и Президента Российской Федерации. Нововведением Конституции Российской Федерации в условиях реформирования 2020 г. следует считать и норму, в соответствии с которой Председатель Правительства и его члены перестали существовать в непосредственной взаимосвязи друг с другом. Так, ранее отставка Председателя Правительства влекла за собой отставку всего Правительства как единого коллегиального органа.

Начиная с 2020 г., подать в отставку может как все Правительство, так и его отдельные члены (например, заместитель Председателя Правительства или отдельный федеральный министр). В свете сказанного, отмечается, что в процедуре назначения главы российского Правительства рассмотрение кандидатуры Государственной Думой является единственным конституционно-правовым ограничением выбора Президента Российской Федерации [5, с. 44]. На наш взгляд, отличие процедуры согласования от утверждения состоит в смещении зоны конституционной и политической ответственности за выбранного кандидата от Президента к Государственной Думе. В 2020 г. также были внесены изменения в положения Конституции о требованиях к членам Правительства Российской Федерации. Данные требования распространяются в том числе на председателя Правительства, его заместителей, федеральных министров. Так, в настоящее время предусмотрено, что член Правительства не может иметь иностранное гражданство или право на постоянное проживание в иностранном государстве. Кроме того, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства в иностранных банках, которые расположены за пределами Российской Федерации. При этом следует отметить, что данные формулировки не следует считать принципиальным нововведением, поскольку и раньше они содержались в положениях федерального законодательства, но в 2020 г. были сконцентрированы еще в положениях Конституции Российской Федерации [9].

Подводя итоги сказанному выше, отметим, что в настоящее время законодатель продолжает работу над обеспечением единства органов исполнительной власти с позиций их системного взаимодействия. События последних лет свидетельствуют о регулярных структурных изменениях в исполнительной власти для цели сохранения сферы влияния в вопросах управления государственными делами. Следует полагать, что постепенно будет найдена оптимальная модель построения системы органов исполнительной власти как неотъемлемой подсистемы публичной власти в стране. В свете сказанного, потребуется решить и некоторые проблемы, касающиеся формирования и непосредственного функционирования Правительства Российской Федерации. Так, в действующем законодательстве должным образом не регламентирована процедура консультирования Президента с Советом Федерации при назначении на должность отдельных феде-

ральных министров. В этой связи предлагается внести необходимые уточнения в Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации», закрепив важность получения Президентом от Совета Федерации мотивированного обоснования при одобрении или неодобрении представленной кандидатуры. Кроме того, в упомянутом Законе должны найти закрепление нормы, касающиеся привлечения Председателя Правительства к дисциплинарной ответственности в случае нарушения последним установленных сроков для представления кандидатур федеральных министров и своих заместителей.

Думается, что последовательные действия законодателя на пути к достижению необходимого уровня единства исполнительных органов власти являются залогом совершенствования и системного укрепления публичной власти в Российской Федерации в условиях конституционных трансформаций.

Литература:

1. Виноградова Е. В., Данилевская И. Л., Патюлин Г. С. Исполнительная власть в конституционно-правовом дизайне современной России. Правительство: статус, полномочия, функции // Труды Института государства и права РАН. 2021. Том 16. № 5. С. 35–54.
2. Ибрагимов О. А. Актуальные проблемы формирования Правительства Российской Федерации: конституционно-правовой анализ // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2021. № 3. С. 36–44.
3. Малый А. Ф., Гафуров А. А. Порядок формирования и отставки Правительства РФ: новации конституционной реформы // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2021. № 16. С. 134–141.
4. Медушевский А. Н. Конституционные поправки в России 2020 г. как политический проект переустройства государства // Публичная политика. 2020. Т. 4. № 1. С. 43–66.
5. Пресняков М. В. Кадровые полномочия Федерального Собрания Российской Федерации как элемент партиципаторного парламентского контроля // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 42–49.
6. Россинский Б. В. Законодательное обеспечение единства исполнительных органов с позиций теории систем // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 11–21.
7. Сморгочкова Л. Н. Правительство Российской Федерации: трансформация правового статуса // Право и практика. 2021. № 4. С. 73–76.
8. Султанова А. А. К вопросу о трансформации административно-правового статуса Председателя Правительства Российской Федерации: политико-правовой аспект // Правовая парадигма. 2021. Том 20. № 2. С. 114–120.
9. Худoley Д. М. О некоторых замечаниях об изменениях Конституции Российской Федерации, касающихся деятельности правительства РФ // Ex jure. 2021. № 2. С. 56–66.

Современное состояние виктимологической профилактики в Российской Федерации

Никитин Никита Алексеевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Виктимологическая профилактика преступлений — важнейший элемент системы предупреждения правонарушений, направленный на снижение риска виктимизации (стать жертвой преступления) и минимизацию ущерба от преступных посягательств. В Российской Федерации, как и во многих других странах, данное направление профилактики находится на этапе активного

развития, однако сталкивается с рядом значительных проблем, требующих решения на государственном и общественном уровнях.

Под виктимностью понимается «предрасположенность (способность) при определенных обстоятельствах стать жертвой преступления или неспособность противостоять криминальному поведению» [1].

«Главная цель виктимологической профилактики заключается в защите потенциальной жертвы, что способствует в итоге снижению количества преступлений, характеризующихся наличием жертв» — указывает Невский С. А. [2]

Современное состояние виктимологии характеризуется развитием теоретических основ и понятийного аппарата. Ученые активно исследуют сущность виктимности (индивидуальные и социальные факторы, повышающие вероятность стать жертвой), механизмы виктимизации (процессы, приводящие к причинению вреда), типологию жертв преступлений и классификации видов виктимности (например, случайная, закономерная пассивная, закономерная активная), а также эффективность различных форм и методов виктимологической профилактики [3, 4]. Важно отметить, что подход к изучению виктимологии претерпел эволюцию: от поиска «вины» жертвы к фокусу на защите ее прав и обеспечении профилактики.

В России законодательная база в области виктимологической профилактики находится на стадии развития. Действует ряд законов, затрагивающих вопросы защиты прав жертв преступлений, такие как Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», который регулирует предоставление различных мер защиты потерпевшим, и другие нормативные акты, касающиеся отдельных видов преступлений [5]. Однако, единого всеобъемлющего закона о виктимологической профилактике до сих пор нет. Это затрудняет системный подход к реализации профилактических мер и создает правовой вакуум в некоторых важных аспектах. Несовершенство законодательства, недостаток четких определений ключевых понятий и механизмов приводит к неэффективному использованию потенциала виктимологической профилактики.

Несмотря на теоретические достижения, практическое применение виктимологической профилактики в России сталкивается с множеством проблем. Одной из таких проблем является недостаточное информирование населения. Граждане недостаточно информированы о мерах предосторожности и возможностях защиты от преступлений. Профилактические программы недостаточно распространены и не всегда эффективны. Также отсутствует достаточное финансирование и кадровое обеспечение профилактической работы. Специалисты в области виктимологии не всегда имеют необходимую квалификацию и практический опыт. Помимо того, между правоохранительными органами, социальными службами и другими заинтересованными структурами отсутствует эффективная система взаимодействия в области виктимологической профилактики.

Отметим, что меры профилактики не всегда учитывают типологические особенности жертв преступлений. Это приводит к снижению эффективности профилактической работы. И даже в современных исследованиях, приведя, к примеру работу Шалагина А. Е., сложно найти

вероятное негативное или позитивное прогнозирование при составлении планов по профилактике.

Систематический сбор, анализ и использование данных о виктимизации населения, которые критически важны для разработки и реализации эффективных профилактических программ, остается несовершенным. Существующие данные часто неполны, неадекватны, недостаточно детализированы, не всегда позволяют выявить реальные масштабы виктимизации и тенденции её изменения.

Для повышения эффективности виктимологической профилактики в России необходимы комплексные меры:

Во-первых, следует принять единый закон о виктимологической профилактике преступлений, который бы четко определял полномочия различных государственных органов и общественных организаций, устанавливал единые стандарты проведения профилактических мероприятий, регулировал порядок оказания помощи жертвам преступлений и компенсацию причиненного ущерба.

Во-вторых, усилить информационно-просветительскую работу по пропаганде мер безопасности и разъяснения населению механизмов виктимизации помогут снизить риск стать жертвой преступления.

В-третьих, непрерывно повышать квалификацию специалистов. Требуется обучение сотрудников правоохранительных органов, социальных служб и других заинтересованных организаций в области виктимологии, разработка эффективных методик и программ профилактической работы с учетом типологии жертв [6, с. 483].

В-четвертых, важно создать эффективную систему сотрудничества между государственными органами и общественными организациями, отвечающую за профилактику преступлений, защиту прав жертв и оказание помощи. Вслед за этим, с целью эффективной системы сбора, анализа и использования данных о виктимизации населения необходимо организовать мониторинг. Это позволит разработать более точные и эффективные программы виктимологической профилактики.

Ганус Д. И. предлагает исчерпывающие методы ситуационной профилактики преступности. Они включают: контроль доступа (видеонаблюдение, системы идентификации); физические барьеры (дополнительные замки, сейфы); управление орудиями преступлений (изъятие ножей, ограничение продажи алкоголя); изоляцию потенциальных правонарушителей (организованная доставка болельщиков, регулирование парковки); скрининг (проверка документов); наблюдение (полиция, охранники, менеджеры); дополнительное освещение. Предлагается также сокращение искушения (рекомендации по ношению украшений, хранению ценных вещей) и стимулирование совести (предупреждающие знаки, социальная реклама). Эффективность этих мер зависит от скоординированной работы государственных органов и общественных институтов под руководством единого федерального центра, определяющего политику и контролирующего исполнение. Система должна включать как исполнительные органы, реализующие профилактические мероприятия, так

и органы, формирующие политику и координирующие действия участников.

Современное состояние виктимологической профилактики в Российской Федерации характеризуется сочетанием теоретических достижений и серьезных проблем практического применения. Для эффективного снижения уровня виктимизации и минимизации ущерба от преступлений необходимо комплексное решение задачи, вклю-

чающее совершенствование законодательства, усиление информационно-просветительской деятельности, повышение квалификации специалистов, улучшение межведомственного взаимодействия и создание эффективной системы мониторинга состояния виктимизации населения. Только комплексный подход позволит в полной мере реализовать потенциал виктимологической профилактики преступлений в России.

Литература:

1. Шалагин А.Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика // ВЕСТНИК Казанского юридического института МВД России.— № 1(27).— 2017. С. 62–65.
2. Невский С. А., Клещина Е. Н. О современных проблемах профилактики преступлений // ИСОМ. 2010. № 2. С. 19–23.
3. Алексеев А. И. Криминология. Курс лекций. М., 2006.
4. Полубинский В. И. Криминальная виктимология. М., 2008.
5. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // «Собрание законодательства РФ», 23.08.2004, № 34, ст. 3534, «Парламентская газета», № 155–156, 25.08.2004, «Российская газета», № 182, 25.08.2004.
6. Кузьмин Ю. А. Перспективы развития виктимологии в России / Ю. А. Кузьмин // Современные научные исследования и разработки.— 2018.— № 10(27).— С. 481–484.

Роль прокуратуры в обеспечении виктимологической профилактики преступлений в стране и мире

Никитин Никита Алексеевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Виктимология, изучающая жертв преступлений, приобретает всё большую актуальность в криминологии. Укрепление правопорядка и борьба с преступностью немислимы без учёта специфики виктимного поведения и разработки мер по предотвращению преступлений и минимизации ущерба, нанесённого жертвам. В этом процессе особая роль отводится органам прокуратуры, наделённым широким спектром полномочий и выполняющих несколько функций, пересекающихся с виктимологической профилактикой.

Федеральный закон № 182-ФЗ от 23.06.2016 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» позволяет регулировать общественные отношения, возникающие в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации [1]. Однако, Филиппова О.Е. указывает, что действующее российское законодательство не содержит норм, закрепляющих методику реабилитации жертв и предупреждения преступлений. При этом за рубежом уже накоплен значительный опыт по предупреждению преступлений путем снижения виктимности общества в целом и отдельных граждан в частности [2].

Анализируя работу Филипповой О.Е., следует признать, что зарубежный опыт (Великобритании и Китая) виктимологической профилактики преступлений демонстрирует разнообразие подходов, но общую направлен-

ность на поддержку жертв и снижение их уязвимости. В Великобритании созданы специальные службы помощи жертвам, а Хартия жертв 1990 года закрепила их права. Китай, с традиционно низким уровнем преступности, использует воспитание и пропаганду, но помощь жертвам ограничена рамками правосудия. Успешная профилактика требует системного подхода, сочетающего государственную поддержку и активное вовлечение общественности. Реализовать подобную поддержку возможно лишь при помощи квалифицированных специалистов. В этом случае возрастает ценность прокурорской деятельности.

Гаджиев Д.М. указывает, что невзирая на утраченные полномочия в области расследования уголовных дел, прокуратура осуществляет координацию деятельности правоохранительных органов в области противодействия преступности [3].

Президентский Указ 1996 года «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», закрепивший «Положение о координации», внёс коррективы в Закон «О прокуратуре РФ», четко определив координацию правоохранительных органов как одну из ключевых задач прокуратуры. Указ детализирует формы этой координации: совместные совещания руководителей, обмен информацией, совместные выезды в регионы, создание следственно-оперативных групп,

совместные мероприятия по выявлению и пресечению преступлений, повышение квалификации сотрудников, взаимопомощь в обеспечении безопасности, издание совместных документов, разработка и утверждение планов, совместные проверки и разработка предложений для региональных программ. Этот перечень не полон. Хотя указ акцентирует выявление и пресечение преступлений, его принципы применимы и к профилактической работе. Научные исследования подтверждают эффективность использования указанных форм координации, чему сегодня уделяется всё большее внимание, а также должно исследоваться более дифференцированно.

Функциональные направления работы прокуратуры, связанные с виктимологической профилактикой представлены: надзором за исполнением законов, уголовным преследованием, координацией деятельности правоохранительных органов, участием в правотворчестве и правовым просвещением [4].

При надзоре за исполнением законов прокуратура обеспечивает соблюдение принцип защиты права и безопасности жертв преступлений на всех стадиях уголовного судопроизводства — от доследственной проверки до исполнения приговора. Это включает надзор за проведением расследования, привлечением виновных к ответственности, исполнением приговоров, выплатой компенсаций и реабилитационных мер. Несвоевременное выявление и пресечение нарушений прав жертв может способствовать вторичной виктимизации и препятствовать восстановлению социальной справедливости.

В ходе уголовного преследования прокурор активно участвует в защите прав потерпевших. Он принимает решения о направлении дел в суд, поддерживает государственное обвинение, контролируя своевременное и качественное расследование, что напрямую влияет на эффективность установления истины и привлечения виновных к ответственности.

Прокуратура координирует работу правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и пресечению преступлений против личности, что особенно актуально в случаях организованной преступности или преступлений террористической направленности. Эффективное взаимодействие разных структур, обеспеченное прокуратурой, позволяет предотвращать преступления и минимизировать последствия, а также осуществлять комплексный подход к защите жертв.

Прокуратура вносит предложения в законодательные органы о совершенствовании законодательства в сфере защиты прав жертв, что способствует созданию более эффективных механизмов профилактики и предотвращения виктимизации. А также прокуратура ведет активную право-просветительскую работу, информируя граждан о видах преступлений против личности, способах самозащиты, механизмах получения государственной помощи и защиты. Такая деятельность повышает правовую грамотность населения, укрепляет его защищённость и снижает риск стать жертвой преступления.

Зарубежный опыт демонстрирует эффективность виктимологической профилактики, которая напрямую зависит от системности подхода и степени вовлечения общественности. В Великобритании созданы специализированные службы и организации, оказывающие помощь и поддержку жертвам преступлений. В Китае, где уровень преступности традиционно ниже, воспитанию граждан в духе коллективизма и самосохранения уделяется большое внимание.

Сложно не согласиться с мнением Филипповой О.Е. о наличии ряда проблем в вопросах виктимологической профилактики в России. Недостаточная правовая регламентация виктимологической профилактики, низкий уровень осведомленности населения о своих правах и возможностях получения помощи, недостаточная координация деятельности различных субъектов предупреждения преступлений, недостаточное финансирование мер по поддержке и реабилитации жертв, а также недостаток квалифицированных специалистов в сфере виктимологии — все это создает значительные препятствия сегодня для действующего механизма профилактической работы исполнительных органов.

Анализ представленных Кувардиным В.В. и Богомоловой К.И. данных, свидетельствуют о системности и эффективности работы органов прокуратуры в противодействии проявлениям экстремистским и террористическим явлениям, однако прослеживается тревожная закономерность увеличения нарушений в сфере исполнения законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, что свидетельствует о наличии неиспользованных резервов в деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию идеологии экстремизма и терроризма.

Для повышения эффективности виктимологической профилактики преступлений необходим комплексный подход, затрагивающий законодательные, информационные и кадровые аспекты, а именно: законодательное закрепление самой виктимологической профилактики, усиление правового просвещения граждан, расширение возможностей получения жертвами всесторонней поддержки, повышение квалификации сотрудников прокуратуры в области виктимологии.

В заключение отметим, что роль прокуратуры в обеспечении виктимологической профилактики преступлений чрезвычайно важна. Комплексный подход, основанный на сочетании надзорной и координационной функций, правового просвещения, а также вовлечение общественности — необходимые составляющие для эффективной защиты прав и интересов жертв преступлений, а также создания безопасной среды для каждого гражданина страны и мира в целом. Это потребует дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики, а также повышения профессионализма сотрудников правоохранительных органов.

Литература:

1. Майоров А. В. О юрисдикции субъектов виктимологической профилактики в свете принятия федерального закона № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 1 (24). С. 135–140.
2. Филиппова Е. О. Виктимологическая профилактика преступлений в России и зарубежных странах / Е. О. Филиппова, О. В. Журкина // Аллея науки.— 2019.— Т. 1, № 7(34).— С. 418–424.
3. Гаджиев Д. М. Роль органов прокуратуры и органов внутренних дел в предупреждении преступлений (по материалам Республики Дагестан) // Научные высказывания. 2023. № 23 (47). С. 88–98.
4. Кувардин В. В., Богомолова К. И. Роль органов прокуратуры в противодействии экстремизму и терроризму в современной России // Вестник СГЮА. 2023. № 2 (151). С. 244–250.

Право на забвение

Осьминина Нина Валерьевна, аспирант
Севастопольский государственный университет

В эпоху развития цифровых технологий, возникают трудности и с достоверной получаемой информацией, а именно когда опубликованная в сети Интернет уже не актуальна. Ситуаций может быть множество и к каждой необходимо подходить индивидуально. Например, человек ранее указав о себе какую-либо информацию, просит ее удалить, поскольку уже не пользуется данной электронной почтой или номером телефона. Или же лицо просит удалить негативные отзывы о своей деятельности, мотивируя это тем, что данная информация устарела, отзывы были опубликованы давно, в связи с чем не являются актуальными. С данными требованиями может быть не согласен Интернет-ресурс, на котором опубликована данная информация. Вместе с тем, с 01.01.2016 года в Российской Федерации были приняты поправки к ФЗ от 13.07.2015 N264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 29 и ст. 402 ГПК РФ которые дают возможности убирать из поисковых систем информацию не соответствующую действительности, так называемое право на забвение.

Ключевые слова: право на забвение, поисковая система, право на защиту информации в цифровой среде, персональные данные.

За последние полвека технологии совершили огромный прорыв, и информация стала общедоступным и наиболее ценным ресурсом, что в свою очередь приводит к необходимости контроля получаемой информации и защите прав человека, как на получение этой информации, так и защите персональных данных, которые в том числе составляют эту информацию.

В первую очередь именно государство обязаны защищать и обеспечивать реализацию прав человека, путем принятия соответствующего законов и подзаконных актов. Однако государства постоянно сталкиваются с необходимостью установления баланса между публичными и частными интересами.

В Хартии об основных правах закрепляет право на доступ к собственным данным и право на исправление в них ошибок, что в том числе подразумевает право на удаление данных, право возражать против обработки данных или ограничивать ее.

Аналогичные гарантии, также отражены в Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных N108, а именно устанавливается, что каждый человек имеет право на удаление неточных, ложных или незаконно обработанных данных.

Каждый гражданин имеет право требовать у оператора поисковой системы прекращения предоставления ссылок, если в них отражена информация:

- является недостоверной;
- распространяется с нарушением закона;
- является неактуальной, утратившей значение для гражданина в силу его последующих действий или событий.

Исключения составляют сведения:

- о событиях, содержащих признаки преступлений, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли;
- совершенном преступлении, по которому не снята или не погашена судимость.

При этом бремя доказывания того, что обработка данных является законной, возложено на оператора, поскольку именно они несут ответственность за законность обработки этих данных.

Обратиться с таким требованием можно в любое время, однако имеются исключения. Например, когда обработка персональных данных необходима для:

- 1) осуществления права на свободу выражения мнений;
- 2) соблюдения юридического обязательства;

3) для выполнения задачи, выполняемой в общественных интересах;

4) при осуществлении официальных полномочий, возложенных на операторов;

5) общественные интерес в области здравоохранения;

6) для целей архивирования в общественных интересах, в целях научных или исторических исследований или в статистических целях.

Оператор, опубликовавший персональные данные, обязана уведомить иных субъектов, обрабатывающих эти данные, о наличии запроса и удалении этих данных.

Российское законодательство в этом плане еще находится на стадии развития, но уже в ст. 21 Федерального закона от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» установлены случаи, когда допускается блокирование или удаление персональных данных. К ним относятся:

1) выявление неправомерной обработки персональных данных;

2) выявление неточных персональных данных;

3) достижение цели обработки персональных данных;

4) отзыв субъектом персональных данных согласия на обработку его персональных данных;

5) если сохранение персональных данных более не требуется для целей обработки персональных данных;

6) отсутствие возможности уничтожения персональных данных в течение срока, предусмотренного данным Законом.

В соответствии со статьей 8 этого Закона сведения о субъекте персональных данных должны быть в любое время исключены из общедоступных источников персональных данных по требованию такого субъекта либо по решению суда или иных уполномоченных государственных органов.

01.03.2021 г. вступили в силу поправки к ст. 10.1 ФЗ закрепляющие особенности обработки персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения. Предполагается, что эти изменения будут способствовать более эффективной защите прав субъектов персональных данных.

А что нам говорит судебная практика?

К сожалению, практика российских судов не такая обширная, как зарубежных, однако даже в ней можно найти интересные случаи.

К примеру, для размещения сайта в Интернете ему необходимо присвоить доменное имя, а лицо, зарегистрировавшее данное имя, является владельцем сайта.

В качестве доказательства факта регистрации доменного имени на конкретное лицо Российские суды используют данные из сервиса Whois (решение Московского городского суда от 08.06.2021 по делу №3-781/201/2021,

Постановления Арбитражных судов Дальневосточного округа от 22.09.2022 № Ф03-4436/2022 по делу № А04-5573/2021, Северо-Западного округа от 28.07.2022 № Ф07-9486/2022 по делу № А56-34153/2021).

Однако, если владелец сайта желает скрыть свои данные, в соответствующей графе, он ставит «Private Person». В таком случае, для получения данных о собственнике, можно направить запрос регистратору доменного имени. В России с 1993 по 2001 г.г. регистратор был единственный — РОСНИИРОС. После регистраторов стало несколько и все они используют централизованную базу данных доменных имен.

Проблема заключается в том, что информация о владельце домена конфиденциальна, которую можно попробовать получить через Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), указав в запросе, что владелец сайта разместил персональные данные, однако скрывает информацию о себе.

И даже в данном случае можно потребовать удаления информации с сайта, однако в этом случае в соответствии с ФЗ «О персональных данных», у владельца сайта есть не 3 рабочих дня, а 30 календарных дней (ч. 5 ст. 21 ФЗ).

Как пояснил Европейский суд по правам человека, поисковые системы в Интернете и результаты поиска, предоставляющие персональные данные, могут установить подробный профиль человека. Суд указана на необходимость установления баланса между законным интересом пользователей сети Интернет в доступе к информации и основными правами субъекта этих данных.

Все больше и больше предъявляется требований к тому, чтобы личные данные были точными и не выходили за рамки общедоступной информации.

При этом Европейский суд обратил внимание на то, что даже, например, после ликвидации компании ее права и обязательства часто продолжают существовать, поскольку судебные разбирательства, касающиеся вопроса ликвидации юридических лиц, часто бывают длительными, и вопросы, касающиеся компании, ее сотрудников могут возникать спустя многие годы после прекращения существования компании.

Учитывая зарубежный опыт, следует выделить четыре основных группы прав, которые могут быть затронуты, а именно право на доступ своим данным, право на удаление данных, право на изменение данных, право на перенос данных.

С целью пресечения возможности злоупотребления правом, следует ввести такое понятие, как общественная значимость данных, которая позволит определить порядок обращения и удаления информации о пользователях.

Литература:

1. Баринов с. В. О правовом определении понятия «информационная безопасность личности» // Актуальные проблемы российского права. 2016. №4.

2. Варламова Н. В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. N4.
3. Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. N1. С. 5–14.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
5. Обзор Верховного Суда Российской Федерации практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека. 2021
6. Хуснутдинов А. И. Право на доступ в Интернет — новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. N4. С. 117; Варламова Н. В. Указ. соч. N4. С. 24
7. Антопольский А. А. Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека / А. А. Антопольский // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. N2. С. 159–185

Искусственный интеллект и цифровое правительство

Осьминина Нина Валерьевна, аспирант
Севастопольский государственный университет

В настоящее время мы наблюдаем такое явление как цифровизацию общества, поскольку цифровые технологии продолжают проникать все глубже во все сферы нашей жизни. Появляются новые объекты и отношения. Еще несколько лет назад некоторые участники цифровых отношений не осознавались в качестве носителей прав и обязанностей. Со временем начали выдвигаться теории и предположения о наделении правами и обязанностями неодушевленных существ, функционирующих на основе технологий робототехники и искусственного интеллекта — «цифровых существ».

Ключевые слова: цифровое правительство; искусственный интеллект; правовая защита цифровых прав; цифровизация.

Ввиду развития цифровых технологий, начали возникать и проблемы обеспечения бесперебойной работы и высокоэффективного функционирования интеллектуальных систем, робототехники и искусственного интеллекта (далее ИИ), что затруднительно при существующем правовом регулировании указанных технологий. Со временем для решения данной проблемы законодатель вынужден будет ограничить права собственника, владельца и пользователя такими объектами права. Многие ученые предполагают, что в отношении интеллектуальной системы ИИ, у обладателя вещных прав на нее будет изъято право уничтожить вещь или же иным образом негативно повлиять на степень ее функциональности и производительности.

Кроме того, делаются предположения относительно предоставить ИИ только права без обязательств. Такой подход, как правило, используется при наделении правовой природы личностными качествами. Однако такая «личность» — это всего лишь «уловка, направленная на то, чтобы избежать проблем со статусом: она позволяет человеческим индивидам действовать от имени правообладателя, не являющегося человеком, вместо того чтобы требовать от них установления статуса в их собственном качестве»..

Другие предполагают наделить ИИ только обязательствами. Например, если говорить о гражданской ответственности, обычно ее наступление влечет за собой при-

суждение компенсации убытков, которая может быть выплачена только в том случае, если правонарушитель способен владеть имуществом. Корпорации, как правило, наделяются способностью подавать иск и отвечать по своим обязательствам, заключать договоры, брать кредиты, владеть имуществом. Что касается прав корпораций, аналогичных человеку, то вопрос о том, в какой степени корпорации пользуются конституционной защитой, сравнимой с защитой физических лиц, является предметом постоянных дискуссий. Как правило, юридические лица будут иметь меньше прав, чем физические.

Европейский парламент в резолюции от 16 февраля 2017 г. указывает, что способность нести ответственность является одним из основных достоинств систем ИИ, что предполагает наличие существенных пробелов в законодательстве, требующих восполнение.

В развитых странах сегодня стоит задача перехода к «цифровому правительству» — принципиально новой модели организации государственного управления, при которой органы власти будут не опираться на имеющиеся у них данные, а руководствоваться своими данными при принятии властных решений, включая формирование нормативной базы. Вытекающая из этой концепции ключевая особенность состоит в том, что правительства при выполнении своих функций и оказании гражданам государственных услуг должны во все большей степени опираться на собираемые данные.

Выделяют 4 этапа формирования цифрового правительства:

- формирование ключевых аспектов, которые является выбор наиболее актуальных для нее вопросов. Здесь ИИ может играть ключевую роль посредством анализа социальных медиа. Цифровые медиа становятся основными источниками информации, а используя алгоритмы, правительство может мгновенно отслеживать появление новых тем и преобразовывать их в пункты политической повестки дня;

- выбор оптимального решения. На данном этапе ИИ может оказать существенное влияние и стать важным инструментом для анализа данных, текстовой аналитики или поиска социальных данных. Это повысит подотчетность правительства, а граждане смогут наблюдать в режиме реального времени за потоком данных и информации, чтобы оценить принятые политические решения;

- реализация принятых политических решений, что характеризуется повышением качества государственных услуг, сбором в режиме реального времени и анализом больших объемов данных для выявления отклонения от запланированных показателей, причин таких отклонений и составления прогнозов развития событий;

- оценка результатов реализации государственной политики, которая будет проводиться в режиме реального времени, и в идеале — немедленно приводить к корректировке действующей нормативно-правовой базы.

Такая система позволит всем участникам нормотворческого процесса вносить комментарии и изменения в текст будущих документов онлайн. В нее будут интегрированы существующие онлайн-системы законопроектов. Это — интеллектуализированное решение, внедряющее дополнительные функции для повышения эффективности работы участников процесса нормотворчества. Таким образом, происходит автоматизация права, которая представляет собой совокупность процессов, связанных с компьютерной обработкой информации в сфере права. Наиболее важными из них являются:

- цифровизация обработки правовых документов, включая документооборот при разработке и согласовании проектов нормативных правовых актов;

- разработка машиночитаемого права, включающая разработку онтологий права и основанных на них юридически значимых наборов метаданных;

- разработка как логических, так и эвристических алгоритмов (в том числе без использования онтологий права или юридически значимого набора метаданных), описывающих правоприменение;

- разработка информационных систем, способных формировать правовые суждения или рекомендации на основе одной или нескольких технологий, относящихся к областям логического или правдоподобного вывода.

При этом переход к цифровому правительству в рамках развития цифровизации, в том числе, затрагивает и необходимости развития права. Существует несколько вари-

антов развития права под влиянием цифровизации, внедрения ИИ и других современных научных технологий:

- в контексте изменения сущности права необходимы оценка угроз трансформации права гуманизма в право трансгуманизма и поиск путей противодействия этим угрозам;

- с точки зрения развития системы и структуры права важно обратить внимание на появление отраслей права и отраслей законодательства нового поколения, в частности на выделение цифрового права из информационного права в качестве самостоятельной отрасли права;

- в структуре правовых регуляторов важно определиться с признанием таких новых инструментов, как алгоритм, программный код, операционная система и пр., и понять пределы их конвергенции с классическими регуляторами права — принципами и нормами;

- при выявлении тенденции к расширению перечня объектов правового регулирования важно оценить появление принципиально нового объекта правового регулирования — отношений между человеком и машиной, разделенной искусственным интеллектом;

- необходимо определить границы расширения субъектов права под влиянием процессов цифровизации и ИИ;

- предстоит определить правовой статус ИИ, внедряемого в систему общественных отношений и выполняющего политические, экономические, социальные, духовно-культурные, экологические и иные функции, ответственность за которые несут государство, органы государственной власти, физические и юридические лица, человек и другие традиционные субъекты права;

- важно определить круг задач по правовой нейтрализации отрицательного воздействия цифровизации и ИИ на ключевые институты права: принципы гуманизма, права и свободы человека, справедливое правосудие, демократические институты публичной власти и т.п.

Характерной тенденцией современного этапа развития цифровизации в государственно-правовой сфере является то, что органы государственной власти и управления предоставляют все более широкий круг информации все более широкому кругу лиц, широкой общественности. Так, на государственных информационных порталах все чаще представлены программы правовой политики по различным направлениям социально-экономического развития; все чаще для широкого общественного доступа размещается информация о государственных расходах и бюджете; предлагаются и предоставляются онлайн-услуги, связанные с образованием, трудоустройством, здравоохранением, по вопросам социальной защиты, в сфере правосудия и юридической консультации. Вместе с тем в мире в целом по-прежнему сохраняется существенный «цифровой разрыв» между различными странами, отчасти носящий макрорегиональный характер, когда, например, семь из восьми наименее развитых с точки зрения цифровизации государственных управления стран находятся в Африке.

Литература:

1. Камышанский В. П. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Власть закона. — 2020. — № 1 (41). — С. 15.
2. Понкин И. В., Редькина А. И. Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (ВМ) в праве // Государственная служба. — 2020. — Т. 22, № 2. — С. 75.
3. Клеандров М. И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. — 2018. — № 6. — С. 1525;
4. Оморов Р. О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-Management. — 2020. — № 1. — С. 48.
5. Сборник статей И. А. Умновой-Конюховой «Право будущего в условиях цифровизации и использования искусственного интеллекта».
6. Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. — М., 2018. — С. 90.
7. Каплиев А. С. Критика национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 2 (182). — С. 52;
8. Мельничук М. А., Ченцова Д. В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. — 2020. — № 6. — С. 67;
9. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 2. — С. 98.

Правовые основы административной ответственности за нарушение законодательства в области трудоустройства и занятости

Пананто Татьяна Анатольевна, студент магистратуры
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются вопросы привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства в области трудоустройства и занятости, а именно — правовое регулирование. Только с помощью систематизации перечня нормативных источников в исследуемом вопросе можно перейти к последующему рассмотрению теоретических и практических проблем, связанных с применением административной ответственности за нарушение законодательства в области трудоустройства и занятости. В этой связи автором сформулирована система нормативно-правовых актов в исследуемой сфере. Отмечается, что разъяснения Верховного Суда Российской Федерации также должны входить в состав источников, регламентирующих исследуемый вопрос.

Ключевые слова: административная ответственность, нарушение законодательства в области трудоустройства и занятости, правовое регулирование, нормативно-правовая база.

Legal basis for administrative liability for violation of law in the field of employment and occupation

Pananto Tatyana Anatolyevna, student master's degree
Pacific State University (Khabarovsk)

The article discusses the issues of bringing to administrative responsibility for violation of legislation in the field of employment and occupation, namely, legal regulation. Only by systematizing the list of regulatory sources in the question under study can we proceed to the subsequent consideration of theoretical and practical problems associated with the application of administrative responsibility for violation of legislation in the field of employment and occupation. In this regard, the author formulated a system of regulatory legal acts in the area under study. It is noted that the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation should also be included in the sources regulating the issue under study.

Keywords: administrative liability, violation of legislation in the field of employment and occupation, legal regulation, regulatory framework.

Административная ответственность выступает в качестве наказания за совершенное административное правонарушение. При этом административная ответственность может возникать вследствие нарушения

норм из различных отраслей права, в том числе трудового. Представляется, что правоотношения в области трудоустройства и занятости имеют существенное значение для экономики, государства и общества в целом, поскольку от соблюдения работодателями соответствующих норм права зависит положение наиболее незащищенного в данных отношениях субъекта — работника. В этой связи государство в лице уполномоченных должностных лиц призвано гарантировать соблюдение прав и законных интересов работников, в том числе, путем мер воздействия, то есть привлечения к административной ответственности.

Для последующего детального исследования вопросов о природе административной ответственности за нарушение законодательства в области трудоустройства и занятости представляется необходимым первоначально обозначить нормативно-правовую основу данного вопроса с целью определения круга законодательных источников, регламентирующих вопросы такой ответственности.

1. Международное правовое регулирование

В комплекс источников международных правовых актов, регламентирующих трудовые правоотношения, входит следующее:

1) *Правовые акты, принятые ООН.* В частности, одним из таких актов является Всеобщая декларация прав человека [1], от принципов которой Российская Федерация не отказалась даже после выхода из ряда международных правозащитных организаций.

2) *Правовые акты, принятые Международной организацией труда.* Не смотря на то что, Международная организация труда приостановила техническое сотрудничество с Россией из-за проводимой РФ на Украине специальной военной операции, те акты Международной организации труда, которые были ранее ратифицированы Российской Федерацией, не прекращают свое действие. К числу таких нормативных актов следует относить: Декларацию Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» [2], а также ратифицированные Россией Конвенции Международной организации труда.

3) *Двусторонние межгосударственные договоры.* К таким договорам, в частности, можно отнести Решение Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 22 июня 1996 года № 4 «О равных правах граждан на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-трудовых гарантий» [3].

2. Конституция Российской Федерации

Традиционно первым и основным источником российского правового регулирования административной ответственности за нарушение законодательства в области трудоустройства и занятости является Конституция

Российской Федерации [4] (далее — Конституция РФ). Данные положения законодатель использует в качестве отправных и на их основе разрабатывает иные нормативно-правовые акты, более детально регламентирующие вопросы привлечения к административной ответственности.

Так, в статье 37 Конституции РФ закреплены общие положения о труде, его свободном характере, гарантированность осуществления трудовой деятельности в безопасных условиях, право на вознаграждение за труд не ниже установленного минимального размера оплаты труда, право на защиту от безработицы и пр.

3. Федеральные конституционные законы

В условиях современных событий, происходящих в мире, необходимо особое внимание уделить законодательству, регламентирующему исследуемый вопрос применительно к недавно вошедшим в состав Российской Федерации территориям. Так, например, частью 5 статьи 14 Федерального конституционного закона от 04 октября 2022 года № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Херсонской области» [5] установлено, что до 1 января 2026 года трудовое законодательство Российской Федерации, иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, и законодательство о занятости населения применяются на территории Херсонской области с учетом особенностей, установленных Правительством Российской Федерации.

Соответственно, при применении административной ответственности к работодателям, нарушившим законодательство в сфере труда и занятости на территории указанного субъекта, уполномоченное должностное лицо будет руководствоваться, в том числе, данным федеральным конституционным законом.

4. Федеральные законы

В федеральном законодательстве вопросы административной ответственности за нарушение правил в сфере труда и занятости регламентированы более детально. В частности, основой такого регулирования является Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ [8] (далее — ТК РФ), которым установлены общие положения о трудовых правоотношениях, права и обязанности их участников и пр. Нормы ТК РФ являются общим ориентиром и предписывают то, как должны складываться трудовые правоотношения. К законодательству общего характера также можно отнести и Федеральный закон от 19 июня 2000 года № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» [6], который распространяется на все категории работников.

Положения о трудовых гарантиях отдельных категорий работников находят свое отражение не только в нормах ТК РФ, но и в специальном законодательстве:

например, Федеральный закон от 10 января 2003 года № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» [9] в Главе 5 регламентирует вопросы трудовых отношений и дисциплины работников железнодорожного транспорта.

Отдельное внимание необходимо уделить такому нормативно-правовому акту федерального уровня как Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ [7] (далее — КоАП РФ), поскольку именно КоАП РФ устанавливает правила применения административной ответственности за нарушение норм в сфере трудового законодательства.

5. Подзаконные акты

К числу подзаконных актов следует относить, в частности Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2022 года № 2571 «Об особенностях применения трудового законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» [10]. Также, необходимо отдельно выделить акты министерств и ведомств, устанавливающих и детализирующих отдельные и более узкие вопросы в данной области: например, Письмо Минздрава России от 20 декабря 2017 года № 27–3/3788 «О Типовых нормах бесплатной выдачи работникам специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты» [11].

6. Законодательство субъектов РФ

К числу нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации, в частности, относится Закон Хабаровского края от 31 марта 1999 года № 114 «О социальном партнерстве в сфере труда» [12].

7. Правоприменительная практика (разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации)

Не смотря на отсутствие легально закрепленной юридической силы прецедента в Российской Федерации, нельзя не отметить, что разъяснения Верховного Суда Российской Федерации имеют существенно значение при разрешении споров, поскольку нижестоящие суды ориентируются на данные разъяснения в целях формирования единообразной судебной практики. В частности, к таким правоприменительным актам следует относить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 года № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» [13], Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) [14] и пр.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовое регулирование вопросов применения административной ответственности за нарушение законодательства в области трудоустройства и занятости не ограничивается исключительно КоАП РФ и основывается на нормативно-правовых актах, регламентирующих должный и надлежащий вариант поведения субъектов трудовых отношений. Ведь именно на основе данных норм, должностное лицо, уполномоченное на привлечение нарушителей к административной ответственности (либо суд), устанавливают наличие или отсутствие оснований для привлечения к административной ответственности. Поскольку объем настоящей статьи не позволяет рассмотреть детально весь перечень источников, регламентирующих данный вопрос, исследуемая тематика может быть положена в основу последующих научных изысканий.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета.— 1995.— № 67.
2. Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда»: принята в г. Женева 18.06.1998 // Российская газета.— 1998.— № 238.
3. Решение Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 22 июня 1996 года № 4 «О равных правах граждан на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-трудовых гарантий» // Российская газета.— 1998.— № 29.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 04.10.2022, № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) [Текст] // Российская газета.— 1993.— 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).— 2022.— 06 окт.— № 0001202210060013.
5. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Херсонской области» // Российская газета.— 2022.— № 226.
6. Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «О минимальном размере оплаты труда» // Российская газета.— 2000.— № 118.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 24.05.2024) // Российская газета.— 2001.— № 256.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Российская газета.— 2001.— № 256.
9. Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Российская газета.— 2003.— № 8.
10. Постановление Правительства РФ от 31.12.2022 № 2571 (ред. от 08.06.2023) «Об особенностях применения трудового законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Собрание законодательства РФ.— 2023.— № 2.— Ст. 524.
11. Письмо Минздрава России от 20.12.2017 № 27–3/3788 «О Типовых нормах бесплатной выдачи работникам специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты» // Охрана труда и социальное страхование.— 2018.— № 3.
12. Закон Хабаровского края от 31.03.1999 № 114 (ред. от 03.10.2023) «О социальном партнерстве в сфере труда» // Сборник нормативных актов Законодательной Думы Хабаровского края.— 1999.— № 3.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // Российская газета.— 2021.— № 296.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ.— 2023.— № 11.

Актуальные вопросы организации и проведения местных референдумов

Пивоваров Кирилл Максимович, студент;

Махмудов Мурад Камильевич, студент

Научный руководитель: Мангушева Тамара Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье авторы исследуют актуальные вопросы организации и проведения местных референдумов в современных условиях, статистику их проведения, а также причины их появления.

Ключевые слова: местные референдумы, местное самоуправление.

В соответствии со ст. 3 и ст. 130 Конституции Российской Федерации, референдум является значимым элементом непосредственного выражения власти народа [1]. В целях эффективного осуществления местного самоуправления решение народом вопросов местного уровня на референдуме имеет особое значение, так как такая форма участия граждан в политической жизни государства служит гарантом перспективного развития непосредственной системы местного самоуправления, а также способствует росту социально-политической инициативности народа. Но в современных условиях развития общественных отношений полагаем, что правовое регулирование системы организации и проведения местных референдумов нуждается в совершенствовании.

Согласно Федеральному закону № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», референдум — это форма прямого волеизъявления граждан Российской Федерации по наиболее важным вопросам государствен-

ного и местного значения в целях принятия решений, осуществляемого посредством голосования граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме [2]. Для достижения решений вопросов населения проводится местный референдум. Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин определяют местный референдум как голосование граждан Российской Федерации, постоянно или преимущественно проживающих в границах одного или нескольких муниципальных образований, по важным вопросам местного значения [3, С. 142–162]. По нашему мнению, местный референдум появился в результате необходимости развития местного самоуправления и потребности решения вопросов местного значения, связанных с интересами жизни и быта населения, проживающего на конкретной территории. Считаем, что практика организации местных референдумов достаточно редка и их появление обусловлено еще рядом других причин: потребность в выражении мнения по наиболее важным вопросам, развитие демократических форм. Тематическое содержание большей части референдумов достаточно

едино (вопросы структуры органов местного самоуправления, экономические вопросы) [4, с. 161].

Рассмотрим организацию и проведение местных референдумов на примере Республики Башкортостан. 27 марта 2005 года в Республике Башкортостан был объявлен местный референдум в 104 муниципальных образованиях. Вопрос, выносимый на обсуждение, формулировался так: «Согласны ли Вы с тем, чтобы в соответствии с требованиями Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», инициированного Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, была установлена следующая структура органов местного самоуправления муниципального образования города (района): представительный орган муниципального образования (Совет), председателем которого является избираемый из его состава глава муниципального образования (Председатель Совета); — местная администрация муниципального образования (Администрация) во главе с главой местной администрации (Глава Администрации)?». Этот референдум вызвал неоднозначную реакцию в обществе, поскольку исходя из формулировки вынесенного на референдум вопроса, прямые выборы глав муниципальных образований фактически упразднились [5, С. 4–8].

Стоит отметить, что граждане достаточно мало уделяют внимания к участию в местном референдуме. Например, 2 июля 2006 года в Великом Новгороде был проведен городской референдум по вопросу способа избрания мэра города. По итогу местный референдум был признан несостоявшимся, поскольку на участках был достаточно низкий процент явки (4,54%).

В Пскове 16 июля 2006 года, где был организован местный референдум, на котором поднимался вопрос о структуре органов местного самоуправления. По итогу

местный референдум набрал достаточную явку и признан состоявшимся, так как на вопрос ответило большинство участников.

Анализ статистики проведения местных референдумов в современный период времени показал, что они проводятся достаточно редко и имеют малоэффективный характер. Сложившаяся ситуация обусловлена рядом причин правового регулирования, сложности порядка организации референдума. Отметим, что формулировка в законодательстве «наиболее значимые вопросы» муниципального или государственного уровня является оценочной и широкой. Например, согласно ст. 10 Закона «О местном референдуме» в Республике Башкортостан достаточно сложно выявить конкретный круг вопросов, необходимый для вынесения их на уровень местного референдума. Кроме того, одной из распространенных причин малого количества организации и проведения местных референдумов является низкая мотивация граждан к самоорганизации в решении важных вопросов местного значения [6, с. 186]. Например, это проявляется из-за юридической пассивности, недоверия граждан к органам местного самоуправления, низком уровне правовой культуры, просвещенности. Справедливо отмечают, В.А. Толстик и Н.А. Трусов, что референдум является основным началом демократии, непосредственным выражением воли народа и именно референдум, как никакой другой институт непосредственного волеизъявления, реализует идею участия народа в осуществлении власти и управления [7, с. 9].

Резюмируя вышеизложенное стоит отметить, что перспективное развитие форм демократии, гражданского общества в современный период времени нельзя представить без системы организации и проведения местных референдумов, которые важны для повышения эффективности местного самоуправления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».
3. Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. — С. 142–162.
4. Байкалов А. А. О причинах неэффективности института референдума в РФ // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 161–162.
5. Бабина О. А. Особенности формирования местного самоуправления в Республике Башкортостан // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 4 (1). С. 4–8.
6. Артюшина О. Н., Лёвин Е. И. Отдельные проблемы использования местного референдума как формы народной власти // Вестник КГУ. 2017. № 2. С. 184–187.
7. Толстик В. А. Трусов Н. А. Референдум в России: основы, опыт, критика // Вестник Нижегородской академии МВД. 2013. № 24. С. 9–13.

Недействительность притворных сделок в российском гражданском праве

Прозорова Анна Александровна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье автор исследует различные аспекты института недействительности притворных сделок в российском гражданском праве.

Ключевые слова: *недействительные сделки, притворные сделки, гражданское право, судебная практика, проблемы российского законодательства, правовые последствия, реституция.*

Исследованию аспектов института недействительности притворных сделок в российском гражданском праве посвящено большое количество научных работ, что во многом связано с несовершенством данного института.

Так как судами Российской Федерации все более активно применяются нормы гражданского права о притворных сделках, и институт недействительности притворных сделок обретает все большую значимость в российском праве, разрешение выявляемых в нем проблем было бы актуально для дальнейшего развития гражданского законодательства Российской Федерации.

Принимая во внимание наличие спорных вопросов в данной сфере, а также складывающуюся и нередко противоречивую судебную практику, становится очевидной необходимость научного осмысления накопившегося «багажа» применения норм законодательства, касающихся недействительности притворных сделок.

Споры среди исследователей рассматриваемого института начитаются уже при определении сущности «недействительной сделки».

Так, одни исследователи данной сферы полагают, что недействительная сделка — это противозаконное действие. В частности, такого мнения придерживаются В. А. Демидюк [9] и Ф. С. Хейфец [22].

Другие исследователи уверены, что «недействительной сделкой можно считать такую сделку, которая противоречит конкретным требованиям закона, и, как следствие, такая сделка не может изменять те гражданско-правовые отношения, которые стороны такой сделки на самом деле хотят изменить». К приверженцам такой позиции можно отнести Н. Д. Шестакову [23] и И. Б. Новицкого [11].

В свою очередь, известный ученый Д. М. Генкин полагает, что «признание ничтожных сделок за сделки стирает общепринятое различие между сделками и неправомерными действиями — деликтами. Для сделки как юридического факта, в отличие от деликта, характерно наличие действия (воли), направленного на установление, изменение, прекращение гражданского правоотношения, тогда как при деликте лицо, его совершившее, вовсе не желает наступления тех или иных правовых последствий» [7].

Таким образом, Д. М. Генкин рассматривает такие понятия, как «правонарушение» и «деликт», в совокупности, и приходит к выводу о том, что неправомерность и правомерность представляют собой не элемент сделки как

правового факта, как такового, а лишь элементом, в связи с которым наступают те или иные последствия такой сделки.

Нейтральной позицией придерживается Н. В. Рабинович [20], которая полагает, что «недействительные сделки представляют собой как непосредственно заключенную »сделку«, так и нарушение законодательства одновременно».

При анализе гражданского законодательства Российской Федерации можно заметить, что он включает в себя только обобщенные нормы и положения, которые относятся к недействительности сделок. В статье 166 Гражданского кодекса Российской Федерации [8] (далее — ГК РФ) выделено 2 вида таких сделок:

1) оспоримые сделки (то есть, сделки, которые признаны таковыми судом);

2) ничтожные сделки (то есть, сделки, которые недействительны изначально, и без решения суда, так как каким-либо образом не соответствуют нормам законодательства).

На основании вышеизложенного, сделка является ничтожной, то есть «недействительной изначально» в случаях, когда она каким-либо образом противоречит основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), либо неправомерно заключена в связи с участием в ней несовершеннолетних до 14 лет (ст. 172 ГК РФ), а также в случаях, когда нарушена четко определенная законодательством форма сделки и др.

Абдиримов А. Ф. и Озмаян Ю. З. [1] также полагают, что «главным и основополагающим критерием, признаком для разделения различного рода недействительных сделок между собой, можно считать их разграничение на ничтожные и оспоримые, что означает их разделение по признаку порядка признания вышеуказанных сделок недействительными».

В то же время, авторы отмечают, что какого-либо материально-правового основания разграничения недействительных сделок в этой квалификации нет, и факт такого разделения связан исключительно с позитивной волей государства.

К рассматриваемому типу недействительных сделок относятся, в том числе, и притворные сделки, то есть сделки, которые заключены только для вида, маскирующие так называемые «фактические сделки», в целях введения в заблуждение государственных органов, должностных лиц, иных конкретных лиц.

При этом, нередко бывает сложно определить, является ли сделка мнимой или притворной.

Таким вопросом задались исследователи данной сферы Нестерова Т.И. и Нечаев А.Д. В работе «Мнимые и притворные сделки в гражданском праве» [10] они провели исследование судебной практики по делам, относящихся к признанию недействительными сделок по причине их притворности и мнимости, рассмотрели разницу между этими двумя типами сделок. На основании результатов исследования они пришли к выводу о том, что главным отличием мнимой сделки от притворной является то, что цель мнимой сделки представляет собой только создание её видимости, в то время как притворная сделка ставит перед собой в качестве цели создание каких-либо иных, не соответствующих ей правовых последствий.

При этом, исследователи отмечают, что притворная и мнимая сделки имеют и ряд сходств, к которым можно отнести то, что такие сделки не ставят перед собой достижение результата в виде создания настоящих правовых последствий, а заключены в целях обхода законодательства.

Суду при квалификации таких сделок необходимо учитывать, что важнейшую роль играет подлинная воля сторон сделки, так как мнимость и притворность — это отличные друг от друга и взаимоисключающие признаки, на основании которых сделка признается судом недействительной, — в связи с чем указание в решении суда выводов одновременно и о мнимости, и о притворности сделки может привести к признанию судом апелляционной инстанции такого решения незаконным и его отмене.

Как полагает Анохин С.А. [2], природа притворной сделки состоит в том, что ее заключают с намерением прикрыть иную сделку. То есть, в такой сделке замаскирована иная сделка, которую лица в действительности собираются осуществить, в связи с чем притворная сделка фактически направлена на возникновение каких-либо юридических последствий, отличных от тех, которые сторонами в ней обозначены. Например, сделка дарения на самом деле прикрывает куплю-продажу.

В пункте 2 статьи 170 ГК РФ дано определение притворной сделки — это сделка, которую совершили в целях маскировки какой-либо иной сделки. Замаскированная сделка может также представлять собой аналогичную сделку, но заключенные теми же лицами на других условиях, например, дороже, чем есть на самом деле (в таком случае, зачастую, такие недобросовестные лица хотят снизить сумму подлежащих уплате налогов).

Притворная сделка, как указывалось ранее, изначально является ничтожной. В то же время, к той сделке, которую изначально имели в виду стороны, и которую маскирует притворная, то есть «прикрываемой сделке», нужно применять соответствующие ей и установленные законодательством правила (при этом, учитывая как само содержание такой сделки, так и ее существо).

Следовательно, у притворных сделок отсутствует основной главный признак действительной сделки, а именно

наличие у лиц, принимающих участие в такой сделке и являющихся ее сторонами, четкого и направленного на достижение какой-либо конкретной цели желания на создание, прекращение, изменение каких-либо гражданских прав и обязанностей.

Таким образом, у участников притворной сделки всегда есть какая-то цель, скрытая от посторонних, в особенности от государства, и воля сторон такой сделки с самого начала ставит перед собой цель в виде присвоения других правовых результатов, а не тех результатов, которые как правило получаются при заключении в обычном порядке аналогичных сделок.

В качестве основного признака, отличающего притворную сделку от иных сделок, подлежащих признанию судом недействительными, можно указать на то, что притворная сделка всегда прикрывает другую, фактическую сделку, которую также можно назвать «прикрываемой».

С последней связаны, в том числе, и особенности различных гражданско-правовых последствий признания притворной сделки недействительной.

В пункте 84 постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» (далее — Постановление № 25) [19] Пленум Верховного Суда Российской Федерации раскрыл особенности предъявления в суд иска о признании недействительной ничтожной (в том числе притворной) сделки без включения в иск требования о применении последствий признания ее недействительной.

При этом, можно выделить следующие причины и основания для установления факта недействительности рассматриваемой сделки:

- ее стороны не имеют необходимой для ее заключения дееспособности;
- волеизъявление противоречит воле сторон сделки либо воля сторон сформирована в ненормальных условиях;
- содержание сделки идет вразрез с законодательством;
- нарушена форма заключаемой сделки.

7 апреля 2021 года Президиумом Верховного Суда Российской Федерации утвержден «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021)» [12], в котором приведены случаи из судебной практики судов Российской Федерации в части недействительности притворных сделок.

В частности, там приведена ссылка на интересное в контексте данной статьи Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. № 308-ЭС18-14832 (3,4) по делу № А25-1087/2018 [15], в котором Суд пришел к выводу, что сделка, в соответствии с которой должник каким-либо образом передает свое имущество в пользу связанного с ним лица, может быть замаскирована целой цепочкой связанных между собой притворных сделок купли-продажи такого имущества с различным субъектным составом в целях запутать суд и государственные органы.

В таком случае все эти сделки подлежат признанию недействительными, так как являются притворными, а прикрываемую сделку суд может признать недействительной, так как она является подозрительной в соответствии с пунктом 2 статьи 612 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [21].

Судебная практика в рассмотрении споров, связанных с процедурами банкротства, относящаяся, в том числе, и к признанию сделок недействительными, также доведена Письмом Федеральной налоговой службы от 29 ноября 2017 г. № СА-4-18/24213@ [17].

По результатам анализа судебной практики можно отметить следующие наиболее часто встречающиеся виды притворных сделок:

1) заключение с целью «маскировки» договоров купли-продажи договоров дарения, в том числе, в целях уклонения лиц от уплаты налогов (например, апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 19 марта 2015 г. по делу №33-2632/2015 [3], Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 27 мая 2013 г. по делу № 33-1420 [4]);

2) заключение притворных сделок должниками в целях сокрытия имущества и недопущения его взыскания государственными органами, например, при исполнении судебными приставами долга по кредитным обязательствам, алиментам, вступившему в законную силу судебному решению, банкротству, и т.д. (например, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 сентября 2020 г. № Ф03-2867/2020 по делу № А24-2502/2017 [18]);

3) заключение притворной сделки, которая, в свою очередь, уже включает в себя прикрываемую сделку на других условиях (например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2020 № 301-ЭС17-19678 по делу № А11-7472/2015 [14]) и др.

Как следует из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 ноября 2019 г. [13], при вынесении решения о том, что рассматриваемая в рамках судебного дела притворная сделка является недействительной, суду необходимо исходить из того, что именно хотели получить стороны, каковы фактические условия прикрываемой сделки, по какой причине она совершена, на что направлена настоящая воля ее участников.

При этом Суд отмечает, что одна и та же сделка априори не может быть одновременно и совершенной под влиянием обмана, и притворной, так как это разные основания для признания их недействительными, и они являются взаимоисключающими.

Так, Судам необходимо исходить из того, что в случае заключения сделки притворной все ее стороны отлично понимают, зачем ее заключают, почему хотят скрыть прикрываемую сделку, каких результатов хотят этим достичь.

В случае же заключения сделки под влиянием обмана, как прямо следует из ее названия, происходит обман одной или нескольких стороны иной стороной сделки (либо третьим лицом), в связи с чем она не осознает, какую цель и последствия несет сделка, и является потерпевшей стороной.

При этом, в вышеуказанном Обзоре прямо указывается, что в случаях, когда сделка признается притворной и, следовательно, недействительной, такое признание не имеет последствий гражданско-правового характера в виде реституции.

Это связано с тем, что, как указывалось ранее, к прикрываемым сделкам, то есть сделкам, которую стороны «замаскировали» и имели в виду в действительности, нужно применять соответствующие ей и установленные законодательством правила (при этом, учитывая как содержание такой сделки, так и ее существо).

В соответствии с пунктом 3 статьи 166 ГК РФ у стороны сделки, а также, в урегулированных случаях, у других лиц (например, у прокурора, у государственных органов) есть право на обращение в суд в целях применения судом последствий раннего признания недействительности ничтожной сделки.

Таким образом, так как лицо, имеющее какой-либо охраняемый законодательством интерес, может обратиться в суд за последствиями недействительности притворной сделки, оно, соответственно, может заявить и требование о самом признании недействительности такой сделки.

Такая неопределенность и размытость формулировок норм законодательства касательно субъектов («лицо, имеющее охраняемый законом интерес», «иное лицо»), у которых имеется право на обращение с вышеуказанными требованиями в суд, вызывает споры, что находит свое отражение и в судебной практике.

На данную проблему также указывают в своей работе Белобородов М. В. и Евтягина В. Ф. [5]: «с точки зрения законодательства необходимо доработать и усовершенствовать определение лица, которое наделено правом на подачу в суд заявление с требованиями как о признании притворной сделки недействительной, так и о дальнейшем применении судом последствий ее недействительности».

Необходимо отметить, что, как следует из пункта 78 Постановления № 25, суд может вынести решение в пользу даже того лица, который не является стороной притворной сделки, но лишь в случае, если у такого лица отсутствуют какие-либо другие установленные законом способы и меры для защиты его интересов и прав.

В вышеприведенном случае, однако, необходимо, чтобы в самом иске такое лицо изначально указало, какое его право и/или интерес будет защищен в случае, если, сторонам притворной сделки будет возвращено обратно все ранее принятое ими по итогам такой сделки. Если же в иске данные сведения будут отсутствовать, такое заявление оставляется судом без движения.

К правовым последствиям признания недействительности притворной сделки можно отнести, в том числе:

– решение суда о ничтожности и, следовательно, недействительности притворной сделки с одновременным применением установленных последствий таковой недействительности либо без их применения;

– частичное или полное признание решением суда прикрываемой сделки (то есть сделки, которые стороны изначально имели в виду) либо действительной, либо недействительной;

– дальнейшее применение судом последствий недействительности уже самой сделки, которую притворная прикрывала.

Таким образом, как указывалось ранее, реституция не применяется в случаях признания недействительной притворной сделки непосредственно к притворной, зато может применяться по отношению к тем сделке, которую она маскирует.

Так, в случае, если прикрываемая сделка признана судом недействительной, уже к ней могут быть применены реституционные меры в полном объеме.

Вопрос правовых последствий признания притворной сделки недействительной и применения реституционных мер являются отдельным предметом исследования у ученых.

Так, перечень возможных правовых последствий приводит Павлова Е. Н. [16], которая также поднимает вопрос о возможности применения изъятия денежных средств и (или) имущества в доход государства в качестве последствия недействительности сделки.

Проблематику последствий недействительности сделок исследуют и Братчикова С. В., Козионов Д. С. и Половников Е. А. [6]. В частности, исследователи рассматривают возможность применения реституции, синаллагматический (взаимный) характер двусторонней реституции, а также поднимают проблему возврата имущества, полученного по такой сделке.

Вместе с тем, как указывалось ранее, реституция не применяется в случаях признания недействительной притворной сделки непосредственно к притворной, зато может применяться по отношению к тем сделке, которую она маскирует.

Как справедливо отмечает Анохин С. А. [2], логичным последствием вынесения судом решения о недействитель-

ности притворной сделки является дальнейшее применение к ней судом правил, которые в соответствии с законодательством регулируют прикрываемую сделку. Так, если суд посчитает сделку дарения (которой прикрывалась сделка купли-продажи) недействительной, к ней должны применяться нормы о купле-продаже имущества.

Нельзя не согласиться и с мнением Белобородова М. В. и Евтягиной В. Ф. [5] о том, что «одним из применяемых судом последствий недействительности притворной сделки может быть возмещение убытков добросовестному потерпевшему участнику такой сделки, что в таких обстоятельствах являлось бы восстановлением его интересов и прав».

Вышеуказанное свидетельствует о том, что возможность признания судом недействительности притворной сделки представляет собой хороший способ защиты законных интересов и прав как государства, так и общества.

Вместе с тем, очевиден вывод и о том, что в законодательстве имеются «пробелы» в части недействительности притворных сделок, из которых можно выделить:

– отсутствие в гражданском законодательстве указания на главные черты таких сделок и их правовой статус;

– неопределенность и размытость формулировок относительно субъектов, у которых есть право обратиться в суд с заявлением о признании сделки притворной и, следовательно, недействительной;

– проблему применения последствий признания таких сделок недействительными, реституции, возмещения убытков.

В целях обеспечения судами Российской Федерации единообразного подхода при рассмотрении дел данной категории Пленум Верховного Суда Российской Федерации регулярно публикует разъяснения о применении норм законодательства, касающихся недействительности притворных сделок.

Вместе с тем, как полагает автор, данных разъяснений недостаточно, и в целях разрешения накопившихся вопросов необходимо внесение соответствующих изменений в гражданское законодательство Российской Федерации, которые бы заполнили вышеприведенные «пробелы» в рассматриваемой сфере и разъяснили волю законодателя.

Литература:

1. Абдиримов, А. Ф., Озмаян, Ю.З. Понятие и классификация недействительных сделок / А.Ф. Абдиримов, Ю.З. Озмаян.— Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-klassifikatsiya-nedeystvitelnyh-sdelok/viewer> (дата обращения: 17.11.2024).
2. Анохин, С. А. Ничтожные сделки и их особенности / С. А. Анохин.— Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nichtozhnye-sdelki-i-ih-osobennosti/viewer> (дата обращения: 17.11.2024).
3. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 19 марта 2015 г. по делу N33–2632/2015.— Текст: электронный // ГАРАНТ.РУ: [сайт].— URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/133155044/> (дата обращения: 17.11.2024).
4. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 27 мая 2013 г. по делу № 33–1420.— Текст: электронный // Сетевое издание «Актофакт»: [сайт].— URL: <https://actofact.ru/case-68OS0000-33-1420-2013-2013-04-22-0-1/> (дата обращения: 17.11.2024).

5. Белобородов, М. В., Евтягина, В.Ф. Особенности признания недействительными мнимых либо притворных сделок в гражданском праве / М.В. Белобородов, М.В. Евтягина.— Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-priznaniya-nedeystvitelnymi-mnimyh-libo-pritvornyh-sdelok-v-grazhdanskom-prave/viewer> (дата обращения: 17.11.2024).
6. Братчикова, С. В., Козионов, Д. С., Половников, Е. А. Применение последствий недействительности сделки: проблемы теории и практики / С.В. Братчикова., Д.С. Козионов, Е.А. Половников — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-posledstviy-nedeystvitelnosti-sdelki-problemy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 17.11.2024).
7. Генкин, Д. М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону / Д.М. Генкин.— Москва: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947.— 96 с.— Текст: непосредственный.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. Демидюк, В. А. Анализ правовой природы недействительных сделок / В.А. Демидюк.— Текст: непосредственный // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова.— 2016.— № 1.
10. Нечаев, А. Д., Нестерова, Т.И. Мнимые и притворные сделки в гражданском праве / А.Д. Нечаев, Т.И. Нестерова.— Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnimye-i-pritvornye-sdelki-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 17.11.2024).
11. Новицкий, И. Б. Сделки. Исковая давность / И.Б. Новицкий.— Москва: Госюриздат, 1954.— 248 с.— Текст: непосредственный.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021).— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_40/ (дата обращения: 17.11.2024).
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019).— Текст: электронный // официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/28477/> (дата обращения: 17.11.2024).
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2020 № 301-ЭС17-19678 по делу № А11-7472/2015.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/vsrfr/doc/8ffbJxrYgbmf/> (дата обращения: 17.11.2024).
15. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2020 № 308-ЭС18-14832 (3,4) по делу № А25-1087/2018.— Текст: электронный // ГАРАНТ.РУ: [сайт].— URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400066096/> (дата обращения: 17.11.2024).
16. Павлова, Е. Н. Правовые последствия недействительности сделок / Е.Н. Павлова.— Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-posledstviya-nedeystvitelnosti-sdelok> (дата обращения: 17.11.2024).
17. Письмо Федеральной налоговой службы от 29 ноября 2017 г. № СА-4-18/24213@ «О направлении обзора судебных актов».— Текст: электронный // ГАРАНТ.РУ: [сайт].— URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723438/> (дата обращения: 17.11.2024).
18. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 сентября 2020 г. № Ф03-2867/2020 по делу № А24-2502/2017.— Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=115639#NfKpDDUivoуocr0s> (дата обращения: 17.11.2024).
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
20. Рабинович, Н. В. Недействительность сделок и ее последствия / Н.В. Рабинович.— Ленинград: Изд-во Ленинградского унта, 1960.— 170 с.— Текст: непосредственный.
21. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г., № 43, ст. 4190
22. Хейфец, Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву / Ф.С. Хейфец.— Москва: Юрайт, 2000.— 162 с.— Текст: непосредственный.
23. Шестакова, Н. Д. Недействительность сделок / Н. Д. Шестакова.— Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001.— 306 с.— Текст: непосредственный.

Защитник как субъект доказывания

Рыбакова Валентина Сергеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В рамках данной работы автор анализирует защитника как субъекта доказывания применительно к уголовному судопроизводству. Анализ современной доктрины показывает, что в ней имеется проблема теоретического характера, которая связана с наличием своеобразного «перекося». Данная проблема заключается в том, что большинство современных авторов и исследователей анализирует статус и полномочия адвоката как субъекта доказательственной деятельности. Получается, что процессуальный статус и полномочия по доказыванию иных субъектов, которые могут выступать в качестве защитника, остаются неисследованными на доктринальном уровне.

Ключевые слова: доказывание, доказательство, защитник, адвокат, защитник как субъект доказывания, уголовное судопроизводство.

The defender as a subject of proof

Within the framework of this work, the author analyzes the defender as a subject of evidence in relation to criminal proceedings. An analysis of the modern doctrine shows that it has a theoretical problem, which is associated with the presence of a kind of «bias». This problem lies in the fact that most modern authors and researchers analyze the status and powers of a lawyer as a subject of evidentiary activity. It turns out that the procedural status and powers of proof of other subjects who can act as a defender remain unexplored at the doctrinal level.

Keywords: proof, proof, defender, lawyer, defender as a subject of proof, criminal proceedings.

В. В. Лычаков [1, с. 4] пишет, что защитник является основным субъектом доказательственной деятельности и акцентирует внимание в рамках своей научной работы на статусе адвоката, его полномочиях по участию в доказывании. Данный автор высказывает точку зрения, что на законодательном уровне необходимо установить запрет на участие в качестве защитника лиц, которые не обладают статусом адвоката. По мнению обозначенного автора, только адвокат в силу своей профессиональной принадлежности и специфики деятельности может оказать квалифицированную юридическую помощь, получение которой очень важно в рамках уголовного судопроизводства. Мы не поддерживаем указанную позицию, так как считаем, что эффективность от участия лица в деятельности по доказыванию не заключается лишь в его процессуальном статусе. Представляется, что будет целесообразным уравнивать всех защитников в рамках уголовного судопроизводства вне зависимости от их правового статуса как участников деятельности по доказыванию по уголовному делу.

К. С. Иванова [2, с. 8] также посвятила свою работу вопросам и проблемам участия защитника в доказывании по уголовному делу. Однако данный автор, аналогично, повышенное внимание уделяет полномочиям адвоката.

Также повышенное внимание адвокату-защитнику, как субъекту доказательственной деятельности по уголовному делу, уделяется в работе К. С. Шорыгина [3, с. 4] и Буфетова М. Ш., Романцов А. М. [4, с. 2].

Анализ научной и учебной литературы позволяет прийти к выводу, что в современной доктрине уголовно-процессуального права Российской Федерации имеется существенный «пробел», который заключается в том,

что отсутствуют общие доктринальные положения о защитнике как субъекта доказывания без привязки данного вопроса к статусу и полномочиям адвокатов. Представляется, что обозначенный аспект обладает важным не только теоретическим, но и прикладным значением, в связи с чем нуждается в более полном и всестороннем доктринальном исследовании.

По нашему мнению, защитник является очень важным субъектом доказывания, поэтому российскому законодателю следует пойти по расширению его полномочий по доказыванию, что потребует внесения соответствующих изменений в действующий уголовно-процессуальный закон.

В уголовно-процессуальной доктрине и правоприменительной практике активно обсуждается вопрос об участии защитника в процессе доказывания и степени его активности при осуществлении данной деятельности. Несмотря на то, что законодатель в ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) регламентировал право защитника собирать доказательства, значительное количество ученых делают вывод о том, что защитник не является субъектом доказывания по уголовному делу.

Так, И. М. Ершова полагает, что субъектами доказывания в рамках уголовного дела, можно считать только тех лиц, в отношении которых законом установлена обязанность по собиранию, проверке и оценке доказательств для принятия властных решений.

К таким лицам, по мнению автора, можно отнести следователя, дознавателя и суд. Аналогичной позиции придерживается С. М. Дадонов, отмечая, что право защитника в силу ч. 3 ст. 86 УПК РФ самостоятельно собирать

доказательства является принципиально важным проявлением принципа состязательности уголовного судопроизводства, что безусловно свидетельствует о том, что защитник является субъектом доказывания.

Наряду с этим, в науке высказывается точка зрения о том, что субъекты доказывания вправе не только собирать и принудительно изымать доказательства, имеющие отношение к уголовному делу, но и придавать ей надлежащую процессуальную форму.

Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ, защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций.

В условиях развития информационно-технического прогресса в Российском судопроизводстве стали широко применяться камеры видеонаблюдения, видеорегистраторы, осуществляющие не только фиксацию событий, но и устанавливающие дату, время, обстоятельства совершения того или иного юридического факта.

Кроме того, полагаем целесообразным в процессе собирания защитником доказательств, с целью исключения необоснованного и незаконного отказа в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела собранной защитником информации, необходимо на уровне УПК РФ регламентировать полномочия защитника по фиксации и изъятию вещественного доказательства. При этом, для обеспечения соответствия данной информации процессуальной форме, а также надления ее признаками относимости, допустимости, достоверности

и достаточности, необходимо регламентировать обязанность защитника составлять акт об изъятии вещественного доказательства, с указанием места, времени и обстоятельств его составления.

Таким образом, для реализации принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, считаем необходимым, указать защитника в ч. 1 ст. 86 УПК РФ в качестве субъекта, уполномоченного на собирание доказательств по уголовному делу. Полагаем, что данная правовая регламентация устранил двусмысленность правовой природы собираемой защитником информации. При этом видится целесообразным внести соответствующие изменения в положения ст. 87 УПК РФ и определить защитника в качестве субъекта проверки доказательств, и как следствие регламентировать его полномочия на преобразование полученной информации и придание ей надлежащей процессуальной формы.

На стадии предварительного расследования, например, защитник, обладающий статусом адвоката, имеет права знакомиться со всеми материалами дела, что, несомненно, играет в пользу подзащитного его. Правовой статус адвокатов в разных странах может существенно отличаться. В качестве положительного примера всегда приводят США, где защитник является реальной фигурой процесса, способной повлиять на его результат. Однако, данное больше связано не с правовой регламентацией статуса адвоката, а с правоприменительной практикой в данной стране, где также особое значение в качестве источника права имеет судебный прецедент, который в Российской Федерации не признается источником, что характерно для стран романо-германской правовой семьи.

Литература:

1. Лычаков, В. В. Защитник как субъект уголовно-процессуального доказывания / В. В. Лычаков. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 25 (420). — С. 114–115. — URL: <https://moluch.ru/archive/420/93405/> (дата обращения: 12.11.2024).
2. Иванова, К. С. Защитник как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве / К. С. Иванова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 13 (460). — С. 249–251. — URL: <https://moluch.ru/archive/460/101078/> (дата обращения: 12.11.2024).
3. Шорыгин К. С. Классификация деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2022. № 6. С. 51–55.
4. Буфетова М. Ш., Романцов А. М. Актуальные проблемы заявления защитником ходатайства об исключении доказательства в стадии подготовки дела к судебному заседанию // Адвокатская практика. 2023. № 4. С. 29–33.

Влияние санкций на правовое регулирование осуществления международной правовой помощи по гражданским и семейным делам

Сафронова Ирина Викторовна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье рассматривается влияние санкций на оказание международной правовой помощи по гражданским и семейным делам. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях усиления санкционного давления на Россию

ключевые концепции международного частного права, такие как запрет на дискриминацию, защита прав собственности и иностранных инвестиций, а также право на суд и юрисдикционные иммунитеты, сталкиваются с серьезными вызовами. Санкции оказывают разрушительное воздействие на эти принципы, что приводит к сложностям в оказании международной правовой помощи. В заключении подчеркивается необходимость противостоять санкциям на уровне государств, выработать защитные механизмы и закрепить их в международных соглашениях.

Ключевые слова: международная правовая помощь, односторонние санкции, целевые санкции, санкционная оговорка, международное частное право, дискриминация по национальному признаку, право на защиту, проблемы доступа к правосудию, юрисдикционные иммунитеты государства, деформация правовых принципов, односторонние принудительные меры, частноправовые отношения, международное публичное право, санкционные списки, влияние санкций на частное право, уязвимость юристов, проблемы правоприменения, правовое регулирование.

The Impact of Sanctions on the Legal Regulation of the Implementation of International Legal Assistance in Civil and Family Matters

Safronova Irina Viktorovna, student master's degree
International Law Institute (Moscow)

The article examines the impact of sanctions on the provision of international legal assistance in civil and family matters. The relevance of the study is due to the fact that in the context of increasing sanctions pressure on Russia, key concepts of private international law, such as the prohibition of discrimination, protection of property rights and foreign investment, as well as the right to a court and jurisdictional immunities, face serious challenges. Sanctions have a destructive effect on these principles, which leads to difficulties in providing international legal assistance. The conclusion emphasizes the need to resist sanctions at the state level, develop protective mechanisms and enshrine them in international agreements.

Keywords: international legal assistance, unilateral sanctions, targeted sanctions, sanctions clause, private international law, discrimination on the basis of nationality, right to protection, problems of access to justice, jurisdictional immunities of the state, deformation of legal principles, unilateral coercive measures, private law relations, public international law, sanctions lists, impact of sanctions on private law, vulnerability of lawyers, problems of law enforcement, legal regulation.

Начиная с февраля 2022 года существенно усилилось санкционное давление на Россию со стороны ряда иностранных государств, тысячи российских компаний и физических лиц были включены в санкционные списки. В то же время данные санкции не признаются законными на территории Российской Федерации, а соблюдение санкционных ограничений встречает негативную оценку со стороны государственных органов и судов, а также может повлечь за собой риски для компаний и менеджмента. Кроме того, Россией был введен ряд ответных контрмер, существенным образом ограничивающих ряд сделок и операций. [1] Сложившаяся ситуация является большим вызовом для международных компаний, которые продолжают деятельность в России, а также крупных российских компаний, ведущих деятельность за рубежом.

Вследствие санкций особенно тревожно за основные концепции, которые у нас существуют в международном частном праве. И здесь имеется в виду запрет на дискриминацию по национальному признаку, уважение права собственности, защиту иностранных инвестиций, право на защиту, право на доступ в суд, юрисдикционные иммунитеты государства. Этот список, конечно, можно продолжать. Сейчас все эти основные принципы, влияющие на оказания международной правовой помощи, переживают очень сложный период. Происходит такая серь-

езная деформация. И некоторые юристы даже говорят, что международное частное право умерло, а вместе с ним и международная правовая помощь. Санкции настолько сильно повлияли на эти традиционные концепции и инструменты, что кажется, что от международного частного права ничего не осталось.

Обычно, когда мы обсуждаем проблемы применения односторонних принудительных мер, мы говорим о сфере международного публичного права. Однако на практике сегодня применение таких мер и всех связанных с ними последствий все больше затрагивает частноправовые отношения. И если вопросы международного публичного права еще хоть каким-то образом обсуждаются на международном уровне, то вопросы частного права зачастую игнорируются. Традиционно, когда говорят о международном частном праве и односторонних санкциях, мы говорим о ситуации, когда конкретные компании внесены в санкционные списки. [2] Но на практике, к сожалению, ситуация гораздо хуже. Обсуждать проблемы можно ли обратиться в суд за исключением компании из списков или разморозки ее счетов хоть каким-то образом представляется возможным, но есть такие проблемы, когда даже дойти до любого судебного органа в частноправовых отношениях не представляется возможным. Когда мы говорим о влиянии односторонних санкций, традиционно,

мы понимаем определенную совокупность секторальных санкций, санкций против государства и так называемых целевых санкций, которые вводятся против конкретных лиц, либо против конкретных компаний.

Судебная практика в государствах, которые вводят санкции, очень разнообразна. Есть судебное решение, когда суд заявляет о том, что это российская компания, Путин внесён в санкционный список, поэтому всё, что угодно, что происходит в Российской Федерации, находится под его полным контролем. Значит, санкционная оговорка применима. Но справедливости ради надо сказать, что есть другие суды, которые толкуют данные оговорки в узком понимании. Но сам факт введения санкционной оговорки уже актуален. Всё, что связано с развитием науки, любой, включая международное частное право, всё, что связано с любыми частными отношениями, просто исчезает. [3, с. 23]

При осуществлении международной правовой помощи или защиты мы должны обратиться в суд. На сегодняшний день, к сожалению, существуют проблемы обеспечения доступа по правосудию у всех затрагиваемых субъектов. Юристы, оказывающие международную правовую помощь, становятся наиболее уязвимыми. Поскольку согласно последнему законодательству, принятому в ЕС и Великобритании, те, кто осуществляют юридическую помощь, несут повышенную степень уголовной ответственности за любую помощь в обходе санкционных режимов. Юристы сталкиваются с серьезными проблемами. Если традиционно мы привыкли к схеме, чтобы работать юристом в соответствующей сфере, в этих странах нужна лицензия на оказание таких юридических услуг. Лицензия нужна на сегодняшний день отдельно на любое санкционное дело. Как следствие, возникают серьезные проблемы с точки зрения региональных судов, когда суд Европейского Союза отказывается рассматривать юридические доказательства. Максимум, чего можно добиться, это исключить членов семьи из санкционного списка. Остальные вопросы исчезают на национальном уровне. Сегодня есть огромные проблемы: дойти до суда, оплатить правовую помощь, найти юриста, который согласится представить дело, избежать квалификации юридической фирмы-контрагента в качестве нарушающего санкционный режим, потому что во многих государствах приняты в том числе так называемые диффамационные законы. И на практике это толкуется так: каждый, кто говорит о том, что санкции применены неправомерно, распространяет ложную информацию. Как следствие за распространение такой ложной информации, его можно привлекать к ответственности, включая ущерб репутации и до лишения лицензии и начала уголовного преследования.

Негативное влияние санкций на осуществление международной правовой помощи по гражданским и семейным делам происходит из-за следующих неправомерных действий:

— использование презумпции правомерности санкций;

— политика максимального риска, репутационные риски, включение санкционных оговорок в соглашения;

— отсутствие единообразия при применении и толковании;

— нетранспарентность причин включения в санкционные списки, ареста счетов, ареста товаров, невозможность получения доступа к данным;

— перекладывание бремени доказывания на лицо под санкциями, либо иное лицо, в отношении которого вводятся ограничения;

— отказ применения соглашений об оказании правовой помощи;

— использование иных механизмов: квалификация как спонсоров терроризма, состояние чрезвычайной ситуации, запрет нормализации отношений со страной и прочие., как основание нарушения контрактов;

— неопределенность: масштабы санкций, сложное регулирование, изъятия, лицензирование;

— дискриминация и изоляция граждан/компаний из стран СНГ;

— огромные затраты на должное соблюдение санкций;

— нарушение договоренностей о сотрудничестве даже в признанных чрезвычайных ситуациях;

— дорогостоящая, длительная и труднодоступная процедура исключения из списка/снятия санкций

— доступ к правосудию;

— отсутствие доступа к правосудию/защите для лиц, затронутых санкциями. [4, с.28]

Масштабные воздействия санкционных ограничений несут негативные последствия на частных лиц, на развитие международного частного права, на оказание международной правовой помощи. Международная правовая помощь состоит из трех элементов: это вопрос юрисдикции, вопрос определения применимого права, признания приведения в исполнение иностранных как судебных, так и арбитражных решений. А вот санкции, как односторонние ограничительные меры, имеют сквозное влияние на все три элемента, но прежде всего колоссальное воздействие на суд, на доступ к консультантам, доступ к правовой экспертизе. Санкции создают такую принудительную правовую асимметрию, когда подсанкционные лица для того, чтобы попасть в суд, вынуждены преодолеть очень большое количество барьеров. [5, с.167]

Есть примеры, когда при оказании международной правовой помощи, возникают ограничения в доступе к правовым консультантам, когда есть доступ к суду, но невозможно найти именно качественную правовую экспертизу, получить экзекватуру. Выстраивается некий такой санкционный щит. Подсанкционные лица могут обращаться в суд и даже получить решение, но это решение будет носить декларативный характер. И это означает, что активы ряда компаний в отношении подсанкционных лиц в юрисдикциях, соблюдающих санкции, они как бы защищены иммунитетом. [6, с.35]

И вот этот вот санкционный щит, он блокирует доступ к финальному экономическому благу.

То есть, даже если добраться до суда, даже если получить некое решение, экономическое благо к подсанкционным лицам не переходит. Возникает так называемый санкционный щит и в отношении применимого права. Здесь также наблюдается такое сквозное влияние. Возникает проблема хромающих отношений. Но если раньше мы обсуждали с точки зрения контекста в основном семейного права, то сейчас она очень плотно вошла в гражданские правоотношения, в коммерческие правоотношения. У нас появляется хромающее обязательство. Потому что есть юрисдикции, которые будут признавать возникший долг, а есть юрисдикции, которые такой долг признавать не будут. И особенно сложна эта ситуация, на мой взгляд, в тех случаях, когда мы говорим о доступе к корректирующей справедливости, например, в отношении деликтных исков, в отношении таких случаев, когда идет признание приведения в исполнение иностранных судебных решений по делам, связанным, например, с мошенническим выводом активов, делам о банкротстве и так далее. Зарубежные суды готовы заблокировать такие экзекватуры и защиту таких прав, в том числе с ссылкой на санкции. Санкция становится сверхнормой. Санкция, тем самым, создает такие гавани, убежища для активов и создает очень негативные

тенденции в том, что вот у подсанкционных лиц можно взять все, что угодно, укрыться вот в этих гаванях, и там там ничего не будет, и там будут сохранены активы, потому что добраться в итоге до них невозможно. [7] Санкции масштабны, неизбирательны, непредсказуемы, вводятся постоянно и постоянно, охватывая широчайшие круги экономических факторов государств. И это больше перестает быть риском только сторон. Это становится риском государств. И в этом плане международное частное право приобретает функции глобального управления, которое осуществляется государствами для минимизации рисков экономики.

Вот те негативные эффекты воздействия на частные правоотношения, которые сейчас оказывают санкции. Необходимо каким-то образом и подсанкционным лицам, и правопорядкам им противостоять, каким-то образом защищаться. Требуется проработать правовую доктрину на уровне юристов. Международно-правовой щит от санкций: закрепить незаконность санкций на уровне международных договоров.

Главное заключается в том, что невозможно решить глобальный конфликт отстранением или отлучением от права масштабных групп людей. Из-за этого конфликт только множится.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» от 08.06.2020 N171-ФЗ/ <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.09.2024)
2. Shulgin v. Council of the European Union, Case T-364/22, Judgment of the General Court of the EU of 6 March 2023, ECLI: EU: T:2023:503. / (Европейский Суд, снятие санкций)/ <https://www.echr.coe.int/> (дата обращения: 09.10.2024)
3. Старженецкий В. В., Фоменко А. И. «Реализация права на защиту в условиях санкционных ограничений» /А. И. Фоменко, //«Вестник экономического правосудия Российской Федерации», 2024, N1. С. 23
4. Ярков В. В. «Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности» // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N8. С. 30–31, С. 28
5. Курбанов Р. А., Международное частное право: учебник / под ред. Р. А. Курбанова, А. С. Лалетина А. С.— Москва: Проспект. 2023. С. 167
6. Малов А. А. Компетенция арбитражных судов по санкционным спорам в Российской Федерации: проблемы доказывания // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N8. С. 34–36. С. 35
7. XII Петербургский международный Юридический форум 26.06.2024–28.06.2024/<https://roscongress.org/events/xii-peterburgskiy-mezhdunarodnyy-yuridicheskii-forum/about/>(дата обращения: 29.07.2024)

Пути совершенствования законодательного регулирования применения мер административной ответственности к государственным служащим за совершение административных правонарушений

Смирнова Анна Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются актуальные проблемы законодательного регулирования административной ответственности государственных служащих. Проводится анализ действующего законодательства в сфере привлечения гос-

служащих к административной ответственности, выявляются существующие пробелы и коллизии правового регулирования. Особое внимание уделяется специфике применения мер административного воздействия с учетом особого статуса государственных служащих. Предлагаются конкретные пути совершенствования нормативно-правовой базы, направленные на повышение эффективности механизма привлечения госслужащих к административной ответственности. Обосновывается необходимость систематизации и унификации законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, государственные служащие, административное правонарушение, государственная служба, законодательное регулирование, правовой статус, административное наказание, должностное лицо, административно-правовые нормы, дисциплинарная ответственность.

В современных условиях развития государственного управления особую актуальность приобретает проблематика совершенствования механизмов привлечения государственных служащих к административной ответственности. Данный вопрос находится на пересечении административного права, государственной службы и конституционных принципов равенства всех перед законом [5].

Действующее законодательство в сфере административной ответственности государственных служащих характеризуется определенной фрагментарностью и не системностью, что создает существенные препятствия для эффективного правоприменения. Анализ правоприменительной практики демонстрирует наличие ряда проблемных аспектов, требующих комплексного законодательного урегулирования.

Ключевой проблемой является отсутствие единого подхода к определению особенностей административной ответственности государственных служащих. В настоящее время соответствующие нормы разбросаны по различным нормативным правовым актам, что затрудняет их системное толкование и применение. Представляется целесообразным консолидировать данные положения в рамках отдельной главы Кодекса об административных правонарушениях [4, с. 24].

Существенным недостатком действующего законодательства является недостаточная дифференциация административной ответственности государственных служащих в зависимости от характера совершенного правонарушения и занимаемой должности. Практика показывает, что одинаковые меры ответственности могут применяться к служащим различного уровня, что не всегда соответствует принципу справедливости и соразмерности наказания.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении административной ответственности и дисциплинарной ответственности государственных служащих. В ряде случаев возникает правовая неопределенность относительно возможности одновременного применения обоих видов ответственности за одно и то же деяние. Необходимо законодательно закрепить четкие критерии разграничения данных видов ответственности и механизмы их взаимодействия [2].

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии сложностей при квалификации административных правонарушений, совершенных государственными служащими

при исполнении должностных обязанностей. Зачастую возникают трудности в определении того, действовал ли служащий в личном качестве или как представитель государственного органа. Требуется разработка четких критериев такого разграничения.

Существующий механизм привлечения государственных служащих к административной ответственности не в полной мере учитывает специфику государственной службы как особого вида профессиональной деятельности. Целесообразно предусмотреть специальные процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях в отношении государственных служащих, учитывающие необходимость обеспечения непрерывности государственного управления.

Важной проблемой является недостаточная эффективность существующих мер административной ответственности применительно к государственным служащим. Традиционные виды административных наказаний не всегда достигают целей превенции и исправления правонарушителя. Представляется перспективным введение специальных видов административных наказаний, учитывающих особый статус государственных служащих.

Отдельного внимания заслуживает проблема информационной открытости процедур привлечения государственных служащих к административной ответственности. Необходимо обеспечить баланс между публичным интересом в доступе к информации о правонарушениях должностных лиц и защитой персональных данных государственных служащих.

Практика показывает необходимость совершенствования механизмов взаимодействия различных государственных органов при выявлении и расследовании административных правонарушений, совершенных государственными служащими. Требуется создание эффективной системы информационного обмена и координации действий правоохранительных органов и органов по противодействию коррупции [1].

Существенным направлением совершенствования законодательства является развитие института административной преюдиции в отношении правонарушений, совершаемых государственными служащими. Повторное совершение административного правонарушения должно влечь более строгую ответственность, вплоть до уголовной.

Важным аспектом является необходимость учета международного опыта правового регулирования админи-

стративной ответственности государственных служащих. Анализ зарубежной практики показывает эффективность таких мер, как временное отстранение от должности, ограничение карьерного роста, публичное порицание.

В целях повышения эффективности административной ответственности государственных служащих представляется целесообразным внедрение системы профилактики административных правонарушений. Это предполагает разработку комплекса мер по предупреждению совершения правонарушений, включая образовательные программы и методические рекомендации.

Особого внимания заслуживает вопрос о сроках давности привлечения к административной ответственности государственных служащих. Учитывая специфику выявления правонарушений в сфере государственной службы, целесообразно рассмотреть возможность установления более длительных сроков давности для отдельных категорий правонарушений [3, с. 115].

Существенным направлением совершенствования законодательства является развитие механизмов защиты прав государственных служащих при привлечении их к административной ответственности. Необходимо обеспечить эффективную реализацию права на защиту, включая возможность получения квалифицированной юридической помощи.

Актуальным является вопрос о создании специализированных органов по рассмотрению дел об административных правонарушениях государственных служащих. Такие органы могли бы обеспечить единообразное применение законодательства и учет специфики государственной службы при назначении наказаний.

Требует совершенствования система учета административных правонарушений, совершаемых государственными служащими. Создание единой информационной базы позволит более эффективно выявлять и предупреждать правонарушения, а также обеспечит обоснованность принимаемых кадровых решений.

Важным направлением является развитие института административного расследования применительно к правонарушениям государственных служащих. Необходимо предусмотреть особый порядок проведения такого расследования, учитывающий необходимость защиты государственной тайны и служебной информации [4, с. 46].

Перспективным направлением совершенствования законодательства является внедрение механизмов восстановительного правосудия при рассмотрении дел об административных правонарушениях государственных служащих. Это позволит обеспечить более эффективное возмещение причиненного вреда и предупреждение новых правонарушений.

Ключевой проблемой выступает несогласованность положений КоАП РФ и специального законодательства о государственной службе. Так, статья 2.4 КоАП РФ устанавливает общие основания административной ответственности должностных лиц, однако не учитывает специфику правового статуса различных категорий госу-

дарственных служащих. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» также не содержит детализированного механизма применения мер административной ответственности [1].

Судебная практика демонстрирует сложности при квалификации административных правонарушений, совершенных государственными служащими при исполнении должностных обязанностей. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 24.03.2005 № 5 разъясняет общие принципы привлечения должностных лиц к административной ответственности, однако специфика государственной службы требует более детального правового регулирования.

Существенным недостатком выступает отсутствие в КоАП РФ специальных составов административных правонарушений, учитывающих особенности противоправных деяний, совершаемых государственными служащими. Действующие санкции зачастую не соответствуют степени общественной опасности таких нарушений и не учитывают особый правовой статус нарушителей [2].

Практика показывает неэффективность существующего порядка привлечения государственных служащих к административной ответственности за нарушения антикоррупционного законодательства. Статья 19.29 КоАП РФ предусматривает ответственность за незаконное привлечение к трудовой деятельности бывшего государственного служащего, однако механизм выявления таких нарушений требует совершенствования.

Анализ правоприменительной практики выявляет проблему недостаточной эффективности административных наказаний, применяемых к государственным служащим. Предусмотренные КоАП РФ штрафные санкции часто не оказывают должного превентивного воздействия. Целесообразно рассмотреть вопрос о введении дополнительных видов административных наказаний, специфичных для государственных служащих [5].

Требует законодательного урегулирования вопрос о соотношении административной ответственности и дисциплинарных взысканий, применяемых к государственным служащим. Действующее законодательство допускает одновременное привлечение к обоим видам ответственности, что может привести к чрезмерному обременению правонарушителя.

Практика применения статьи 2.5 КоАП РФ показывает необходимость уточнения перечня случаев, когда военнослужащие и приравненные к ним лица несут административную ответственность на общих основаниях. Современные реалии требуют расширения данного перечня с учетом новых видов административных правонарушений.

Назрела необходимость создания единой информационной системы учета административных правонарушений, совершаемых государственными служащими. Это позволит повысить эффективность профилактической работы и обеспечить индивидуализацию административных наказаний.

Существенным пробелом выступает отсутствие в законодательстве механизма учета административных правонарушений при решении вопроса о присвоении классов чинов и продвижении по службе. Целесообразно внести соответствующие дополнения в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2].

Для совершенствования законодательного регулирования необходимо внести комплексные изменения в КоАП РФ, предусматривающие специальную главу об административной ответственности государственных служащих. В ней следует закрепить особенности производства по делам данной категории, специфические составы правонарушений и особый порядок исполнения административных наказаний.

Требуется законодательное закрепление обязательного учета характера должностных полномочий государственного служащего при определении вида и размера административного наказания. Это позволит обеспечить более эффективную превенцию административных правонарушений в системе государственной службы.

Актуальным направлением совершенствования законодательства является установление особого порядка при-

влечения к административной ответственности высших должностных лиц государственной службы. Необходимо предусмотреть дополнительные процессуальные гарантии, обеспечивающие объективное рассмотрение дел данной категории [4, с. 47].

Рассмотренные направления совершенствования законодательного регулирования требуют системного подхода и тщательной проработки с учетом правоприменительной практики и международного опыта. Их реализация позволит повысить эффективность административно-правового воздействия на государственных служащих и обеспечить неотвратимость ответственности за совершаемые правонарушения

В заключение следует отметить, что совершенствование законодательного регулирования применения мер административной ответственности к государственным служащим требует комплексного подхода. Необходимо обеспечить баланс между публичными интересами эффективного государственного управления и защитой прав государственных служащих. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность института административной ответственности государственных служащих и укрепить законность в системе государственного управления.

Литература:

1. Кодекс об административных правонарушениях Федеральный закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ — 2002. — № 1. Ст. 1. — Текст: непосредственный.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон: от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ — 1996. — № 25. Ст. 2954.
3. Евдокимова, А. Д. Административная ответственность, применяемая к государственным служащим / А. Д. Евдокимова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 49 (339). — С. 226–228. — URL: <https://moluch.ru/archive/339/76022/> (дата обращения: 01.11.2024).
4. Огрина Г. В. Правовое регулирование административной ответственности государственных служащих X // Юридическая наука. 2021. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-administrativnoy-otvetstvennosti-gosudarstvennyh-sluzhaschih> (дата обращения: 15.10.2024).
5. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id> (дата обращения: 22.10.2024).

Страхование предпринимательских рисков в России

Смолькова Анита Игоревна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Страхование предпринимательских рисков играет важную роль в защите финансовых интересов бизнеса, обеспечивая дополнительные гарантии безопасности в условиях разнообразных экономических угроз. Институт страхования приобретает особую актуальность в связи с нестабильной экономической ситуацией и необходимостью адаптации страхового рынка к новым вызовам. Актуальность данного вопроса обусловлена растущей важностью поддержки предпринимателей

в предотвратимых рисках и обеспечении финансовой устойчивости через действенные страховые механизмы.

Один из ключевых вызовов для предпринимателей представляют собой финансовые риски, так как имеют потенциал оказать разрушительное влияние на бизнес в целом. Разнообразие финансовых рисков, таких как процентные, валютные и кредитные риски, требует от компании повышенного внимания и разработки эффективных стратегий управления. Необходимость это еще

более акцентируется в связи с тем, что политические события и международные конфликты способны оказать негативное воздействие на процентные и валютные риски, непосредственно влияя на финансовую стабильность организации.

На фоне политической нестабильности и изменяющейся экономической обстановки наблюдается усиление финансовых рисков в различных аспектах предпринимательства. С 2014 года в России отмечен рост процентных и валютных рисков, а также риска ликвидности, вызванный политическими факторами и изменениями в процентных ставках и кредитовании [2, с. 4]. В этих условиях для компаний становится особенно важно иметь в арсенале инструменты для мониторинга и минимизации этих рисков, что поможет им адаптироваться к меняющимся внешним условиям и поддерживать финансовую устойчивость.

Противостояние растущим предпринимательским рискам в условиях экономической и политической напряженности требует от бизнеса разработки комплексных стратегий управления этими рисками. Способность компании оценивать и адаптировать свои подходы к рискам становится ключевым аспектом для обеспечения выживаемости и разработки дальнейших путей развития. Одним из основных способов минимизации финансовых потерь и повышения устойчивости и конкурентоспособности компании в долгосрочной перспективе является страхование предпринимательских рисков.

Страхование предпринимательских рисков в России регулируется целым рядом законов и нормативных актов, которые формируют основу для функционирования страхового рынка. Эти документы определяют правила и условия страхования, а также обязательства и права как страховых компаний, так и предпринимателей. «Страховой рынок является важным элементом социальной и экономической инфраструктуры, выполняя роль защитного механизма для всех участников» [3, с.]. Таким образом, законодательные акты в этой сфере играют ключевую роль, помогая предприятиям снизить вероятность финансовых потерь и защищая экономические интересы как индивидуальных предпринимателей, так и крупных корпораций.

Анализ действующего законодательства в области страхования предпринимательских рисков выявляет ряд существенных пробелов и противоречий, которые негативно влияют на его эффективность. В частности, многие нормы не адаптированы к современным требованиям рынка, что создает сложности в их применении. Одной из причин неэффективности текущего правового регулирования является ограниченность подходов к страхованию только стандартными и статистически просчитанными видами рисков. Например, «проблемы эффективного функционирования страхового рынка связаны с превалированием стандартных и статистически просчитанных видов рисков, таких как обязательное страхование ответственности и страхование имущества» [3, с. 66–68].

Нормы гражданского законодательства, затрагивающие страхование предпринимательского риска — разрознены. Они не дают точного и развернутого понимания данному виду страхования. Несмотря на то, что одним из признаков предпринимательской деятельности, согласно абз. 3 п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1, с. 3301], является ее рисковый характер — в законодательстве отсутствуют понятия предпринимательского риска и риска в целом. На практике возникают сложности с отнесением того или иного страхового случая к предпринимательскому риску. Остается открытым вопрос: что конкретно законодатель понимает под предпринимательским риском и какие исключения попадают под его страхование?

Помимо вышеперечисленных причины такого состояния дел коренятся в исторически сложившемся подходе к страхованию, который фокусируется на минимизации рисков через стандартные страховые продукты. Это, в свою очередь, порождает ряд ограничений для предпринимателей, которые могут обнаружить, что предложенные виды страхования не удовлетворяют их специализированным нуждам. Например, в быстро меняющемся экономическом ландшафте новым бизнес-моделям и стартапам необходимы уникальные страховые решения, которые не предлагаются в рамках существующего законодательства. Таким образом, предприниматели часто оказываются в ситуации, когда либо вынуждены принимать неподходящие условия страхования, либо отказываться от страхования вовсе, что увеличивает их уязвимость к непредвиденным ситуациям и финансовым потерям.

Кроме того, существующие нормативные ограничения отрицательно сказываются на самих страховых компаниях, препятствуя их готовности и способности разрабатывать и внедрять инновационные страховые продукты. Как следствие, компании сталкиваются с проблемами удержания клиента и обеспечения конкурентоспособности на рынке. В условиях ограниченных возможностей для маневра рост финансовых колебаний становится неизбежным, что ставит под угрозу как устойчивость отдельных компаний, так и надежность всей системы страхования предпринимательских рисков. В подобных условиях система регулирования нуждается в перезагрузке, чтобы стать более инновационно ориентированной и способной реагировать на динамичные изменения в экономике и потребностях бизнеса.

Анализ прав и обязанностей страхователей и страховых компаний на рынке страхования предпринимательских рисков представляет собой важный аспект правового регулирования этой сферы. Особенное внимание уделяется юридической базе, которая регулирует отношения между участниками страхового процесса, включая условия заключения договоров и выполнение обязательств. В условиях современной экономики, особенно на фоне глобальных вызовов, таких как пандемия, обеспечение четкой правовой регламентации приобретает ключевое значение. Выработка стандартных механизмов

защиты прав и обязанностей помогает избежать недоразумений и служит надежной основой для эффективного ведения страхового бизнеса. Это, в свою очередь, влияет на устойчивость страховых компаний и страхователей, содействуя сокращению предпринимательских рисков.

В период пандемии была особенно заметна необходимость точного определения прав и обязанностей сторон, так как практическая реализация правовых норм подвергалась испытаниям. Одним из примеров является то, что «страховые компании в условиях пандемии старались обезопасить себя от необоснованных выплат, что часто приводило к судебным спорам» [4, с. 2]. Такие ситуации подчеркивают важность законодательных норм, направленных на предотвращение конфликтов и обеспечение уверенности страхователей в получении обслуживания и защиты их интересов.

На практике обеспечение равноправных условий для участников страхового рынка требует системного подхода, включающего как нормативно-правовую базу, так и инструменты для разрешения конфликтов. Механизмы, регулирующие споры между страховыми компаниями

и страхователями, должны быть четкими, доступными и прозрачными. Это предполагает не только наличие нормативных регуляторов, но и внедрение инновационных решений, таких как цифровые платформы для обработки страховых случаев и споров. Внедрение таких технологий позволит сделать процесс страхования и разрешения конфликта более оперативным и менее затратным, тем самым обеспечивая более высокий уровень защиты для всех участников рынка и улучшая общую эффективность правового регулирования в сфере страхования предпринимательских рисков.

В долгосрочной перспективе, совершенствование законодательства в сфере страхования предпринимательских рисков и внедрение инновационных решений окажут позитивное влияние на общую устойчивость страхового рынка. Расширение правовых норм и использование современных технологий укрепят правовую основу, обеспечивая более высокий уровень защиты для участников рынка, и поддержат адаптацию к изменяющимся условиям ведения бизнеса, содействуя развитию предпринимательской активности в стране.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Бектенова Г.С. Основные риски формирования ресурсной базы проектного финансирования в банковском риск-менеджменте // Дайджест-Финансы. — 2023. — Т. 28, № 2. — С. 147–161.
3. Прокопьева Е.Л. Современный страховой рынок России: проблемы и потенциал развития // Дайджест-Финансы. — 2022. — Т. 27, № 1. — С. 66–88.
4. Шумилина В. Е., Ксенофонтов А.М., Слезова А.В. Трансформация рынка страхования в период пандемии // [б. и.]. — [б. г.]. — [б. м.].

Наследование по завещанию: основные принципы, правила, проблемы правоприменения

Степанова Мария Олеговна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Ключевые слова: наследственное право, завещание, нотариус, наследники, анализ судебной практики.

В соответствии со статьей 35 Конституции Российской Федерации право наследования гарантируется государством, при этом все граждане Российской Федерации имеют равные права в области наследственного права, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, а также других обстоятельств [1].

Актуальность данной статьи связана с тем, что благосостояние населения за последние годы значительно выросло, и все больше людей задумываются о проблемах, связанных с передачей имущества наследникам при

жизни. С этой целью наследодатель при жизни составляет завещание, которое заверяется нотариально и принимает форму воли наследодателя после смерти. Вместе с тем, если в семье нет споров о наследовании и есть наследники по закону, завещание составлять необязательно. В случае отсутствия завещания, наследники, принявшие наследство по закону, получают все имущество, принадлежащее наследодателю на день смерти, в равных долях. Однако в случае, когда нет близких родственников и нет наследников по закону, без завещания обойтись невозможно, иначе все имущество, оставшееся после смерти наследодателя, перейдет в собственность государства.

Несмотря на то обстоятельство, что институт наследования в Российской Федерации существует давно, законодательные нормы и их правоприменение постоянно рассматриваются, анализируются и изучаются детально, что позволяет сделать вывод о наличии в законодательстве множества недостатков и противоречий, а некоторые положения части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации требуют поправок, изменений и дополнений.

На сегодняшний день в действующих нормативных актах понятие завещания не закреплено. Законодатель лишь относит завещание к односторонним сделкам, направленным на распределение имущества умершего между его наследниками, в порядке, определяемом наследодателем. То есть закон определяет только юридическую сторону завещания, не наделив термин «завещание» своим определением.

Вместе с тем, из анализа нормативных правовых актов, можно прийти к выводам об определении термина «завещание»: в первом случае завещание — это воля наследодателя, личное распоряжение распределения имущества в случае смерти, а во втором — документ, которым гражданин определяет судьбу своего имущества после смерти, определив круг лиц и порядок передачи всего или части наследственного имущества, принадлежащего наследодателю.

Завещание как основание наследования характеризуется определенными принципами. К ним следует относить:

- а) личный характер завещания;
- б) свобода завещания;
- в) завещание как односторонняя сделка;
- г) тайна завещания [7, с. 330–333].

Личный принцип завещания состоит в том, что завещание подписывается завещателем лично. Если же завещатель по уважительным причинам это условие выполнить не может, то с согласия последнего подпись завещания осуществляет другое лицо (рукоприкладчик) в присутствии нотариуса. Нотариус в этом случае устанавливает личность рукоприкладчика, вносит его паспортные данные в завещание, а также указывает причины, по которым завещатель не смог поставить свою подпись самостоятельно. Стоит особенно отметить, что рукоприкладчиком не может быть выгодоприобретатель по завещанию.

С 2019 года в российском законодательстве закреплена возможность составления совместного завещания граждан, находящихся в браке. Однако такой вид завещаний имеет свои недостатки, так совместное завещание утратит свою силу если брак будет расторгнут или в судебном порядке будет признан недействительным. Несмотря на очевидные минусы, с каждым годом востребованность такого формата завещания только растет.

Принцип свободы завещания обусловлен тем обстоятельством, что наследодатель волен завещать свое имущество любым лицам и в любом соотношении долей. Наследниками могут выступать лица, не относящиеся к наследникам по закону. Одновременно своим завещанием наследодатель имеет возможность лишить наследства тех родственников, на которых распространяются положения

наследования по закону, не указывая причин принятия такого решения. Данный принцип может быть ограничен только правилами об обязательной доле в наследстве.

Говоря о третьем принципе завещания, следует отметить, что завещание, как и иная другая односторонняя сделка не требует каких-либо действий от лица, в пользу которого эта сделка производится. Достаточно выражения воли одного лица (наследодателя) или двух супругов (если завещание совместное).

Заключительный принцип завещания регламентирован ст. 1123 Гражданского кодекса Российской Федерации и обозначен как принцип тайны совершения завещания. Законодателем определен подробный перечень лиц, который до открытия наследства не имеет права обнародовать содержание завещания, его условия относительно совершения, изменения либо отмены.

К таким лицам относятся: нотариус, другое удостоверяющее завещание лицо, переводчик, исполнитель завещания, свидетели, супруг, участвующий в совершении совместного завещания супругов, супруг, присутствующий при удостоверении завещания другого супруга, сторона наследственного договора, нотариусы, имеющие доступ к сведениям, содержащимся в единой информационной системе нотариата, и лица, осуществляющие обработку данных единой информационной системы нотариата, а также гражданин, подписывающий завещание или наследственный договор вместо завещателя или наследодателя [2].

От принципов завещания перейдем к основным правилам его составления. Так, завещание составляется письменно, в том числе и с помощью машинописных устройств. Стоит отметить, что в связи с развитием цифровых технологий, в октябре 2019 года законодатель дополнительно указал, что не допускается изготовление завещания в виде электронного документа, т.е. завещание должно иметь физическую бумажную форму. Готовый текст завещания, подписанный завещателем или рукоприкладчиком, в случае необходимости оглашается (если завещание совместное или текст написан самим нотариусом) и заверяется нотариусом. В исключительных случаях завещание может удостоверяться иным полномочным на то лицом. Допускается и изложение последней воли в простой письменной форме, если завещатель находится в момент составления завещания в состоянии, явно угрожающей его жизни.

Особое место в институте наследования занимает закрытое завещание. В случаях, когда наследодатель избирает такую форму изложения своей воли, предмет завещания, его условия не будут известны даже нотариусу, в виду того, что завещание передается ему в клеенном конверте. При удостоверении нотариусом закрытого завещания обязательно присутствие двух свидетелей (тогда как в открытой форме завещание этот вопрос остается на усмотрение завещателя). Свидетели проставляют свои подписи на конверте с завещанием, далее этот конверт передается нотариусу и запечатывается им в другой конверт с указанием даты и места удостоверения завещания, данных наследодателя и свидетелей. Особое вни-

мание нотариус посвящает «юридическим тонкостям» при разъяснении наследодателю правил, особых условий составления и исполнения закрытого завещания, задает наследодателю вопросы относительно вопросов, каким именно способом изготовлен текст завещания (не затрагивая при этом предмет самого завещания), разъясняет основания, по которым завещание может быть признано недействительным, акцентирует внимание на правах обязательных наследников.

Нотариус выдает специальное свидетельство о принятии завещания. Независимо от даты, указанной в тексте закрытого завещания, дата его исполнения, указанная в свидетельстве, считается датой его получения нотариусом.

О содержании закрытого станет известно только после смерти поручителя. Но наследодатель может не знать подробностей исполнения такого завещания, которое он совершит без квалифицированной помощи нотариуса, он может допустить ошибку, которая приведет к аннулированию завещания.

Помимо закрепления законодателем возможности совершения совместного завещания с 1 июня 2019 года у граждан появилась возможность заключать наследственный договор. В отличие от завещания, наследственный договор является уже двусторонней (многосторонней) сделкой, то есть от выгодоприобретателя по данному договору требуется произведение каких-либо действий, оговоренных наследодателем.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в российское наследственное законодательство регулярно проходит через этап больших реформ. Новые концепции значительно расширяют свободу действий наследодателей по распоряжению имуществом после своей смерти.

Вместе с тем, действующие конструкции требуют доработки в виде законодательных поправок или разъяснений от правоприменительных органов.

Наиболее ярко недоработки в законодательстве о наследовании по завещанию отображаются при анализе сложившейся судебной практики. Так самым распространенным основанием для оспаривания завещания продолжает быть спор о дееспособности завещателя.

Нотариус, удостоверяя завещание (или должностное лицо, которое его заменяет), обязан установить личность гражданина, которые изъявил желание совершить завещание, а также установить полную его дееспособность.

Нотариус устанавливает дееспособность завещателя путем проверки документов, подтверждающих приобретение в полном объеме дееспособности. Способность отдавать отчет своим действиям завещателя устанавливается при помощи проведения беседы нотариуса с завещателем. В ходе собеседования нотариус проверяет адекватность от-

ветов на вопросы завещателя, на основании которых нотариус делает вывод о вероятности понимания гражданином сути собственных действий [8]. То есть на нотариуса возлагается несвойственная для него роль профессионального психиатра, способного дать заключение о дееспособности гражданина, обратившегося к нему для подтверждения сделки (в данном случае — завещание). По крайней мере, для этого он должен иметь высшее медицинское образование и специализацию по психиатрии, идеальный вариант — лицензия на выдачу экспертного заключения.

Однако в соответствии со ст. 2 Основ законодательства о нотариате на должность нотариуса может быть назначен гражданин, имеющий высшее юридическое образование и прошедший стажировку не меньше, чем один год. Причем законодатель не требует наличие высшего медицинского образования для назначения на должность нотариуса. На основании практики нотариального заверения завещаний установлено, что нотариусы определяют способность лиц совершать правовые действия через личное собеседование с завещателем, при котором задаются основные вопросы: имя, фамилия, фамилия, и тому подобное. В случае правильного ответа, гражданин признается адекватным, а, следовательно, и дееспособным. Невозможно предъявлять к нотариусу какие-то иные требования в связи с отсутствием у него специального медицинского образования, в связи, с чем в законодательстве данного вопроса имеется серьезный пробел, которым могут воспользоваться наследники, не включенные в завещание, заявляя в суде о недееспособности завещателя. К сожалению, существует немало решений суда удовлетворяющих этим требованиям.

Вместе с тем, полагаем, что поскольку в обязанности нотариуса входит удостоверение дееспособности наследодателя, и, в случае если завещатель признан недееспособным или частично дееспособным, нотариус обязан отказать в совершении завещания, то для достоверности информации необходимо законодательно урегулировать данный вопрос, а именно создать единую электронную базу на федеральном уровне, в которой содержались бы сведения о признании в судебном порядке граждан недееспособными и ограниченно дееспособными. Прогресс не стоит на месте, развитие электронных федеральных баз значительно облегчает работу различных ведомств, позволяет при осуществлении функций этих самых ведомств незамедлительно и в необходимом объеме получать информацию для всестороннего и полного исполнения поставленных задач. В случае создания единой базы нотариус беспрепятственно сможет исключить из ряда завещателей недееспособных и ограниченно дееспособных лиц, тем самым не допустив удостоверения завещания, заведомо являющегося незаконным.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) — Доступ из СПС «Консультант Плюс» — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. — 2001. — № 49, — Ст. 4552.
3. Гришаев С. П. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации — Доступ из СПС «Консультант Плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Гуцин В. В. Наследственное право: Учебник. М., 2019. С. 58.
5. Гришаев С. П. Наследственное право: учебно-практическое пособие. М., 2018. С. 182.
6. Зайцева Т. И. Нотариальная практика: ответы на вопросы. М., 2015. С. 148.
7. Каразбаев Р. Ф. Наследование по завещанию Казанская / Р. Ф. Каразбаев // наука. — 2019. — № 2. — С. 330.
8. Методические рекомендации по удостоверению завещаний, и наследственных договоров (утвержденные решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21) — Доступ из СПС «Консультант Плюс» — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
9. Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сводный отчет по Минюсту России за 12 месяцев 2022 и 12 месяцев 2023 года)// Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.gov.ru/>

Основы службы судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и её проблемные аспекты

Тихонов Константин Евгеньевич, студент магистратуры
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

В данной работе будет рассмотрена деятельность судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов. Кратко отражено правовое положение судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов. Рассмотрены обязанности, а также отражены основные проблемы, касающиеся деятельности судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов.

Ключевые слова: судебные приставы, права, обязанности, проблемы, обеспечение установленного порядка деятельности судов, органы принудительного исполнения, Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации.

The basics of the bailiff service to ensure the established procedure for the activities of courts and its problematic aspects

In this paper, the activities of bailiffs to ensure the established procedure for the activities of courts will be considered. The legal position of bailiffs to ensure the established procedure for the activities of courts is briefly reflected. The duties are considered, as well as the main problems related to the activities of bailiffs to ensure the established procedure for the activities of courts are reflected.

Keywords: bailiffs, rights, duties, problems, ensuring the established procedure for the activities of courts, enforcement agencies, Federal Bailiff Service of the Russian Federation.

Говоря о судебных приставах по обеспечению установленного порядка деятельности судов (далее — СП по ОУПДС), необходимо отметить, что данный род деятельности в органах принудительного исполнения, а именно в Федеральной службе судебных приставов Российской Федерации (далее — ФССП РФ), не так знаменит, как хотелось бы. В основном о существовании СП по ОУПДС не знает большинство граждан и не имеют представления об их деятельности. Поэтому в рамках данной статьи необходимо определить закрепленные права и обязанности СП по ОУПДС.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (далее — ФЗ «Об органах принудительного исполнения РФ»), СП по ОУПДС имеют ряд обязанностей, а именно:

- обеспечивают безопасность судей, присяжных заседателей, сотрудников ФССП РФ, при исполнении их должностных обязанностей в зданиях суда, а при выполнении отдельных процессуальных действий вне здания;
- по поручению судьи, обеспечивают безопасность уголовного дела и вещественных доказательств к месту проведения судебного процесса;
- обеспечивают поддержание общественного порядка в зданиях и помещениях структурных подразделений ФССП РФ;
- выполняют поручения председателя суда и судей;
- осуществляют охрану зданий судов и структурных подразделений ФССП РФ, а по поручению старшего судебного пристава осуществляют такую охрану в круглосуточном режиме;

- осуществляют привод лиц, уклоняющихся от явки в суд, к дознавателю ФССП РФ, судебных приставов исполнителей;

- обеспечивают безопасность должностных лиц, служащих в органах принудительного исполнения при осуществлении ими процессуальных действий;

- пресекают преступления и правонарушения;

- осуществляют принудительное выдворение иностранных граждан за пределы РФ;

- взаимодействуют с другими органами исполнительной власти;

- обязаны проходить специальную подготовку, военно-врачебную экспертизу а также проверку на пригодность к службе в органах принудительного исполнения.

В соответствии с ч. 2 ст. 11 ФЗ «Об органах принудительного исполнения РФ»), СП по ОУПДС имеют права, а именно:

- могут входить в жилые помещения при осуществлении принудительного привода;

- могут входить в жилые помещения при осуществлении мер по безопасности должностных лиц органов принудительного исполнения;

- могут проверять документы, подтверждающие личность граждан;

- могут не допускать граждан в суд и структурные подразделения ФССП РФ, имеющих при себе запрещенные предметы для проноса в здание суда или структурное подразделение, а именно: колющие, режущие предметы, перцовые баллоны, огнестрельное оружие, боеприпасы и др.;

- могут осуществлять производство по административным делам в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, а именно: по ст. 17.3, ст. 17.8, ст. 13.26;

- применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в случаях и порядке, которые предусмотрены ФЗ «Об органах принудительного исполнения РФ».

Исходя из большого перечня обязанностей, которые возложены на СП по ОУПДС, следует отметить ряд проблемных аспектов, которые существуют на практике при осуществлении деятельности СП по ОУПДС, к данным проблемам относятся:

- нехватка кадрового состава в виду отсутствия мотивации трудоустройства на службу. В рамках данной проблемы необходимо отметить, что при трудоустройстве на должность СП по ОУПДС происходит очень длительное согласование кандидата на заявленную должность, которое варьируется от 3 до 6 месяцев. Также в рамках

данной проблемы необходимо отметить недостаточное денежное довольствие, особенно при отсутствии стажа работы;

- низкое качество обучения вновь прибывших сотрудников в ряды СП по ОУПДС;

- отсутствие должного материального обеспечения.

В данном положении следует отметить нехватку личного автотранспорта, который предназначен для осуществления служебных обязанностей. Также на практике нередкостью является использование служебного автотранспорта в личных целях начальствующим составом и самими СП по ОУПДС;

- наличие нескольких сотрудников, замещающих должности старших смен на объектах — СП по ОУПДС, вследствие чего происходит несогласованность действий между ССНО — СП по ОУПДС. Из-за данной несогласованности происходит лишняя нагрузка на личный состав отделов. Эта нагрузка выражается в постоянных перемещениях СП по ОУПДС по охраняемым объектам. Также из-за постоянных конфликтных ситуаций среди ССНО — СП по ОУПДС личный состав СП по ОУПДС имеет также дополнительную психологическую нагрузку;

- чрезмерная бюрократия при исполнении СП по ОУПДС своих должностных обязанностей. В каждом структурном подразделении и суде, где свою деятельность осуществляют СП по ОУПДС, имеется огромное количество журналов учета и другой документации, которая не несет за собой никакой ценности;

- чрезмерный контроль СП по ОУПДС со стороны главных управлений ФССП в регионах РФ. Осуществление еженедельных проверок за несением службы СП по ОУПДС в судах и структурных подразделениях органов принудительного исполнения приводит к постоянной психологической нагрузке СП по ОУПДС, вследствие чего происходит ухудшение качества несения службы, также происходит лишение денежных довольствий в виде премиальных выплат.

Таким образом, хочется отметить, что СП по ОУПДС обладают правами и обязанностями, которые в полной мере могут обеспечивать должный уровень контроля их деятельности. Исходя из практических положений, следует отметить, что выше был перечислен ряд проблемных аспектов, которые требуют незамедлительного решения. Данный перечень проблем не является исчерпывающим. Особенно остро стоит проблема кадрового состава. Остальные выявленные проблемы касаются непосредственно деятельности СП по ОУПДС, их также необходимо устранить для осуществления качественного несения службы СП по ОУПДС.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
2. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации».
3. Ивков, Д. П. Некоторые проблемы обеспечения установленного порядка деятельности судов / Д. П. Ивков // Молодой ученый, 2021. — № 47(389). — С. 191–193.

1. Кораблин, К.К. Обеспечение установленного порядка деятельности судов должностными лицами ФССП России / К.К. Кораблин, С.Ю. Костерев // Юридические науки, правовое государство и современное, 2020.— С. 292–296.
2. Петухова, К.А. Актуальные проблемы обеспечения установленного порядка деятельности судов в современных условиях / К.А. Петухова // Вестник исполнительного производства, 2023.— № 1.— С. 52–64.
3. Сабуров, Е.Н. Судебный пристав по обеспечению установленного порядка деятельности судов его полномочия / Е.Н. Сабуров // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов, 2019.— С. 34–37.

Использование нейросетей в криминалистике с целью определения подозреваемых в преступлении

Хачатрян Елена Генриевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена вопросам использования нейросетей в криминалистике. Определены особенности, а также недостатки использования современных интеллектуальных нейросетей в криминалистике с целью определения личности подозреваемого в преступлении.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, цифровые информационные технологии, база данных, криминалистика, расследование преступлений, нейронные сети, поисковые системы, искусственный интеллект.

В настоящее время искусственный интеллект и нейросети стали популярными атрибутами в жизни современного общества. Так они входят и в детальность криминалистики. Искусственный интеллект является в современное время одной из наиболее известных и активно исследуемых и обсуждаемых технологических тенденций. Стремительное развитие технологий и юнитов (носителей) искусственного интеллекта обуславливает необходимость адекватного и современного законодательного регулирования в рассматриваемой области, что без надлежащего понимания термина «искусственный интеллект» достаточно затруднительно.

Сам термин «искусственный интеллект» был введен в научный оборот Джоном Маккарти в 1956 году на специализированной научной конференции. До настоящего же времени единого мнения относительно содержания рассматриваемой дефиниции в научной литературе достигнуто не было. В целом принято считать, что искусственный интеллект связан с созданием и функционированием запрограммированных машин, потенциально способных делать и делающих то, что (как презюмируется) требует определенной степени разума (интеллекта), разумности. Как справедливо, на наш взгляд, отмечено П.М. Морхат, «Сложности выработки общепотребительной исчерпывающе точной и однозначной дефиниции искусственного интеллекта определяются, в числе прочего, и тем, что предметно-объектная область работы специалистов в сфере искусственного интеллекта находится на стыке разнообразных научных и профессиональных отраслей и дисциплин: компьютерного программирования и психологии, техники и лингвистики,

математики и нейрофизиологии, биоэтики и философии, то есть каждый специалист в своей области даёт определение, что называется, «со своей колокольни» [1, с. 62].

В настоящее время законодателем закреплено легальное определение понятия «искусственный интеллект», под которым понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [2].

Искусственная нейронная сеть представляет собой машину, которая моделирует способ обработки мозгом конкретной задачи [3].

Исследовали давно доказали, что человеческий мозг имеет такую способность, как формирование нейронных связей с целью более быстрой работы. Так, нейросети имеют способность обрабатывать информацию значительно быстрее и качественнее человеческого мозга, к тому же компьютерные методы обработки значительно отличаются от человеческих.

Нейросети позволяют решить различные задачи, в частности: обработка данных с большим количеством

различной информации, распознавание и дополнение образов, распознавание речи, ассоциативный поиск, абстрагирование, классификация, прогнозирование, оптимизация, составление расписаний, диагностика, обработка сигналов, управление процессами, моделирование сложных процессов, сжатие информации и др. [4].

Основным преимуществом искусственных интеллектуальных нейросетей является то, что они строят модель на основе представленной им информации, а не ранее известной модели.

Так, в современном мире начинают использовать нейросети с целью выявления и расследовании преступлений, в частности в процессе идентификации подозреваемых.

В настоящее время существуют методы идентификации подозреваемых в виде сравнения фото и видеозаписей с базой данных. Но эти методы имеют высокую неточность, а также наличие ошибок [5].

Нейросети имеют возможность обработать и проанализировать большое количество данных.

Так, в 2019 году в Америке нейросеть помогла определить подозреваемых в серии ограблений. Нейросеть получила информацию в виде фотографий и фактов пре-

ступлений, после чего удалось определить личности преступников и задержать их [6].

Также нейросеть оказывает значительную помощь в распознавании лиц. Так, в 2021 в Китае полиция использовала нейросеть для отслеживания камер видеонаблюдения, что позволило определить личность преступника и задержать его [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что искусственный интеллект на сегодняшний день еще не может быть эквивалентом человеческому разуму. Однако уже сейчас он довольно успешно учится и решает задачи, которые до недавнего времени никто кроме человека решить не мог, и тем самым может служить эффективным инструментом для достижения оперативности, точности и доступности при работе с информацией, содержащейся в банках данных криминалистических учетов.

Невозможно не отметить то, что исследователи в настоящее время уделяют большое внимание изучению применения нейросетей в криминалистике, поскольку это может привести к ряду этических и правовых проблем. К примеру, использование нейросетей с целью распознавания лиц может привести к нарушению права на конфиденциальность и приватность граждан государства.

Литература:

1. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
2. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекта Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ.— 2020.— № 17.— Ст. 2701.
3. Интеллектуальные информационные системы. Режим жоступа: <https://sites.google.com/site/nisimovkhv/learning/iis/lecture/tema2>.
4. Фролова Д. А. Проблема введения искусственного интеллекта и нейросетей в криминалистику // Студенческий вестник. 2022. № 47–4 (239). С. 67/
5. Климова Я. А. Нейротехнологии в расследовании преступлений: тенденции и перспективы // 25 лет на службе Отечеству. Сборник научных трудов, посвященный деятельности научных школ Санкт-Петербургского университета МВД России и приуроченной к 25-летию со дня его образования. Сост.: О. И. Городовая, О. С. Кравченко, А. А. Жаворонкова. Санкт-Петербург, 2023. С. 296.
6. Нейросети и криминалистика: новые возможности для определения подозреваемых на основе фото и видео. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZBvqH1vEYSvIi4c6>.
7. Нейросети и криминалистика: новые возможности для определения подозреваемых на основе фото и видео. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZBvqH1vEYSvIi4c6>.

Особенности договора аренды зданий и сооружений: сравнительный анализ

Черепнин Дмитрий Андреевич, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Ключевые слова: договор аренды, срок аренды, арендная плата, обязанности сторон, ответственность сторон, расторжение договора, аспекты.

Введение

Договор аренды зданий и сооружений представляет собой важный элемент гражданских правоотношений, который играет ключевую роль в экономике и социальной жизни общества. В условиях современного рынка недвижимости, где аренда становится все более распространенной практикой, понимание особенностей данного договора становится особенно актуальным. Аренда зданий и сооружений не только обеспечивает доступ к необходимым ресурсам для ведения бизнеса, но и создает правовые рамки, в которых арендаторы и арендодатели могут эффективно взаимодействовать.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в последние годы наблюдается значительный рост интереса к аренде как способу использования недвижимости. Это связано с изменениями в экономической ситуации, ростом предпринимательской активности и необходимостью оптимизации затрат [1]. В условиях нестабильной экономической ситуации многие компании предпочитают арендовать помещения, нежели приобретать их в собственность.

Таким образом, понимание особенностей договора аренды зданий и сооружений становится необходимым для всех участников рынка недвижимости. В данной работе мы будем рассматривать несколько ключевых аспектов, связанных с договором аренды зданий и сооружений. В первую очередь, мы проанализируем правовую природу и форму данного договора, что позволит понять, какие требования предъявляются к его заключению и исполнению.

Правовая природа договора аренды включает в себя его определение, основные характеристики и отличия от других гражданских договоров. Мы также уделим внимание формальным требованиям, которые должны соблюдаться при его оформлении, что является важным аспектом для обеспечения юридической силы договора. Следующим важным аспектом является предмет договора аренды. Мы рассмотрим, что именно может быть предметом аренды, рассмотрим именно в сравнении с тремя организациями.

Важно отметить, что предмет договора аренды зданий и сооружений имеет свои особенности, отличающие его от аренды движимого имущества. Регулирование правоотношений по договору аренды также будет предметом нашего анализа. Обязанности сторон договора аренды — арендодателя и арендатора — также займут важное место

в нашем исследовании. Мы проанализируем, какие обязательства возлагаются на каждую из сторон, каковы их права и обязанности, а также какие последствия могут возникнуть в случае их нарушения. Это знание является ключевым для минимизации рисков и обеспечения успешного выполнения условий договора [7].

Таким образом, данная работа направлена на глубокое изучение особенностей договора аренды зданий и сооружений, что позволит не только расширить теоретические знания в данной области, но и предложить практические рекомендации для арендаторов и арендодателей. Мы надеемся, что результаты нашего исследования будут полезны как для практикующих юристов, так и для всех заинтересованных в вопросах аренды недвижимости.

Анализ ключевых аспектов договора аренды

Раздел посвящен детальному разбору предмета договора аренды — зданий и сооружений. Рассматриваются основные отличия между арендой недвижимого имущества и другими формами аренды, а также важные аспекты, которые необходимо учитывать при заключении договоров на аренду.

Для проведения сравнительного анализа мы выберем такие организации как: государственная организация-школа (Далее — организация 1); коммерческая компания-торговый центр (Далее — организация 2); некоммерческая организация-благотворительный фонд (Далее — организация 3) разберем эти данные организации в разных аспектах договора аренды.

Начнем рассматривать предмет договора в сравнении:

– организация 1: В договоре аренды, заключенном государственным учреждением, предмет аренды должен быть четко определен с указанием адреса, кадастрового номера и основных характеристик здания или сооружения.

– организация 2: Коммерческая компания, как правило, стремится к максимально полному описанию предмета аренды, включая информацию о планировке, инженерных коммуникациях и других важных деталях.

– организация 3: Некоммерческая организация, как правило, заключает договор аренды в целях размещения офиса или проведения мероприятий.

Исходя из этого мы понимаем, что предмет договора должен быть описан максимально точно и однозначно. Так же необходимо указать принадлежность и дополни-

тельные объекты, которые можно передать во временное пользование.

Следующий из аспектов мы предлагаем рассмотреть срок аренды, а также сравнить арендную плату по договору в разных организациях.

– организация 1: Срок аренды для государственных учреждений может быть ограничен законодательством. Арендная плата в таких учреждениях может быть фиксированной или рассчитываться в зависимости от площади и функционального назначения здания или сооружения.

– организация 2: Коммерческие компании предпочитают заключать долгосрочные договоры аренды (10–20 лет) для обеспечения стабильности бизнеса. Такие организации, как правило устанавливают арендную плату с учетом рыночной стоимости аренды аналогических объектов, часто включают в нее НДС.

– организация 3: Некоммерческие организации могут заключать как краткосрочные так и долгосрочные договоры аренды в зависимости от своих потребностей. А вот в отличие от предыдущих двух организаций, благотворительный фонд в нашем случае, может получить льготы по арендной плате, в том числе ее полное или частичное освобождение.

После сравнения можно сказать то, что бывают разные виды сроков: договора на определенный срок или без указания срока. А также для государственных учреждений законодательством может быть установлен максимальный срок аренды. Арендная плата в свою очередь может быть как фиксированной, так может рассчитываться в зависимости от разных факторов.

Остается еще не много ключевых аспектов, которые тоже не менее важны для знания и правильного заключения договоров аренды. Обязанность и ответственность сторон также прописывается в договоре аренды. Вот это мы и сравним в наших организациях.

– организация 1: Государственное учреждение, как правило, заключает договор аренды с условием проведения капитального ремонта и поддержания здания в исправном состоянии. Из чего и вытекает ответственность за ненадлежащее содержание арендованного объекта.

– организация 2: Коммерческая компания может устанавливать более детальные требования к состоянию объекта и обязанности арендатора по его ремонту. Именно поэтому компания может предусмотреть ответственность арендатора за ущерб, причиненный зданию или сооружению.

– организация 3: Некоммерческие организации могут иметь особые требования, например использование объекта в благотворительных целях. В связи с чем, у таких учреждениях есть и особые условия, такие как не целевое использование арендованного объекта.

Предусмотренные обязанности и ответственность необходимо прописывать в договоре поскольку арендодатель предоставляет объект аренды в состоянии пригодным для использования по назначению, а также обеспечивает беспрепятственное пользование объекта [6, с. 10–15]. А вот арендатор в свою очередь должен своевре-

менно вносить арендную плату, согласовывать с арендодателем изменения, которые затрагивают эксплуатационные характеристики объекта. Также содержать объект в надлежащем состоянии, для того чтобы вернуть объект, принадлежащий для целевого использования арендодателю. Обязанности по реконструкции и ремонту считаются как дополнительными условиями договора, которые то же можно включать для перестраховки арендодателя. Относительно ответственности сторон можно заметить то, что арендодатель несет ответственность за недостатки объекта, которые были скрыты. А арендатор несет ответственность за ущерб, причиненный в результате его ненадлежащего использования. В договоре могут быть установлены специальные условия ответственности, например, за несоблюдение правил пожарной безопасности.

Последний из аспектов, которые мы с вами рассмотрим — это расторжение договора аренды. Мы также его рассмотрим на примере наших организаций.

– Организация 1: Государственные учреждения могут расторгнуть договор аренды в случае нарушения арендатором его условий.

– Организация 2: Коммерческие компании могут предусмотреть различные основания для расторжения договора, включая неуплату арендной платы, не целевое использование объекта.

– Организация 3: Некоммерческие организации могут иметь свои основания для расторжения договора, например, нарушение целей использования объекта.

Учитывая вышеизложенное, можно подвести итог. Основания для расторжения договора соглашение двух сторон, а также основания предусмотренные законодательством или самим договором. В случае неоднократных нарушений условий договора одной из сторон другая сторона имеет право его расторгнуть в судебном порядке.

Выводы

Анализ договора аренды зданий и сооружений в разных организациях позволяет сделать выводы о том, что договор аренды является гибким инструментом, который может быть адаптирован к различным потребностям сторон. Важно учитывать специфику каждой организации при составлении договора аренды. Необходимо уделять внимание четкому определению предмета договора, срок аренды, арендной платы, прав и обязанностей сторон, а также оснований для расторжения договора.

Договор аренды зданий и сооружений является сложным юридическим инструментом, требующим внимательного изучения и учета специфики каждой конкретной ситуации. Сравнительный анализ договора аренды в разных организациях позволяет выявить наиболее характерные особенности и риски, которые необходимо учитывать при их заключении и исполнении. Правильно составленный и исполненный договор аренды позволит избежать споров и обеспечить стабильность взаимоотношений между арендодателем и арендатором.

Литература:

1. 1000 и один договор / ред. Г. Ю. Касьянова. — М.: Информ центр 21 века; Издание 5-е, перераб. и доп., 2021. — 480 с.
2. Завидов, Б. Д. Договор аренды нежилых помещений: правовое регулирование. Учебное пособие / Б. Д. Завидов. — М.: Дашков и Ко, 2021. — 180 с.
3. Гражданское право: учебник. В 3 томах. Т. 1 / Отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — Москва: Проспект, 2021. — 848 с.
4. Магомедов Г. Г. Договор аренды: общая характеристика и основные положения // Вестник науки. 2023. № 7 (64). — С. 154–161.
5. Сенченко, Евгения Договор аренды зданий / Евгения Сенченко. — М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2021. — 552 с.
6. Шигонина Л. А., Бородин А. А. Теоретические и практические аспекты договора аренды и его досрочного расторжения // Научный вестник Крыма. 2022. № 1 (36). — С. 36.
7. Завидов, Б. Д. Договор аренды нежилых помещений: правовое регулирование. Учебное пособие / Б. Д. Завидов. — М.: Дашков и Ко, 2021. — 180 с [с. 46]

Система административного судопроизводства

Чернышева Елена Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Круглова Юлия Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный университет

В статье рассматривается понятие, сущность, административного производства, а также его система. В рамках рассмотрения системы административного производства характеризуются его цели, задачи, функции, принципы, а также стадии.

Ключевые слова: административное производство, административный процесс, административные правонарушения, административное право.

Administrative justice system

The article examines the concept, essence, administrative proceedings, as well as its system. Within the framework of the consideration of the administrative procedure system, its goals, tasks, functions, principles, as well as stages are characterized.

Keywords: administrative proceedings, administrative process, administrative offenses, administrative law.

Административное судопроизводство (административный процесс) — деятельность судов, направленная на разрешение административно-правовых споров, в частности, возбужденных административных дел (дел о совершении административных правонарушений) [3, с. 135]. Система административного судопроизводства представлена следующими составными, содержательными элементами:

– Цель: Обеспечение защиты прав и законных интересов, свобод граждан и юридических лиц от незаконных действий, решений со стороны органов публичной власти. Такая защита обеспечивается за счет деятельности компетентных судебных органов власти, которые осуществляют правосудие, как то следует из ч. 1 ст. 118 Конституции РФ [1].

– Задачи (ст. 3 КАС РФ). Например, это обеспечение доступности правосудия. То правосудие в системе административного процесса должно быть доступно всем гражданам в независимости от пола, возраста, материального положения и др. Еще одна задача административного

процесса — правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел. В противном случае применяются меры санкционного давления, воздействия в отношении правонарушителей [2].

– Принципы (ст. 6 КАС РФ). Например, это независимость судей. Это общий принцип любого отраслевого процесса. Основная суть заключается в том, что запрещается воздействовать на судью для достижения определенной выгоды. Причем судье запрещается содействовать, например, в разрешении дела за счет получения материальной выгоды (взятка). Еще один принцип — законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административного дела. Все участники административного процесса обязуются соблюдать административное процессуальное законодательство (законность), а их итоговое решение должно отражать позицию всех участвующих сторон (справедливость).

– Стадии. Это последовательность взаимосвязанных между собой этапов. Любой отраслевой судебный процесс

имеет свои стадии. Самый первый этап — это возбуждение дела, в данном случае административного дела. Основная его цель — установление фактических обстоятельств дела. Возбуждение административного дела возможно только при наличии законных оснований и поводов. Например, непосредственное обнаружение должностным лицом административного правонарушения или поступление сообщения о совершении административного правонарушения (ст. 28.1 КоАП РФ) и др.

После возбуждения административного дела проводится стадия рассмотрения дела. На данной стадии осуществляется подготовка дела к рассмотрению, а также собираются доказательства, формируется доказательственная база и проводится конечный анализ собранных материалов для того, чтобы вынести окончательное решение по возбужденному административному делу [5, с. 5].

После рассмотрения административного дела выносится постановление по делу об административном правонарушении. Это процессуальный документ, в котором указаны ФИО правонарушителя, обстоятельства привлечения его к административной ответственности, вид и размер назначенного административного наказания и др.

После вынесения постановления по делу об административном правонарушении может проводиться стадия его пересмотра. Это возможно, например, в случае изъятия участниками административного дела апелляции. Они составляют и подают апелляционной жалобы в целях обжалования принятого судом решения. В случае, если участники административного дела согласились с решением суда и не изъявили желание его обжаловать, то в таком случае административное дело завершается стадией исполнения. На данной стадии проводится исполнительное производство и осуществляется контроль за исполнением назначенного в отношении правонарушителя административного наказания [4, с. 7].

Систему административного судопроизводства составляют и примеры судебной практики. Это примеры по решению самых различных категорий административных споров, например, при нарушении ПДД, при осуществлении предпринимательской деятельности без государственной регистрации или разрешения, а также при нарушении прав инвалидов и других социально уязвимых категорий и групп населения. Так, в Постановлении № 5–279/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 5–279/2024 рассматривалась законность совершения ФИО1 административного правонарушения. ФИО1 нарушил ПДД

и причинил тем самым легкий вред здоровью потерпевшего. Так, ФИО1, управляя транспортным средством, повернул налево не уступая дорогу пешеходу, совершив на того наезд. По результатам проведенной медицинской экспертизы было установлено, что пешеходу были причинены телесные повреждения, квалифицирующиеся как легкий вред здоровью.

Исследовав материалы дела суд пришел к выводу, что ФИО1 действительно нарушил ПДД, а именно ч. 13.1 ПДД — «при повороте направо или налево водитель обязан уступить дорогу пешеходам и велосипедистам, пересекающим проезжую часть дороги, на которую он поворачивает». Результатом стал наезд на пешехода и причинение ему легкого вреда здоровью. Соответственно, вина ФИО1 была доказана, а значит суд признал его виновным в совершении административного правонарушения по ч. 1 ст. 12.24 КоАП РФ и назначил административное наказание в виде административного штрафа в размере 3500 рублей [6].

Еще один пример из судебной практики в системе административного процесса — нарушение субъектом права обязанности регистрировать или лицензировать свою предпринимательскую деятельность. Так, в Постановлении № 5–288/2024 от 30 января 2024 г. по делу № 5–288/2024 суд рассматривал законность предпринимательской деятельности ФИО2, которая заключалась в предоставлении услуг по перевозке пассажиров и багажа легковым такси.

Исследовав все обстоятельства дела суд пришел к выводу, что ФИО2 нарушил обязанность получения лицензии (разрешения) на осуществление предпринимательской деятельности, а именно — перевозка пассажиров и багажа легковым такси. Ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 29.12.2022 N580-ФЗ прямо устанавливает такую обязанность. Соответственно, ФИО2 был привлечен к административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без обязательного специального разрешения (лицензии) по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ с назначением административное наказание в виде административного штрафа в размере 2000 рублей [7].

Таким образом, административный судопроизводство — деятельность судов, направленная на разрешение административно-правовых споров, в частности, возбужденных административных дел или, по-другому, дел о совершении административных правонарушений. Имеет свои отличительные признаки и систему, включающую цель, задачи, принципы и стадии.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.10.2022, N0001202210060013.
2. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, N10, 09.03.2015, ст. 1391.
3. Назаров, В.В., Акимова, Т. И. К вопросу о понимании административного судопроизводства / В.В. Назаров, Т.И. Акимова // Актуальные проблемы государства и права. — 2020. — № 13. — С. 135–140.

4. Опалев, Р.О. Понятие процессуальной формы административного судопроизводства и права административного судопроизводства / Р.О. Опалев // Журнал административного судопроизводства. — 2021. — № 4. — С. 4–11.
5. Табельский, С.В. Административное судопроизводство в системе административно-процессуальных правоотношений / С.В. Табельский // Журнал административного судопроизводства. — 2022. — № 1. — С. 4–8.
6. Постановление № 5–279/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 5–279/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wwc5Qk5atAUx/>
7. Постановление № 5–288/2024 от 30 января 2024 г. по делу № 5–288/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TDC4Y73ZSrJR/>

Правовые основы введения режима чрезвычайного положения

Чистякова Ольга Олеговна, студент

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Согласно ст. 88 Конституции РФ чрезвычайное положение вводится Президентом РФ, при этом об этом решении незамедлительно сообщается верхней и нижней палатам Федерального Собрания РФ.

Далее в соответствии со ст. 102 Конституции РФ Совет Федерации РФ обязан рассмотреть Указ Президента РФ по данному вопросу и принять решение об его утверждении либо отказе. Для этого Председатель Совета Федерации РФ направляет текст Указа в Комитет Совета Федерации по обороне и безопасности, Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству и Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера для подготовки заключений.

Вопрос об утверждении Указа должен быть рассмотрен в течение 72 часов с момента обнародования, в это время Совет Федерации обеспечивает сбор сенаторов в течение 48 часов, после чего на ближайшем заседании принимается решение по существу простым большинством голосов, что оформляется Постановлением.

В случае неутверждения указа Президента РФ о введении чрезвычайного положения, последний утрачивает силу по истечении 72 часов с момента его обнародования. Впоследствии срок действия чрезвычайного положения может быть продлен указом Президента РФ, при этом процедура его утверждения не производится.

Значительный массив нормативного регулирования чрезвычайного положения предусмотрен в Законе о ЧП, который предусматривает в ст. 3 обстоятельства введения чрезвычайного положения, к которым относятся 2 группы обстоятельств:

1) Попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насиль-

ственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления;

2) Чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ.

Целью введения чрезвычайного положения является устранение обстоятельств, послуживших основанием для его принятия. При этом решение об окончательном устранении данных обстоятельств принимается по результатам проведенной деятельности и текущего состояния дел, при котором отсутствует угроза охраняемым государством прав, свобод и законных интересов.

Помимо конституционного законодательства, вопросы чрезвычайного положения регламентированы и на федеральном, региональном и местном уровнях, а также в системе подведомственных нормативно-правовых актов.

Так, важную роль в регламентации данных правоотношений играет Федеральный закон от 21.12.1994 N68-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», в котором четко прописаны нормы введения режима чрезвычайной ситуации, которая, в силу значительности, может превышать локальный уровень и требовать применения федеральных полномочий в силу масштабов решаемых задач [14].

К примеру, на первоначальном этапе взрыв атомного энергоблока на Чернобыльской АЭС носил характер техногенного происшествия регионального уровня, то есть локальной чрезвычайной ситуации, однако впоследствии, с учетом масштабов разрушений и последствий ра-

диоактивного загрязнения, регламентация действий сил и средств реагирования осуществлялась в режиме чрезвычайного положения.

Ряд иных федеральных законодательных актов также содержат указания на регламентацию действий при чрезвычайном положении.

Так, в п. 29 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» на полицию прямо возложена обязанность участвовать в обеспечении режима военного положения и режима чрезвычайного положения в случае их введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях [15].

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 3 ФЗ РФ «О войсках национальной гвардии» одной из задач данного федерального органа исполнительной власти является участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции [16].

Вообще, структурные правовые основы введения чрезвычайного положения находят свое отражение в системе нормативного регулирования чрезвычайных ситуаций, которые выступают одним из важнейших элементов чрезвычайного положения.

Литература:

1. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2. М., 1982. 478 с.
2. Баранов В. М. Предисловие // Проблемы юридической техники: Сборник статей. Н. Новгород, 2000. 317 с.
3. Валиев Р. Г. О некоторых теоретических и практических аспектах юридической техники и технологии // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2016. Т. 12. С. 3–12.
4. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009. 318 с.
5. Долотова Д. В. К вопросу о соотношении юридической техники и технологии // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 53–55.
6. Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. 412 с.
7. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. М., 2007. 297 с.
8. Лызлов Д. Н., Картухин В. Ю. Юридическая техника: учебное пособие. М., 2009. 264 с.
9. Миронов А. Н., Мурсалимов К. Р., Логинов А. С. Виды юридических технологий в правотворческой и правоприменительной сферах // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 70–72.
10. Худойкина Т. В., Бикбаев Ю. А. Соотношение юридической техники и юридической технологии // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы XII Международной научно-практической конференции (г. Тольятти, 16–17 апреля 2015 г.). Тольятти, 2015. С. 203–205.
11. Червонюк В. И. Юридические технологии («правовая инженерия»), или прикладная юриспруденция: методологическое значение, природа, соотношение с юридической техникой, статус в системе правопведения // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 195–198.
12. Чернова Э. Р. Теория государства и права: учебное пособие для всех форм обучения, обучающихся по направлению 400301 «Юриспруденция». Стерлитамак, 2016. 191 с.
13. Юридическая техника / Под ред. Т. Я. Хабриевой и Н. А. Власенко. М., 2009. 272 с.
14. Федеральный закон от 21.12.1994 N68-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // «Собрание законодательства РФ», 26.12.1994, N35, ст. 3648
15. Федеральный закон от 07.02.2011 N3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О полиции» // «Российская газета», N28, 10.02.2011
16. Федеральный закон от 03.07.2016 N226-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.08.2023) // «Собрание законодательства РФ», 04.07.2016, N27 (Часть I), ст. 4159

Сравнительный анализ одорологии и ДНК-исследований в рамках криминалистического обеспечения следственной деятельности

Шевнина Елизавета Сергеевна, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Настоящая статья посвящена изучению, а также сравнительному анализу одорологии и ДНК-исследований как методов криминалистического обеспечения следственной деятельности. В ходе анализа рассматриваются преимущества и недостатки каждого из изучаемых методов, а также их возможное взаимодополнение в рамках криминалистики.

Особое внимание уделяется аспектам времени получения результатов, стоимости, также точности и возможности судебного признания исследованных улик. Кроме того, затронуты вопросы, связанные с этикой и правовыми аспектами применения данных методов в следственной деятельности.

Ключевые слова: *одорология, ДНК-исследования, обеспечение следственной деятельности.*

Криминалистическое обеспечение следственной деятельности представляет собой важный аспект, связанный с процессом раскрытия и последующего расследования преступлений, а потому на протяжении долгого времени не теряет актуальности изучение различных методов, применяемых в его рамках. Повышение эффективности расследования преступлений напрямую зависит от возможности использования современных достижений криминалистической науки. В свою очередь, научно-технический прогресс порождает необходимость использования в следственной деятельности возможностей современной науки и техники.

Криминалистическая одорология представляет собой отрасль криминалистической техники, а также систему знаний о запахах и их источниках, возможных способах их обнаружения, фиксации, изъятия, хранения и исследования с последующим анализом для расследования и раскрытия преступлений [1]. Свойственное человеку выделение десятков химических соединений продуктов жизнедеятельности несет информацию как о половой принадлежности, так и о физиологическом состоянии человеческого организма. Важно то, что вкупе с постоянными признаками человека, могут быть отражены и использованы в следственной деятельности временные или случайные, например, запах места недавнего прибытия. Использование соответствующих расследованию приемов позволит также обнаружить, изъять и сохранить пригодные к использованию молекулы человеческого запаха в течение продолжительного периода. Учитывая то, что запаховые следы связаны с испарением молекул пахучих веществ, находящихся в замкнутом пространстве и быстро рассеивающихся за его пределами, можно сделать следующий вывод: правильное определение вероятных мест нахождения запаховых следов напрямую зависит от моделирования действий и поведения преступника на месте происшествия с учетом мест его длительного прибывания.

Механизм образования запаховых следов человека на различных объектах определяется наличием следующих факторов: перенесение пахучих веществ пота, отделение волос, а также эпидермиса при контакте источника (следообразователя) с предметами при совершении преступлений, процесс механического обтирания и ряд других. Как известно, фоновые запахи (выделяются растениями, поврежденным почвенным покровом и др.) и запахи людей не имеют свойства смешиваться между собой и не образуют в результате новый запах, а потому при исследовании запаховых следов в ходе следственных действий крайне важно выявить индивидуальный запах одного и того же лица в запаховых следах, которые были

изъяты с разных мест происшествия. Установив принадлежность изъятых предметов потерпевшему, необходимо в обязательном порядке выявить происхождение запаха от конкретных лиц при комплексном исследовании вещественных доказательств.

Проведение неотложных следственных действий осуществляется с соблюдением общих правил, однако с учетом особенностей, характерных для сбора образцов запаховых следов: во-первых, необходимо создать условия обеспечения максимально полного сохранения запаховых следов, во-вторых, ограничиться только необходимыми лицами при осмотре места происшествия, то есть исключить лишних участников, могущих повлиять на обнаружение запаховых следов, в-третьих, соблюдать правила передвижения в целях исключения порчи следов, либо их загрязнения посторонними пахучими веществами (например, табаком), в-четвертых, соблюдать последовательность поиска и изъятия запаховых следов [2].

Изъятие запаховых следов осуществляется с использованием способа аппликации, заключающегося в длительном контакте хлопчатобумажных салфеток с носителями запахов и основывающимся на том, что молекулы пахучих веществ с носителя переходят на салфетку и на ней сохраняются. Данный способ весьма прост, однако в условиях проведения следственных действий на месте происшествия представляется наиболее эффективным. Период контакта салфетки и носителя запаха должен составлять не менее часа, увеличение времени контакта только способствует улучшению качества пробы. Если необходимо сохранить данные следы, то предмет-носитель отправляется в Экспертно-криминалистический центр, где изъятие следов будет проводиться без повреждения иных следов. Получение проб запаха возможно методом адсорбции, иными словами, поглощения вещества из раствора или газа поверхностным слоем сорбента. При извлечении запаховых следов в целях их лучшей сохранности может быть использована алюминиевая фольга, положенная на сорбент и прижатая грузом. Полученные образцы должны быть подписаны и опечатаны. Важно заметить, что сбор образцов на месте преступления должен осуществляться стерильными средствами во избежание смешения следов между собой. Поскольку биологические человеческие выделения (например, слюна, сперма, кровь и др.) содержат индивидуальные пахучие вещества, они тоже подвергаются исследованию и сбору для взятия проб запаховых следов при осуществлении следственных действий.

В настоящее время решение находят многие вопросы, поставленные перед специалистами, проводящими экспертизу тканей и выделений человека (исследование запаховых следов человека) для раскрытия преступлений.

В частности, помимо лабораторного проведения экспертизы реализуется исследование с привлечением служебных собак в качестве биологического детектора, которое позволяет использовать их обонятельные анализаторы в целях распознавания и идентификации запаховых следов. Крайне важно то, что система контроля над адекватностью и разумностью сигнального поведения собак — детекторов вышла на новый и более качественный уровень. Также собаки — детекторы способны воспринимать запах не только по «горячим следам» на месте происшествия, но и спустя продолжительный временной период. При проведении экспертизы тканей и выделений человека, собака, сравнивая пробы запаховых следов с места происшествия с образцами носителей запаха подозреваемого, либо подтверждает, либо опровергает тождество данных запаховых следов. Также стоит учесть тот факт, что обоняние служебно-розыскных собак в качестве биологического детектора представляет собой средство раскрытия сложных преступлений, например, совершаемых без свидетелей.

Применительно к изъятию запаховых следов, протокол следственных действий должен содержать данные о местонахождении предметов — носителей запаховых следов, особенности их строения, материала, структуры, взаимное расположение и характер поверхности, также в протоколе должно быть отражено, каким способом изымались запаховые следы (например, предмет — запахоноситель был изъят целиком, либо изымался только запаховый след), и какие средства изъятия и упаковочные материалы были применены (вместе с указанием данной информации обязательно указываются подтвержденные данные о стерильности используемых средств и материалов). Схемы помещений и местностей проведения следственных действий с пометками на них расположения изъятых предметов — запахоносителей, как и фотографии, отображающие взаиморасположение предметов — носителей запаховых следов, могут быть приложены к протоколу следственных действий. Важно заметить, что совершение манипуляций с выявленными на предметах иными материальными следами недопустимо до изъятия запаховых следов, так как это чревато привнесением нежелательных примесей и веществ, либо полной утратой запахового следа [3].

ДНК-исследования, проводимые в рамках криминалистического обеспечения следственной деятельности, основываются прежде всего на анализе хромосомной ДНК, то есть универсального носителя наследственной информации. Для каждого человека свойственен индивидуальный фенотип (набор внешних и внутренних признаков) в связи с индивидуальным генотипом (совокупностью генов организма), при том генетический материал, который заключен в разных клетках и тканях организма одного человека, в норме одинаков. Именно сочетание этих двух принципов: индивидуальной генетической уникальности каждого организма и генетической идентичности совокупности его клеток с тканями легли в основу молекулярно-генетической индивидуализации. Стоит отметить, что на современном этапе развития криминалистики, гене-

тики и ДНК-исследований более употребимы следующие научные определения: «геномная идентификация», «типирование ДНК» и др. [4]. Дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) — это носитель генетической информации обо всех признаках организма, сложное высокомолекулярное соединение из последовательности химически связанных между собой нуклеотидов, сложное полимерное соединение. Именно хромосомная ДНК является предметом генетической экспертизы, проводимой в рамках осуществления следственной деятельности. Экспертиза состоит из четырех этапов: выделение ДНК, постановка реакции амплификации ДНК, учет продуктов амплификации методом электрофореза и вероятностно-статистическая обработка результатов проведенного исследования. Этап выделения ДНК осуществляется с соблюдением установленных криминалистических требований по безопасности, чистоте получаемого образца ДНК, скорости выполнения, достоверности и воспроизводимости результатов и др. Его суть состоит в выборе подходящего на данном этапе метода, например, сорбационного (на основе кремниевых, либо магнитных частиц) или использования бумажных карт ФТА с содержанием химических веществ для лизирования образцов и последующего связывания высвобожденной нуклеиновой кислоты. Этап постановки реакции амплификации проводится с помощью двух последовательных реакций ПЦР: в режиме реального времени и основной реакции. Данный этап позволяет установить концентрацию ДНК в количестве тысячных долей нанограмма, выявить наличие в препаратах ДНК ингибиторов ПЦР (то есть тормозящих реакцию ПЦР веществ), оценить степень дегградации в препаратах ДНК, определить концентрацию общей и мужской ДНК в препарате, что крайне важно для дальнейшего изучения смешанных биологических следов от нескольких лиц (особенно при расследовании уголовных дел против половой неприкосновенности и половой свободы личности). Третий этап связан с проведением автоматического анализа электрофоретического разделения молекул ДНК с высокой скоростью и точностью. Непосредственно вероятностно-статистическая обработка результатов проведенного исследования обязательна для оценки полученных данных судом, это обусловлено наличием законодательно определенных величин вероятности родства, по достижении которых генетическое исследование оканчивается.

В настоящее время активное развитие в качестве одной из стратегий криминалистического ДНК-анализа получило ДНК-фенотипирование, которое имеет поисковое значение. Так, больших успехов удалось добиться в областях исследования и сравнения признаков, связанных с пигментацией цвета кожи, глаз и волос, однако исследования по прогнозированию таких внешних признаков, как формы волос, их поседения и качественной структуры, продолжают набирать актуальность среди специалистов в области ДНК-исследований и криминалистов.

Для уяснения сходств и различий одорологии и ДНК-исследований в рамках криминалистического обеспе-

чения следственной деятельности предлагается провести сравнительный анализ по следующим критериям: порядок назначения экспертизы, время получения результатов, стоимость, точность, возможность судебного признания исследованных улик.

Согласно ст. 195 УПК РФ, следователь, признав необходимым назначение судебной экспертизы, выносит об этом постановление и указывает в нем, какие вопросы должны подлежать разрешению. В данном случае порядок назначения экспертизы будет одинаков, однако вопросы, поставленные на разрешение экспертизы тканей и выделений человека (исследования запаховых следов человека) и экспертизы генетической (ДНК-исследования), будут отличаться. Например, вопросы для исследования запаховых следов человека будут звучать следующим образом: «Происходят ли запаховые следы с данного объекта от конкретного лица?», «Имеются ли в представленных пробах запаховые следы человека?» и др. Вопросы эксперту, проводящему генетическую экспертизу, будут звучать так: «Могла ли данная кровь произойти от конкретного лица?», «Могла ли сперма на одежде произойти от одного и того же лица?» и др.

Время получения результатов исследования запахов человека и ДНК-исследования варьируется в зависимости от места и города их проведения, способа проведения и др. Так, исходя из проанализированной информации по крупным городам России, срок получения результатов исследования запаховых следов человека в среднем составляет от 7 до 14 рабочих дней, в тоже время результаты ДНК-исследований могут быть получены от 3 до 14 рабочих дней (в экстренных случаях — 1).

Стоимость экспертизы тканей и выделений человека (исследования запаховых следов человека), как и генетической экспертизы (ДНК-исследования), также зависит от места и города их проведения, в том числе она может меняться в зависимости от таких факторов, как сложность дела, объем анализируемых материалов и образцов, лаборатории и проводящего исследование эксперта. Примерная стоимость исследований запаховых следов человека в крупных городах России находится в пределах от трех до тридцати пяти тысяч рублей, стоимость же ДНК-исследований варьируется от пяти до семидесяти тысяч рублей.

Точность результатов исследования запаховых следов человека вызывает большое количество споров в науке и на практике в следственной деятельности несмотря на достигнутые успехи в ее проведении. Примером тому служит обсуждение достоверности полученных результатов исследований при помощи собак-детекторов, поскольку на данный момент не существует единых стандартов подготовки служебных собак, распознающих запаховые следы, а предсказание и распознавание истинности поведения животного представляется возможным не всегда. Использование инструментального механизма при исследовании запаховых следов человека, как одного из способов экспертизы тканей и выделений человека, представляется значимым для точного определения достоверной инфор-

мации о поле носителя запахового следа, но, как правило, не более того [5]. Что касается точности результатов генетической экспертизы, то можно сказать о следующем — в рамках криминалистического обеспечения следственной деятельности этот метод представляется наиболее достоверным. Причинами тому служит, во-первых, уникальность ДНК, что делает возможным осуществление точной идентификации лиц по образцам ДНК, связанным с местом преступления и индивидуальностью подозреваемого (например, по слюне, крови), во-вторых, научная обоснованность генетикой и молекулярной биологией. Геномная регистрация создает дополнительные возможности для раскрытия преступлений, поскольку такой метод исследования следов преступления, как использование геномной информации в некоторых случаях является единственным возможным, так как применение иных методов невозможно или неэффективно [6].

Возможность судебного признания исследованных улик в качестве доказательств в ходе исследования запаховых следов человека зависит от проверки, исследования и подтверждения судом выводов эксперта о тождестве запаховых следов другими, имеющимися в деле доказательствами, а также их допустимости, достоверности и возможности апробации данных доказательств в качестве процессуальных. По нашему мнению, заключение эксперта о тождестве запахов при отсутствии других надлежащих доказательств является недостаточным для обвинения подозреваемого. Судебное признание исследованных улик в качестве доказательств в ходе ДНК-исследований также связано с соответствием их правилам, установленным для судебной экспертизы, качеством и достоверностью данных проводимого исследования, а также с наличием других допустимых и достоверных доказательств в деле. По нашему мнению, заключение эксперта о тождестве ДНК при отсутствии других надлежащих доказательств является недостаточным для обвинения подозреваемого.

Подводя итоги вышесказанному, можно прийти к следующему выводу:

во-первых, криминалистическое обеспечение следственной деятельности представляет собой сложный и многоаспектный процесс, регулируемый не только законодательно установленными нормами, но и нормами этики, во-вторых, использование в ходе следственных действий средств одорологии и ДНК-исследований позволяет повысить эффективность расследования и раскрытия преступлений ввиду постоянного развития и совершенствования технологий, используемых в рамках данных методов, в-третьих, сходство исследования запаховых следов человека и ДНК-исследования наблюдается в порядке их назначения, времени получения результатов и признании судом улик, исследованных в ходе экспертизы, в качестве доказательств, однако различия исследований состоят в вопросах, задаваемых экспертам, точности полученных результатов и стоимости проводимых исследований, в-четвертых, взаимодополнение данных

методов криминалистического обеспечения следственной деятельности представляется возможным и нужным, поскольку некоторые запаховые следы на месте преступления могут сохраняться дольше, чем биологические, и их установление способно привести к выявлению и получению образцов ДНК предполагаемого преступника, в свою очередь, предоставленные материальные доказательства, полученные в ходе генетической экспертизы, могут быть дополнены доказательствами, полученными в ходе исследования запаховых следов человека, что поможет оценить вероятность присутствия подозреваемого лица на месте преступления, в-пятых, не теряющим актуальности остается обсуждение точности результатов используемых методов и соразмерности им стоимости экспертизы, а также доступности проведения экспертизы в рамках следственной деятельности не только в крупных регионах России, но и в регионах с меньшей численностью, в том числе и труднодоступных. Для решения данной проблемы видится разумным предоставление экспертам как переносных, так и передвижных криминалистических лабораторий для наиболее качественного криминалистического обеспечения следственной деятельности. Так, наличие возможности использования данных лабораторий,

предназначенных для выездов экспертов-криминалистов на места происшествий для технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений, способно обеспечить оперативное проведение экспертизы на месте преступления.

Однако при решении одной проблемы могут возникнуть другие — ограниченность или несоответствие оборудования современным стандартам, необходимость подготовки и обучения экспертов-криминалистов, точность полученных результатов, финансирование мобильных лабораторий. Для их решения целесообразным представляется: во-первых, обеспечение дополнительных источников финансирования экспертной криминалистической деятельности (государственных субсидий, грантов или сотрудничества с частным сектором), во-вторых, проведение на регулярной основе обучения сотрудников лабораторий и экспертно-криминалистических центров для освоения ими новых технологий и оборудования, в-третьих, обновление в соответствии с современными стандартами технического оборудования и осуществление его безопасности и функциональности для наиболее эффективного криминалистического обеспечения следственной деятельности.

Литература:

1. Т. Н. Шамонова, В. И. Старовойтов, В. В. Гриценко, К. Т. Сулимов. Использование запаховой информации при расследовании убийств и других преступлений против личности: учебное пособие. М., 1997. С. 3.
2. Методические рекомендации «Работа с одорологическими следами на месте происшествия. Методика назначения и проведения одорологической экспертизы» / Западно-Сибирское следственное управление на транспорте следственного комитета при прокуратуре РФ [Электронный ресурс] URL: <https://zapsib-sut.sledcom.ru/upload/site60/iblock/4cd/4.docx>.
3. Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Учебник по криминалистике. М., 2005. С. 257.
4. Абдулина Е. В., Зорин С. Л., Ермакова Т. Н. Использование возможностей судебно-генетической экспертизы в криминалистике: учеб. Пособие/ Е. В. Абдулина, С. Л. Зорин, Т. Н. Ермакова.— Киров: МГЮА, ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»», 2024—100 с.— URL: <http://raduga-press.com/gallery/sge.pdf>.
5. Хмелева А. В. Значение экспертизы запаховых следов человека в доказывании по уголовным делам (по результатам обобщения следственной практики) // Глаголь правосудия. 2019. № 4(22). С. 64–67.
6. Киселев Е. А. Актуальные вопросы правового регулирования генотипоскопического исследования в уголовном судопроизводстве / Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 11 июля 2024 года) М. Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, 2024—135 с. С. 23–28. [Электронный ресурс] URL: https://academy-skrf.ru/science/publishing/collection_of_forums/2024/sb_11.07.2024_.pdf.

Влияние религиозных концепций на формирование классического индусского права в Древней Индии

Шинкаренко Кирилл Игоревич, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Вопрос о взаимоотношении религии и права всегда был и остается одним из самых сложных в юридической науке. Многие исследователи отмечают его неодно-

значность и трудность для восприятия в силу особой специфичности самого предмета исследования. Между тем, право и религия имеют гораздо больше общих черт, чем

это могло бы показаться при самом первом приближении. Любую религию можно рассматривать, прежде всего, как особого рода идеологическую доктринальную систему, формирующую определенный социокультурный тип человека, — соответственно, любая религия немыслима без определенным образом систематизированного порядка ритуалов и правил поведения, обязательных для последователей данной религии. На определенном этапе развития любого общества нормы религии и права часто выступали в качестве единого комплексного синкретического механизма регуляции поведения людей по отношению к высшим силам, религиозным институтам, другим верующим — наиболее ярким примером здесь служит историческая эпоха архаического римского права VIII — III вв. до н.э., когда основными знатоками и хранителями нормативных традиций в ранней римской общине выступали жрецы-понтифики, а сами нормы религии — «*fas*» — еще не были четко отграничены от собственно правовых норм «*ius*» [1, с. 158]; кроме того, по замечанию отечественного исследователя римского права Л. Л. Кофанова, «именно сакральное право стало той первоначальной базой, на которой строилось все римское гражданское право» [2, с. 54]. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении другой религиозной системы — ислама, который представляет собой «не только религию в собственном смысле слова, но одновременно культуру, образ жизни и цивилизацию», «всеобъемлющую систему, включающую, в том числе, правила мирской жизни и нормы о взаимоотношениях между людьми». [3, с. 12–13]. Совокупность нормативных предписаний ислама получила традиционное наименование «шариат» — арабское слово, употребляющееся в значении «начертанного Аллахом (Всевышним) пути следования для достижения мирского совершенства и благополучия, основанного на обязательных божественных установлениях» [3, с. 33].

Таким образом, на протяжении многих столетий в разных государствах религиозный строй неизменно рассматривался как составная часть государственного строя, а нормы религии — как неотъемлемая часть государственного права. Принадлежность человека к определенной религии иногда выступала в качестве опознавательного знака, маркера, или свидетельства принадлежности человека к «своему» народу, стране, государству.

Тесное многовековое взаимодействие религиозно-моральных предписаний с нормами позитивного права зачастую приводило к появлению особого юридико-правового феномена — религиозных правовых систем, в которых собственно правовые предписания существовали и действовали в неразрывной и тесной связи с положениями той или иной религии и в которых право получало божественную санкцию и обоснование своего сверхъестественного происхождения в различных священных доктринальных текстах. В современной теории права под религиозной правовой системой (семьей) в самом общем виде понимается такая правовая система, «в которой в качестве источника права признается воля

бога, выраженная в священных религиозных текстах, богословских доктринах, церковных актах, религиозно-правовых обычаях, преданиях, а также в государственных законодательных актах, закрепляющих и систематизирующих религиозно-правовые нормы, предписания которых распространяются только на представителей конкретной религии, религиозной общины» [4, с. 105]. При рассмотрении особенностей развития религиозных систем (семей) права в рамках сравнительного правоведения или теории государства и права в качестве характерного примера существующей в наши дни религиозной правовой системы в ряду прочих (мусульманское право, каноническое право христианской церкви) неизменно перечисляется и традиционное индусское право [5, с. 330], которое «отличается глубочайшими религиозно-нравственными истоками» и «тесным переплетением с религией», являясь «неотъемлемой частью индуизма», в содержание которого, помимо права, входят «различные религиозные верования и обряды, моральные, философские и другие идеологические ценности, предполагающие определенный образ жизни, общественный порядок, социальную организацию и структуру» [6, с. 55].

Достаточно укоренившийся в отечественных и мировых теоретико-исторических юридических науках взгляд рассматривает систему религиозного индусского права в качестве одной из древнейших религиозных правовых систем мира, возраст которой насчитывает более двух тысячелетий непрерывного политико-юридического развития. Многие древнейшие философские, религиозные и правовые концепции традиционной индусской религии нашли свое отражение в данной системе права, что придало ей особую уникальность, предопределило ее глубоко традиционный характер. Из этого следует закономерный вывод о том, что для наиболее полного теоретического познания природы и сущности традиционного религиозного индусского права, необходимо уяснить основные положения религии индуизма, в неразрывной связи с которой на протяжении столетий развивалась данная система права.

Вопрос о том, что представляет собой индуизм и можно ли вообще употреблять данный термин для обозначения некой «концептуальной целостности» и объективно существующей реальности до сих пор носит дискуссионный характер в современных религиоведческих и страноведческих исследованиях. [7, р. 101]. С одной стороны рядом исследователей подчеркивается тот факт, что индуизм — это древнейшая национальная религия Индии, вокруг которой во все века строилось культурно-идеологическое, социально-экономическое и политико-правовое единство страны. С другой стороны, индуизм как синтез разнообразных и часто противоречивых идей, норм культовой и обрядовой деятельности, правил поведения верующего индуса в семье, общине и касте, представляет собой не столько религию в традиционном понимании этого слова, сколько традиционный образ жизни со своей философией, этикой, социальным строем, прин-

ципами права и моральными нормами [8, с. 323]. Одно из современных наименований индуизма звучит как «Санатана Дхарма», что можно приблизительно перевести на европейские языки как «извечный закон», «божественный миропорядок» или «нерушимый строй» [9, с. 393]. Одним из существенных отличий индуизма является отсутствие центрального «символа веры», либо какого-то общеобязательного набора догматов — в этом плане индуизм предельно плюралистичен, представляя собой скорее «зонтичный термин» для нескольких самостоятельных религиозных подсистем. К индуизму причисляет себя достаточно широкая общность лиц, с рождения включенная в особую кастовую социальную структуру традиционного индийского общества — с этой точки зрения можно утверждать, что сама суть индуизма коренится, прежде всего, в кастовом строе и соответствующей ему кастовой идеологии, внутрикастовой социально-регулятивной нормативной системе.

Особое место в культово-религиозной практике индуизма отводится традиционным произведениям философско-религиозного жанра санскритской ведической литературы — дхармасутрам и дхармашастрам (от санскритских слов «дхарма» — божественный закон, «сутра» — нить и «шастра» — писание, трактат), сборникам правил поведения правоверного индуса в ритуально-религиозной и повседневной мирской жизни. Первоначально наличие в дхармашастрах нормативного материала определялось согласно господствовавшей религиозно-этической концепции обязанностей (дхармы) «праведного царя» как главного охранителя мира и правопорядка в подвластной стране («раджадхарма»), а также концепцией ритуального искупления религиозных грехов («праяшчитта»).

К основным религиозным концепциям классического индусского религиозного права, по современным представлениям ученых сложившегося в Древней Индии к началу новой эры и закрепленным непосредственно в самих текстах дхармашастр, можно отнести следующие постулаты: авторитет священных Вед, традицию смрити, понятие дхармы, концепцию четырех варн и четырех ашрам, институт искупления грехов («праяшчитта»).

Авторитет священных Вед — та традиция, с которой ортодоксальная брахманская религиозно-философская мысль связывает развитие права в Древней Индии, которое рассматривается через его отражение в памятниках традиционной ведической санскритской литературы, мифическая история которой простирается в глубь тысячелетий. Современная индология рассматривает священные книги древних индоарийских племен — сборники Вед (Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа) — как компиляцию различных по происхождению гимнов, песнопений, описаний религиозных ритуалов племенных индоарийских культов, магических формул и заклинаний, в общем виде сложившихся в первой половине I тысячелетия до н.э. [10, с. 13], на основе которых впоследствии вырастает обширная ведическая литература иных жанров, дополняющая и развивающая положения священных Вед,

которая вместе с Ведами составляет авторитетную религиозную традицию «шрути» (в переводе с санскрита — «услышанное»), т.е. Божественное Откровение.

Влияние, которое оказала религиозная, философская и другая ведическая литература на формирование правовой культуры Древней Индии было столь значительным, что многие правовые явления и институты даже современной Республики Индии не могут быть адекватно поняты и объяснены без учета этого влияния. [11, с. 18–29]. Один из крупнейших авторитетов в области традиционного права Индии, известный юрист С. Десаи приводил следующее определение индусского права: «Там, где оно не отменено законодательством, индусское право может быть определено как древнейшее право индусов, основанное на Ведах, провозглашенное в смрити, разъясненное и истолкованное в признанных комментариях и дигестах, дополненное одобренным обычаем». [12, с. 22]

Тем не менее, в самих Ведах достаточно трудно найти то, что можно было бы отнести собственно к правовым нормам, что предопределено особенностями жанра Вед как компилятивных религиозно-мифологических сборников. Веды можно рассматривать лишь в качестве «идейного фундамента» классического индусского права, которые своим религиозным авторитетом лишь «освящают» позднейшую традицию собственно религиозно-правовых сборников — жанр смрити.

Традиция смрити (в переводе с санскрита — «запомненное») в самом общем виде может быть определена как передаваемая по памяти в устной форме от учителя к ученику наставническая традиция, аналог христианского Священного Предания, восходящая к авторитетным легендарным полубожественным мудрецам глубокой древности. В самом широком смысле под литературной традицией смрити понимается весь комплекс произведений, когда-либо составленных на основе Вед, в узком же смысле под смрити понимаются литературные, научные и правовые трактаты, комментирующие Веды. Основой смрити признается традиция, мнения древних мудрецов, толковавших букву и дух Божественного Откровения — Веды. Наиболее ранние трактаты данного жанра известны под названием «дхармасутр» (от санскритского слова «сутра» — «нить»), названных так по технике их составления в результате передачи знания «по цепочке» (ниточке) от учителя к ученику. Самые древние известные дхармасутры, названные именами легендарных мудрецов — Гаутама, Баудхьяны, Апастамбы и Васиштки — датируются достаточно широким периодом от VI до III вв. до н.э., считается, что на их основе впоследствии возникла многочисленная литература собственно дхармашастр, куда относятся наиболее авторитетные религиозно-правовые сборники: Ману-смрити (Законы Ману), Яджнавалкья-смрити, Нарада-смрити, Брихаспати-смрити, Вишну-смрити и др., самые поздние из которых составлялись уже во времена Средневековья.

Теоретически, если текст любого произведения жанра смрити расходился с Ведами, он не мог применяться в ка-

честве самостоятельного источника права. Там, где присутствует хоть какое-то противоречие между текстом смрити и текстом Вед, преимущество неизменно признается за последними, как за основным принципом древнеиндийского права. Однако, как уже было сказано ранее, поскольку в самих Ведах нормы права практически отсутствуют, то зачастую применялась фикция, согласно которой часть произведений жанра смрити основана на «забытых» или «потерянных» текстах шрути, и практически смрити никогда не могут толковаться как противоречащие Ведам. [12, с. 22]

Понятие дхармы является одним из основополагающих понятий всей индуистской религии. Понятие дхармы чрезвычайно многогранно и полисеманлично, это крайне сложный многозначный религиозно-философский термин: в зависимости от места употребления и контекста понятие «дхарма» может обозначать и «божественный закон бытия», и «должный путь праведности», и «религиозное почитание», и «правду и справедливость», и «должные обязанности», и «добро» в самом широком смысле слова, и «божественную истину». «Дхарма — доброе дело, но что есть дхарма? Безгрешность, совершение многих благодеяний: милосердие, даяние, правда, чистота», — так описывается предметная область понятия «дхарма» во II Колонном эдикте древнеиндийского императора Ашоки из династии Маурьев (273–232 гг. до н.э.) [13, с. 451]. Автор фундаментального исследования по истории жанра дхармашастр в 5 томах известный индийский ученый-юрист П. В. Кане (1880–1972) утверждал, что «дхарма — одно из тех санскритских слов, которые делают тщетными всякие попытки найти им точное соответствие в английском или каком-либо другом языке» [14, р. 1]. По существу дхарма есть правильное осуществление фундаментальной философской природы или Предназначения в «глобально-космическом» смысле. По отношению к душе, к жизни каждого конкретного человека это — образ поведения, наиболее благоприятный для духовного продвижения, правильный и праведный путь.

Наряду с понятием дхармы одной из центральных идей индуизма является учение о карме — вере в посмертное перевоплощение человека в зависимости от правильности исполнения им его индивидуальной дхармы. Разными исследователями индуизма неоднократно подчеркивался тот факт, что только через постижение «закона кармы» можно понять индийскую философию личности с ее традиционными представлениями о роли и месте каждого человека во Вселенной, объеме его субъективных прав и обязанностей [8, с. 327].

Варно-кастовый строй также является одной из сохранившихся в течение веков специфических черт классического индуистского права. Согласно традиционному социально-религиозному делению, индуистское общество делится на четыре сословия или варны (в переводе с санскрита — «вид», «род», «цвет»): брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр, расположенных в соответствии с иерархией их ритуальных статусов в ортодоксальной

социально-религиозной системе индуизма. Концепция варна-дхармы — религиозно-морального и правового положения индуса в зависимости от принадлежности его к одной из четырех варн — перешла и в систему классического индуистского религиозного права. Традиционная доктрина ортодоксального индуизма разработала детальное религиозное обоснование деления людей на варны-сословия, происхождение которых возводилось к религиозному акту жертвоприношения первочеловека-Пуруши либо акту самопожертвования самого Высшего божества, что нашло свое закрепление в традициях священных текстов, включая знаменитые Законы Ману: «А ради процветания миров он [Самосущий Брахман] создал из своих уст, рук, бедер и ступней соответственно брахмана, кшатрия, вайшью и шудру», — говорится в I главе Законов Ману [15, с. 22]. Точно по такому же принципу был определен и детальный круг обязанностей для каждой из варн: изучение Вед — для брахмана, охрана подданных — для кшатрия, торговля и земледелие — для вайшьи и служение трем высшим варнам — для шудры [15, с. 31].

Наряду с варнами в индийском обществе в более поздние времена начал складываться и институт кастовой социальной организации, который приобрел характер еще большей замкнутости. Данный институт отличался строгой регламентацией принадлежности человека к определенной общине и наследственно закрепленной профессии.

Традиционное соотношение варны и касты находит свое отражение и в позднейшем индуистском религиозном праве. Принадлежность человека к определенной варне по-прежнему определяет совокупность его прав и обязанностей в социуме и государстве, тогда как кастовая принадлежность была связана главным образом с нормами брачно-семейного права. Таким образом, фактически за пределами действия индуистского права оказывались многочисленные касты «неприкасаемых» [12, с. 39].

Концепция религиозного искупления грехов («праяшчитта») также чрезвычайно важна для понимания традиционного индуистского права. Именно данная концепция положена в основу классификации разделов многих известных дхармашастр [16, с. 165]. Понятие греха и преступления в практике традиционного индуистского права не были строго дифференцированы. Преступление здесь почти всегда трактовалось как «нарушение дхармы», требующее в ряде случаев соответствующего религиозного (ритуального) искупления. Традиция праяшчитты имеет длительную историю своего развития, нормы о ритуальной нечистоте и необходимости искупления (очищения) содержатся еще в самых ранних произведениях религиозно-нормативного жанра — дхармасутрах Апастамбы и Баудхаяны — где говорится о грехах особой категории («ашучикара»), навлекающих на человека ритуальную нечистоту [17].

Более подробная классификация грехов приводится в Законах Ману, которые относят к категории «великих грехов» такие правонарушения, как «убийство брахмана,

пьянство, кражу, прелюбодеяние с женой гуру (учителя-наставника)», при этом даже нахождение в одном обществе с такими грешниками само по себе уже является «великим грехом» [15, с. 435]. Далее дается перечисление грехов, «приравненных к великим»: лжесвидетельство, ложный донос царю, пренебрежение Ведой, убийство друга, поедание запрещенной пищи, различные половые преступления и т.д. Еще более многочисленным является перечень «меньших грехов» — он включает в себя практически все известные индускому праву правонарушения и деликты.

Перечисленные деликты-грехи, к какой бы конкретно категории они ни относились, всегда навлекают на грешника ритуальное осквернение. Вплоть до того момента, пока он не исполнит положенных ритуальных искупительных процедур, подобный человек остается ритуально «нечистым» для других людей [18, с. 115]. Для них «губителен» сам факт общения с подобным грешником.

Различным категориям грешников грозят всяческие кары не только в этой жизни, но и в последующем перерождении. Согласно принципу кармы это, как правило, будущее возрождение во чреве различных хищников

и прочих «низких тварей», как это утверждает одна из позднейших дхармашастр Вишну-смрити [19, с. 137–138]. Конкретным способом ритуального искупления отводится значительное число глав многих известных дхармашастр — так, им посвящено большинство стихов XI главы Законов Ману. Каждое действие совершается в строгом соответствии с определенной процедурой покаяния и включает в себя ряд последовательных стадий и ритуалов [8, с. 438–439].

Как мы видим, классическое индуское право представляет собой оригинальное правовое явление, которое развивалось вне зависимости от других правовых систем, что свидетельствует об относительно высоком уровне правовой культуры индийского общества. Закрепление в индуском праве основополагающих концепций индуизма предопределило его поразительную живучесть на всем протяжении тысячелетней истории Индии. Авторитет «священного права», «божественного закона» древности был настолько высок, что это позволило ему стать основополагающим нормативным регулятором социальных, политических и экономических отношений в традиционном индийском обществе на многие века вперед.

Литература:

1. Циркин Ю. Б. История Рима. Царский Рим в Тирренской Италии. М., 2020.
2. Кофанов Л. Л. Lex et ius: возникновение и развитие римского права в VIII — III вв. до н.э. М., 2006.
3. Сюкияйнен Л. Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М., 2021.
4. Словарь основных понятий теории государства и права / под ред. А. Г. Мамонтова, С. А. Иванова. М., 2020.
5. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999.
6. Шепелев Д. В., Шепелева Д. В., Белянская О. В. Сравнительное правоведение: учебное пособие. М., 2023.
7. Pennington B. K. Was Hinduism Invented?: Britons, Indians, and the Colonial Construction of Religion. Oxford University Press, 2005.
8. Крашенинникова Н. А. Права человека в Индии // Права человека: итоги века, тенденции и перспективы. М., 2001.
9. Индийская философия: энциклопедия / Отв. ред. М. Т. Степанянц. М., 2009.
10. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: словарь / Под общ. ред. Альбедиль М. Ф. и Дубянского А. М. М., 1996.
11. Крашенинникова Н. А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М., 2009.
12. Крашенинникова Н. А. Индуское право: история и современность. М., 1982.
13. История Древнего Востока: тексты и документы. М., 2002.
14. Kane P. V. History of dharmasastra. Vol. 1. Poona, 1930.
15. Законы Ману / Пер. С. Д. Эльмановича. М., 2002.
16. Безносова Я. В. Дхармашастра Яджнавалкьи как источник нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова. 2015. № 1. С. 165–169.
17. Самозванцев А. М. Правовой текст дхармашастры. М., 1991.
18. Самозванцев А. М. Проблемы древнеиндийского права // Вестник древней истории. 2001. № 4.
19. Вишну-смрити / пер. с санскрит., предисл., коммент. и прилож. Н. А. Корнеевой. М., 2007.

Проблемные вопросы государственной защиты свидетелей в уголовном процессе

Шумилова Юлия Сергеевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье автором рассматриваются некоторые проблемы в сфере обеспечения государственной защиты свидетелей по уголовным делам. Автором проанализированы отдельные положения действующего законодательства с выявлением

пробелов правового регулирования правового статуса свидетелей, а также обозначены пути решения выявленных проблем с учетом опыта зарубежных стран.

Ключевые слова: свидетель, государственная защита, защита, уголовный процесс, обеспечение безопасности, обеспечение прав

Актуальность проблемы государственной защиты свидетелей по уголовным делам приобретает особую важность в связи с развитием современных технологий, которые активно используются преступниками, в том числе для оказания давления на свидетелей с целью понуждения их к изменению либо отказу от дачи показаний посредством применения различных приемов: угрозы, шантаж, подкуп и т.п.

Поскольку одной из целей уголовного судопроизводства является справедливое разрешение уголовного дела и привлечение к уголовной ответственности виновного лица, обеспечение безопасности свидетеля по уголовным делам является важнейшей задачей государства.

Основополагающим в правовом регулировании рассматриваемого вопроса является Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1], положения которого строятся на Конституции РФ [2]. В указанном законе, достаточно подробно, регламентируются принципы обеспечения защиты свидетелей, виды защиты, которые включают в себя определенные меры безопасности и социальной поддержки. Помимо обозначенных вопросов закон № 119-ФЗ устанавливает круг лиц, в обязанности которых входит обеспечение защиты, а также регламентирует порядок ее применения.

В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ [3] в качестве основания для принятия должностным лицом решения о необходимости применения мер безопасности к свидетелю является установление действительного наличия угрозы и ее реальности. Определение категории «реальности» имеет достаточно размытое понимание и отличается субъективностью восприятия. Реальность угрозы причинения вреда не свидетельствует о реальности причинения вреда. Сам термин «угроза» говорит о возникновении определенных страхов, связанных с возможностью причинения свидетелю вреда. Как известно, инстинкт самосохранения является самым сильным в человеческой жизни, соответственно возникшие опасения из-за поступающих угроз за жизнь и здоровье свои и близких, прямым образом воздействует на действия свидетеля [4, с. 173]. В следственной деятельности часто бывают случаи, когда следователь, принимая решение о применении мер безопасности к свидетелю, в действительности не проверяет факт реальности угроз, и без обращения к органам, ответственным за обеспечение государственной защиты свидетелей, принимает решение о применении мер безопасности, что является положительным фактором, поскольку позволяет максимально быстро достичь правдивых, достоверных свидетельских показаний, поскольку свидетель чисто психологически уже чувствует себя защищенным [5, с. 11].

Определение момента необходимости принятия решения о применении мер безопасности является также важной проблемой. Данный момент, как правило, определяется началом уголовного преследования. Анализ уголовно-процессуальных норм позволяет сделать вывод о том, что решение о государственной защите свидетеля может приниматься только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Многие исследователи, в частности, У.А. Алхлаев [6, с. 179], говорят о том, что меры безопасности не должны определяться рамками возбуждения уголовного дела. По мнению приверженцев указанной точки зрения, меры безопасности к свидетелям должны применяться с момента проведения оперативно-розыскных мероприятия и вплоть до момента реализации материалов в уголовном судопроизводстве.

Положения УПК РФ в качестве доказательств допускают показания анонимных свидетелей. Нормы ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ч. 5 ст. 278 УПК обеспечивают возможность защиты информации о личности свидетеля, которые конкретизируются в положениях закона № 119-ФЗ. В материалах дела в таком случае может использоваться псевдоним, а не настоящее имя свидетеля. Между тем, пробелом правового регулирования является то обстоятельство, что в уголовном процессуальном законодательстве не указаны способы, исключающие визуальное наблюдение другими участниками уголовного процесса при проведении судебного следствия.

При исследовании вопроса совершенствования законодательства по обеспечению мер государственной безопасности свидетелем, важно обратиться к зарубежному опыту. Положительным моментом, который может быть воспринят российским законодателем является существование в отдельных странах уголовной ответственности за необеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства или разглашение сведений о них [7, с. 51].

Показательным, по нашему мнению, является пример Германии, которая приняла закон об унификации мер защиты свидетелей [8], позволяющий свидетелям, подвергающимся угрозе, участвовать в программах защиты при готовности дачи показаний по делам о тяжких преступлениях или об организованных преступных группировках, когда производство по делу без этих показаний будет крайне затруднено или вовсе невозможно.

Однако поскольку программа защиты свидетелей в Германии является дорогостоящей, в каждом конкретном случае сначала проверяется возможность расследования преступления без показания свидетелей с помощью дополнительных методов расследования. Также следует отметить, что свидетель, даже не имеющий процессуальный

статус свидетеля, но фактически являющийся очевидцем совершившегося преступления выступает в качестве потенциальной жертвы вне зависимости от факта участия в уголовном процессе.

В настоящее время основными проблемы института государственной защиты свидетелей в уголовном процессе являются:

1) недостаточная урегулированность мер обеспечения безопасности свидетелей, неточность законодательных норм, регламентирующих уголовно-процессуальные меры безопасности и условия их применения

2) неэффективность механизма обеспечения безопасности, поскольку данный механизм вступает в действие

уже на поздней стадии, а не на стадии проведения оперативно-розыскных мероприятий;

3) отсутствие эффективных механизмов контроля за применением мер безопасности к свидетелям.

В качестве одного из эффективных методов обеспечения безопасности свидетеля выступает сохранение конфиденциальных данных о личности свидетеля [9, с. 200]. Между тем, для того чтобы данная мера имела наибольшую результативность и с наибольшей вероятностью исключался бы коррупционный фактор, российскому законодателю следует воспринять положительный зарубежный опыт стран, где за раскрытие конфиденциальных данных свидетеля предусмотрена уголовная ответственность.

Литература:

1. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Российская газета. — 2004. — № 182.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Ведомости Федерального Собрания РФ. — 01.01.2002. — № 1. — Ст. 1.
4. Соколов Д. С. Некоторые проблемы, возникающие при принятии решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 2 (38). — С. 173–174.
5. Ширитов А. Б. Государственная защита участников уголовного судопроизводства: проблемы уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2011. — 216 с.
6. Алхлаев У. А. Меры безопасности в уголовном процессе России // Государственная служба и кадры. — 2020. — № 3. — С. 178–179.
7. Тымчаль М. В. Уголовное законодательство зарубежных стран в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Криминалистика. — 2019. — № 3 (28). — С. 51–55.
8. О гармонизации защиты свидетелей, которым грозит опасность: закон ФРГ от 11 декабря 2001 г. // Bundesgesetzblatt. 2001. Teil I. — № 67. — S. 3510.
9. Гусева И. И. Отдельные вопросы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сборник материалов международ. науч.-практич. конф. / коллектив авторов; под ред. В. М. Зимина; Т. Ю. Новиковой, Е. А. Ануфриевой, В. П. Бодаевского, Д. А. Захарова. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. — С. 200–203.

Подходы к правовой природе публичных сервитутов в дореволюционный, советский и современный период России

Шустов Дмитрий Александрович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье сказано, что сервитут, возникший в Древнем Риме как одна из древнейших форм вещных прав, представляет собой ограниченное право на использование чужого имущества и отражает баланс интересов между личными правами собственников и потребностями общества. В России сервитуты начали развиваться в XVIII веке, претерпели изменения в связи с аграрными реформами и истекшим влиянием на правоприменение. Современное российское законодательство продолжает вызывать дебаты среди юристов относительно своей структуры и применения, подчеркивая необходимость дальнейшего исследования и улучшения правового регулирования сервитутов.

Ключевые слова: сервитут, сервитутное право, право собственности, защита права на сервитут, законодательство о сервитуте.

Approaches to the legal nature of public easements in the pre-revolutionary, Soviet and modern period Of Russia

The article says that the easement, which arose in Ancient Rome as one of the oldest forms of property rights, represents a limited right to use someone else's property and reflects the balance of interests between the personal rights of owners and the needs of society. In Russia, easements began to develop in the XVIII century, underwent changes due to agrarian reforms and expired influence on law enforcement. Modern Russian legislation continues to provoke debate among lawyers about its structure and application, emphasizing the need for further research and improvement of the legal regulation of easements.

Keywords: *servitude, servitude law, right of ownership, protection of the right to servitude, legislation on servitude.*

Сервитут как правовая категория зародился в Древнем Риме и представляет собой одну из самых древних форм вещных прав, которые существуют в человеческом обществе. Суть сервитута заключается в создании ограниченного права на использование чужого имущества, что подчеркивает уникальную природу этих прав, в отличие от абсолютного права собственности. Это право обозначает не просто использование, но и что-то подобное «работу вещи», где вещь подчиняется определенным обязательствам в интересах другого лица.

В условиях Древнего Рима проблема дефицита ресурсов, таких как вода, вынуждала землевладельцев ограничивать свои права, чтобы обеспечить доступ к этим ресурсам для соседей. Такой подход демонстрирует прогрессивное понимание гражданских прав и обязанностей, когда личные интересы собственников уступают место коллективным интересам общества. Это было особенно актуально на сельских территориях, где проходы, проезды и другие «сельские повинности» стали необходимыми условиями для нормального существования [2].

С ростом и развитием Рима, как культурного и административного центра, необходимость в более сложных и разнообразных формах сервитутов возросла. Городская среда, насыщенная постройками и инфраструктурой, требовала создания новых норм и обязательств, касающихся строительства. Появление таких городских сервитутов, как право опирать постройки на чуждые конструкции, проводить дождевую воду и канализацию через соседние участки, стало ответом на запросы времени. Эти нормы не только добавили гибкости в правовое регулирование, но и обеспечили стабильность и комфорт для жителей, что значительно облегчало совместное использование пространства.

Сервитутное право как важная составляющая римского правопорядка складывалось постепенно, находясь под влиянием множества факторов, касающихся как юридической практики, так и экономических условий времени. Основной задачей римских юристов было преодоление ряда концептуальных сложностей, связанных с определением этого института. Первоначально сервитут воспринимался как право на часть чужой вещи. Однако правовая мысль постепенно трансформировалась, и сервитут стал рассматриваться не как ограничение отдельных

прав собственности, а как самостоятельное право, предоставляющее его обладателю возможность пользоваться чужим имуществом в строго определенном контексте. Это изменение представлений о сервитуте отразило более глубокое понимание ограниченных прав в контексте общей системы гражданских прав, подчеркивающее как личные, так и экономические аспекты данного института [1, с. 44].

Установление сервитутного права базировалось на необходимых предпосылках, таких как постоянство сервитутов и пассивность собственника обремененной вещи. Первый аспект подразумевал, что сервитут должен быть постоянным, чтобы ответить на нужды титуляра, позволяя ему использовать чужое имущество для оптимизации своей экономической деятельности. Объективное постоянство сервитутов обуславливалось вечной необходимостью пользователя в доступе к ресурсам, а субъективное — зависело от продолжительности жизни лица, которому этот сервитут был предоставлен. Пассивность собственника, в свою очередь, означала, что ему не налагались обязательства по активным действиям ради удовлетворения

Анализ механизмов защиты сервитутов в Древнем Риме показывает, насколько разработанные гражданские правовые средства позволяли эффективно противостоять нарушениям прав, связанных с использованием чужого имущества. Конфессорный иск становится центральным элементом этой системы, предоставляя сервитутному пользователю легитимный способ защиты своих интересов. Он устанавливал четкие правовые рамки для разбирательств, определяя, что владельцы сервитутов имеют право не только на возврат отобранных у них прав, но и на устранение препятствий, затрудняющих их использование. Это изначально создавало условия для стабильности и предсказуемости в правоотношениях, судья, используя свои полномочия, мог эффективно решить столкновение интересов, обеспечивая защиту прав истца.

Также стоит отметить, что наличие обязанности истца доказывать основания и способы установления сервитутов создавало баланс между интересами сторон. В этом контексте ключевым моментом становится правовая природа и механизм действия самого иска.

Кроме конфессорного иска, защитные механизмы сервитутов в римском праве также включали интердикты, что свидетельствует о многогранности подхода к во-

просам правовой защиты. Разделение интердиктов на водные, дорожные и водопойные демонстрирует попытку адаптировать правовые инструменты под специфику различных жизненных ситуаций и нужд. Способности к быстрому реагированию на нарушения, например, через правоприменение интердиктов, дают нам понимание того, насколько важной была защита прав на действительное использование ресурсов для экономической деятельности граждан.

В российском законодательстве понятие сервитута возникло в XVIII веке с введением Положения о нотариальной части. Сервитуты делились на личные, принадлежащие конкретным лицам, и предельные, относящиеся к собственникам определённой недвижимости. В начале XX века значительное влияние на развитие сервитутного права оказала аграрная реформа, которая способствовала переходу от общинного крестьянского землевладения к частному. В результате крестьяне стали собственниками, что инициировало формирование сервитутного права и включение крестьян-собственников в этот процесс. В конце XIX века правовые отношения, связанные с сервитутами, активно развивались, формировалась судебная практика, и увеличивалось внимание к законодательству, регулирующему сервитутные вопросы [2].

Гражданское законодательство дореволюционной России было охарактеризовано рядом особенностей, которые существенно влияли на его структуру и функционирование. Одной из центральных проблем было неразбериха в терминологии, что затрудняло правоприменение и вызывало споры среди юристов. Изначально понятие «сервитут» отсутствовало, и вместо него использовались такие термины, как «право угодий в чужом имуществе» и «право участия частного». Это создавало многозначность и неопределённость, которые, как показывает практика, продолжают создавать трудности для цивилистов даже в наше время.

К тому же, отсутствие общих положений о сервитуте в законодательстве того времени лишь усугубляло проблему. Это наводило на мысль о необходимости унификации правовых норм, однако реальная ситуация была более запутанной: существовали разрывы между общероссийскими нормами и местными законами, особенно в царстве Польском и Прибалтийских губерниях. Последние имели более развитую и совершенную правовую практику, что подчеркивало степень правовой неразберихи в Российской Империи [3, с. 99].

Тем не менее, дореволюционная правовая наука продолжала исследовать вопросы, касающиеся сервитутного права, и многие цивилисты пытались предложить свои трактовки этого института. Однако, несмотря на попытки честного осмысления и адаптации, российская юридическая мысль оставалась в значительной степени зависимой от древнеримской теории, не претерпевая значительных изменений. Это указывало на необходимость развития отечественной правовой системы и адаптации ее к специфике российских реалий.

Возникновение сервитутов в России можно охарактеризовать несколькими основными особенностями. Во-первых, сервитуты устанавливались через особую форму договора, который заключали владельцы служащего и господствующего участков, и должен был нотариально удостоверяться, иначе считался недействительным. Во-вторых, сервитуты не могли возникать по завещанию; для этого наследнику требовалось заключение договора с отказополучателем и его нотариальное удостоверение. В-третьих, Свод гражданских законов России не предусматривал возникновение сервитутов по давности, и не упоминал о возможности их установления на основании судебного решения. В отличие от общероссийского законодательства, местные акты, такие как Свод гражданских узаконений губерний Прибалтики, позволяли устанавливать сервитуты через завещание и судебные решения. Также судебная защита сервитутов была неурегулирована: не существовало единого вещного иска, аналогичного конфессорному, и лишь иск о нарушении прав частного участия применялся для защиты легальных дорожных сервитутов.

Основания прекращения сервитута в контексте российского гражданского законодательства показывает их глубокие корни в римском праве, что позволяет выявить как положительные, так и отрицательные аспекты регулирования. Наиболее заметные основания прекращения сервитута, такие как отказ от сервитутного права, гибель вещи, совпадение в одном лице собственника и пользователя, а также истечение срока давности, демонстрируют, что система была достаточно универсальной. Однако это не значит, что она была эффективной. Отсутствие общих положений и детализированной классификации видов сервитутов и механизма защиты прав пользователей создавало правовой вакуум, что снижало уровень защищённости интересов сторон.

Исторический контекст, связанный с революционными изменениями начала XX века, существенно ограничивал возможности индивидуального землевладения и приводил к изменению отношений в сфере землепользования. Идея огосударствления земли, которая сначала вызывала неуверенность, со временем нашла свое отражение в законодательных инициативах, таких как Декрет ВЦИК о замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом. Эти меры были не только экономическим, но и правовым шагом в сторону упорядочения земельных отношений, которые требовали более четкой регламентации после хаоса революционных лет.

Переход к Новой экономической политике также способствовал упорядочению земельных отношений, но с началом формирования СССР на первый план вышли коллективные формы землевладения, такие как колхозы и совхозы, что в корне изменило отношения и фактически заменило индивидуальное землевладение. Так, закрепление основного принципа общественной собственности на землю в законодательстве в конечном итоге напрягло возможность частного правоупотребления, включая сервитуты.

Наступление 90-х годов стало новым этапом для земельной реформы в России. Законодательные изменения, зафиксированные в Законе РСФСР «О земельной реформе» и последующих нормативных актах, привели к восстановлению и реорганизации частной собственности на землю, что в свою очередь открыло новые горизонты для таких институтов, как сервитут. Появление института сервитутов в российском гражданском праве в 1994 году стало важным шагом к внедрению современных принципов использования и охраны земельных ресурсов. Особое внимание стоит обратить на то, что в «Основных положениях государственной привати-

зации» были предусмотрены три вида публичных сервитутов, что свидетельствует о признании прав собственности и необходимости регулирования общественных интересов и частных прав.

В рамках современного российского права сервитут стал частью правовой системы сравнительно недавно, что приводит к большому количеству различных мнений в юридической литературе по поводу его правового регулирования. Дебаты затрагивают не только правовую сущность сервитута, но и его определение. Хотя среди авторов существует множество разномыслий, значительная часть из них основывается на определении, предоставленном законом.

Литература:

1. Дождев Д. В. Под редакцией члена-корр. РАН, профессора В. С. Нерсисянца. Римское частное право. Учебник для вузов. — М.: Издательская группа ИНФРА — М — НОРМА, 2016–704 с.
2. Копылов А. В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве. Статут., 2000 г. <http://mir.zavantag.com/pravo/865045/index.html> (12.11.2024)
3. Крупейников К. В. Римское право/ Учебное пособие. — Орехово-Зуево, 2016. — 207 с.

Вопрос классификации сервитутов в российском гражданском законодательстве

Шустов Дмитрий Александрович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье рассматривается актуальное состояние правового регулирования сервитутных прав в Российской Федерации, акцентируя внимание на проекте Федерального закона № 47538–6, который призван систематизировать нормы о сервитутах и создать закрытый перечень их видов. Указанные изменения важны для ясности и предсказуемости правового регулирования, поскольку они могут повысить правовую защиту участников отношений, не являющихся собственниками. Обсуждается необходимость четкой классификации сервитутов, включая такие категории, как мелиоративные, коммунальные, строительные и горные, что может уменьшить правовые риски и обеспечить более стабильные условия для ведения бизнеса.

Ключевые слова: сервитут, классификация, земля, срок, договор, собственник.

The question of classification of easements in Russian civil legislation

The article examines the current state of legal regulation of easement rights in the Russian Federation, focusing on the draft Federal Law No. 47538–6, which is designed to systematize the rules on easements and create a closed list of their types. These changes are important for clarity and predictability of legal regulation, as they can enhance the legal protection of participants in non-owner relationships. The need for a clear classification of easements, including categories such as reclamation, municipal, construction and mining, is discussed, which can reduce legal risks and provide a more stable business environment.

Keywords: easement, classification, land, term, contract, owner.

В Российской Федерации процесс правового регулирования сервитутных прав обретает новое развитие и становится более устойчивым благодаря выделению ограниченных вещных прав в отдельный подраздел в рамках раздела, посвященного вещным правам. Данный подход дает возможность законодателю более детально и точно формулировать ключевые моменты, связанные

с сервитутными отношениями, а также определять права и обязанности лиц, не являющихся собственниками. Это представляет собой значимый шаг, поскольку внедрение четких и понятных норм может значительно улучшить правовую защиту участников таких отношений.

В контексте разработанного проекта Федерального закона № 47538–6 [2] на первый план выдвигается необ-

ходимость систематизации существующих норм о сервитутах, что также подразумевает создание закрытого перечня всех возможных видов сервитутов. Это открывает путь к более ясному и упорядоченному правовому регулированию, в отличие от текущей редакции Гражданского кодекса, где указаны лишь примерные возможности использования сервитутов без строгой привязки к их видам. Такой подход может привести к снижению правовых рисков и увеличению стабильности в практической реализации правомерных ожиданий сторон.

Проект закона предлагает четкое обозначение видов сервитутов, включая мелиоративные, перемещения, горные, строительные и коммунальные. Каждый из этих категорий учитывает специфические потребности и реалии, с которыми сталкиваются участники правовых отношений. Закрепление закрытого перечня не только упрощает процесс понимания и применения норм, но и способствует исключению неопределенности, что является критически важным для устойчивого развития данных отношений.

Замещение открытой концепции с закрытой также способствует предсказуемости. Это позволяет участникам правоотношений заранее оценивать свои правовые позиции, планируя долгосрочные действия, связанные с использованием и охраной сервитутов. Кроме того, такие изменения могут положительно сказаться на инвестиционном климате, так как создают меньше неопределенности и обеспечивают более стабильные условия для ведения бизнеса, особенно в сферах, связанных с землепользованием и строительством.

Такое разделение не является идеальным, так как в проекте Гражданского кодекса [1] и в Концепции развития гражданского законодательства РФ не предусмотрено деление сервитутов на предиальные (устанавливаемые относительно собственника или пользователя конкретной недвижимости) и личные (устанавливаемые в пользу конкретного лица).

Анализ коммунальных сервитутов показывает, что их сущность по-прежнему остается недостаточно освещенной и четко определенной. Были высказаны предположения, что коммунальные сервитуты предполагали обременение земельных участков, позволяющее коммунальным службам осуществлять доступ к инфраструктуре и коммуникациям, что действительно имеет место во многих случаях. Однако, несмотря на признание их целесообразности, более глубокая проработка законодательства, касающегося этих правовых форм, оставляет желать лучшего.

Существующая правовая база, в частности Гражданский кодекс, не предоставляет участникам гражданского оборота достаточных инструментов для управления правами и обязанностями, вытекающими из коммунального сервитута. Хотя этот механизм и был разработан с намерением обеспечить необходимые условия для размещения объектов коммунального назначения — таких как газопроводы, водопроводы и линии электропередач — ре-

альность такова, что многие аспекты остаются неопределенными. Это может привести к конфликтам интересов между собственниками земельных участков и коммунальными службами, что в свою очередь ставит под сомнение эффективность действующей системы управления земельными ресурсами. В условиях, когда аренда земельных участков может быть не всегда осуществима, гражданский оборот рискует столкнуться с правовыми проблемами, которые требуют немедленного внимания и доработки [4, с. 30].

Статья 23 Земельного кодекса РФ предоставляет возможность устанавливать публичный сервитут на земельные участки для проведения ремонта инженерных, коммунальных и транспортных систем. Однако основания для его установления охватывают более широкий спектр, нежели лишь коммунальные нужды. Кроме того, остается неопределенным, относятся ли линейные сервитуты к этой категории. Увеличение масштабов строительства акцентирует необходимость обновления нормативной базы и уточнения правового регулирования.

Вопросы, касающиеся сервитута мелиорации, вызывают значительные сомнения, особенно в контексте вновь предложенных изменений, которые следует считать неопределенными и многозначными. На данный момент вызывает трудности определение принципа выделения этой категории, что может негативно сказаться на правоприменении и реализации мелиоративных мероприятий.

Мелиорация — это совокупность мероприятий, направленных на более эффективное использование земельных ресурсов. Она охватывает такие процессы, как проектирование, строительство и реконструкция мелиоративных систем, а также связанных гидротехнических объектов. В этот комплекс включены также обводнение пастбищ, создание защитных лесных насаждений, осуществление культурно-технических работ и улучшение как физических, так и химических характеристик почвы. Для успешного осуществления всех этих мероприятий крайне важно наличие четкой правовой регламентации, поскольку успешность данных действий зависит от качества подготовленной нормативной базы.

Действующее законодательство по мелиорации касается двух категорий земель: земель для сельскохозяйственного производства и земель сельскохозяйственного назначения. Согласно части 2 статьи 77 Земельного кодекса Российской Федерации, в рамках земель сельскохозяйственного назначения выделяются как сельскохозяйственные угодья, так и земли, занимаемые коммуникациями. Это требует более подробного определения правового статуса этих земель и связанных с ними мелиоративных мероприятий.

Недостаток регулирования часто наблюдается и в вопросах эксплуатации мелиоративных систем на других типах земель, таких как земли лесного и водного фондов. Например, Водный кодекс России требует, чтобы для забора водных ресурсов для орошения сельскохозяйственных земель было получено соответствующее раз-

решение. Однако, как показывает практика, лесное законодательство не содержит четкого регулирования аналогичных вопросов, что создает неопределенность в различных аспектах мелиорации.

Кроме того, мелиоративные сервитуты, касающиеся сельскохозяйственного производства, затрагивают также земли водного и лесного фондов. Эта взаимосвязь приводит к необходимости всестороннего рассмотрения мелиорации как системы природно-ресурсных сервитутов, где требуется четкое взаимодействие между различными законодательными актами. Важно, чтобы законодатели учли все аспекты проведения мелиоративных мероприятий, чтобы избежать правовых пробелов и недостатков в текущем регулировании, оптимизируя использование земельных ресурсов в интересах устойчивого развития [6, с. 55].

Многие юристы указывают на то, что предложенная классификация сервитутов имеет недостаточную согласованность, а логика ее построения остается неясной. Критерии, на основе которых осуществляется данное деление, вызывают сомнения, особенно касающиеся целей или категорий лиц. Классификация сервитутов по объектам выглядит нецелесообразной, поскольку невозможно предсказать множество возможных вариантов. Проект закона № 47538–6 вызывает больше вопросов, чем предоставляет ответов; и если классификация по объектам кажется нелогичной, то внедрение земельных сервитутов представляется также сомнительным.

Обоснованность и целесообразность разделения сервитутов на отрицательные и положительные, как указано в Концепции, вызывает сомнения. В документе утверждается, что собственник служащей вещи должен пассивно

терпеть влияние сервитуария, а активные действия с его стороны допускаются лишь в исключительных случаях. В проекте Федерального закона № 47538–6 сохраняется это деление, позволяющее собственнику господствующей вещи как использовать служащую вещь (положительный сервитут), так и запрещать ее использование (отрицательный сервитут). Однако такая формулировка подразумевает пассивную роль собственника господствующей вещи, что ставит под сомнение его способность налагать обязательства на владельца служащей вещи [5, с.30].

В Концепции не представлено четкого разграничения сервитутов на личные и предиальные, и аналогичное отсутствие такой классификации наблюдается в проекте № 47538–6.

В заключение можно отметить, что правовое регулирование сервитутных прав в Российской Федерации находится на этапе важной трансформации, подчеркиваемой проектом Федерального закона № 47538–6, который нацелен на систематизацию и четкую классификацию существующих норм. Этот подход предлагает создание закрытого перечня видов сервитутов, что способствует уменьшению правовых рисков и повышению надежности в правоотношениях, особенно для участников, не являющихся собственниками.

Однако проект также поднимает ряд нерешенных вопросов, особенно в контексте коммунальных и мелиоративных сервитутов, где неопределенность в правовом статусе и регулировании может привести к конфликтам интересов и правовым пробелам. Поэтому необходимо дальнейшее развитие законодательства, которое учитывало бы специфику различных видов сервитутов, а также их взаимодействие с другими правовыми системами.

Литература:

1. Изменения положений Гражданского кодекса РФ о вещных правах и договорах [Электронный ресурс]: законопроект № 47538–6, принят в I чтении 27.04.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113134/?frame=3 (дата обращения: 18.11.2024).
2. Глава 20.2 Сервитут [Электронный ресурс] // Проект редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) с изменениями, внесенными проектом федерального закона № 47538–6. URL: <http://base.garant.ru/5762296/27/> (дата обращения: 18.11.2024).
3. О Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 годы): распоряжение Правительства РФ от 19.01.2006 № 38-р // СЗ РФ. 2006. № 5. 30 янв. Ст. 589.
4. Гражданское право: учебник / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 2018. 462 с.
5. Копцев А. Н. Сервитуты в римском праве и современном российском законодательстве // Нотариус. 2006. № 2. С. 30–37.
6. Щенникова Л. В. О некоторых проблемах гражданского права: Теория. Законодательство. Правоприменение. Краснодар, 2010. 135 с.

ИСТОРИЯ

Germanic-Scandinavian mythological symbolism and its role in the creation of national symbols of the third Reich

Kochanov Ivan Igorevich, student
Belgorod State National Research University

The author examines the evolution of the national symbols of Germany in the interwar period. The problem of adopting the swastika as a symbol of the Nazi party, and then the entire German Reich, was also raised.

Keywords: National Socialists, swastika, German Reich, NSDAP.

The history of Germany during the Nazi dictatorship from 1933 to 1945 has been a subject of interest for historians for a long time. Even though more than seven decades have passed since the country was liberated from «Hitler's fanatics», the interest, as noted by Russian historian I. V. Borisov, «manifests in various directions» [9, p. 127]. One of these directions is the study of Nazi symbolism, which, unfortunately, few people know has roots that extend far back into antiquity, long before the emergence of German statehood.

The primary Nazi symbol — the swastika — today is primarily associated with German nationalism as a whole, and with Hitlerism as its most brutal form in particular. Y. M. Antonyan rightly noted that «over time, the swastika came to express the entire misanthropic nature of Hitlerism» [8, p. 17]. In academic literature, one can find numerous definitions of the term «swastika». For example, V. V. Pokhlebkin defines it as «the Sanskrit name for a symbolic sign representing a hooked cross» [15, p. 367]. Translated from Sanskrit, «swastika» means «luck» or «successful future» [18, p. 93].

In its symbolic form, the right-angle-bent corners of the swastika, a figure found as early as the Upper Paleolithic era, symbolized the cyclical nature of the seasons. Hence, in ancient times, the swastika was closely linked to the cult of the Sun and the idea of rebirth. However, the swastika first gained widespread recognition long before the emergence of German nationalists in the cultures of ancient Asian peoples, where it symbolized prosperity and life. S. I. Ryzhakova notes that «swastika-like forms» were highly popular in the Near East and Iran [14, p. 107].

It is also significant that the swastika is one of the most revered symbols in Buddhism and Hinduism [14, p. 107]. For instance, Buddhists still consider this figure a symbol of the «key to happiness» [12, p. 60]. It is plausible that, along with the spread of these religious teachings, the symbol made its way to China, Tibet, Southeast Asia, and Japan.

In European culture, traces of the swastika appeared much later — during the Bronze Age. Through the migration of Finno-Ugric tribes, the swastika reached the North, where in Scandinavia it was associated with the cult of Odin, who absorbed earlier solar cults. After the Middle Ages, the swastika reentered European life at the turn of the 19th and 20th centuries. V. V. Pokhlebkin wrote that German archaeologists of that time concluded that «the swastika symbol could be an indicator for identifying Aryan peoples, as it supposedly appears only among them» [15, p. 368]. This likely refers to the excavations of the ancient Greek city of Troy by Heinrich Schliemann, a German citizen, in the 1860s. Schliemann associated the swastika images found during excavations with «Thracians-Teutons». Later, using this archaeological material, the renowned archaeologist declared the swastika to be a symbol of the Aryan race.

Schliemann's hypothesis resonated widely, not only in German society, which had just formed a unified state and thus needed a national idea, but also among «non-Aryan peoples». For example, in the late 19th century, a Polish-origin librarian, M. Zmigrodzki, held an exhibition in Paris showcasing over 300 objects bearing the swastika, which already then attracted significant public interest [3, p. 23].

Shortly afterward, the swastika caught the attention of Austrian Ariosophist Guido von List, who was the first to merge German nationalism with esotericism and theosophy. John Foley wrote that it was List who, in 1910, «first proposed it as a symbol for an anti-Semitic organization» [16, p. 268]. However, the author did not specify the organization's name or its activities. Guido von List's student, Alfred Schuler, who actively promoted his teacher's ideas, brought the Ariosophical concept of the swastika to Germany, as noted by V. A. Shnirelman [18, p. 95]. Researchers believe that a young Adolf Hitler, who attended Schuler's lectures in Munich shortly after World War I, was captivated by these ideas. It is likely at these lec-

tures that the future Führer was introduced to occult movements dedicated to the imagined Aryan race.

Upon joining the German Workers' Party — the predecessor of the NSDAP — in 1919, Adolf Hitler immersed himself in party activities from the start. After a rapid rise in the party's ranks, which culminated in his appointment as its chairman in the summer of 1921, Hitler began contemplating the reorganization of party symbols. During his visits to the Munich State Library's heraldic department, he closely examined various publications on heraldry, attempting to find an image of an eagle needed for the party's seal [17, p. 212]. It is logical to assume that it was during this time that Hitler discovered not only the image of an eagle but also the swastika, which he mentioned as early as 1920 in the famous Munich beer hall, Hofbräuhaus, describing it as «an instrument for kindling flames, a whirlwind, a cross» [8, p. 23]. He also referred to the swastika as «a symbol of the community created by Aryans in ancient times» [8, p. 23].

The first circular issued by Hitler as party chairman on October 17, 1921, dedicated to a detailed description of the party's symbols, supports this hypothesis [17, p. 212]. The swastika, with its arms bent at right angles, was chosen by Hitler

as the national symbol of Germany. Although its stylistic presentation was not entirely new, the Nazis tilted the right-facing swastika 45 degrees so its arms formed an «X» or St. Andrew's cross. For enhanced contrast, it was inscribed within a circle, suggesting a sense of motion [13, p. 517].

The Nazi regime incorporated the swastika into various aspects of public life, using it extensively as the main element of the German flag. The red flag with a white circle at the center featuring a black swastika first appeared at an NSDAP rally in Starnberg on May 20, 1920 [10, p. 170]. Hitler described its symbolism as follows: «As National Socialists, we link our program with our flag. The red color represents the social idea of the movement, the white symbolizes the nationalist idea, and the swastika embodies the struggle for the victory of the Aryan man and the victory of the idea of creative labor, which has always been and will always be directed against the Semites» [2, p. 170].

Following Germany's devastating defeat by the anti-Hitler coalition in the spring of 1945, the once peaceful symbol was banned, as the swastika had become synonymous with the inhumane ideas of Nazi fanatics, resulting in countless victims among «undesirable» races from their perspective.

References:

1. Bekanntmachung, betreffend das Reichswappen und den Reichsadler vom 11. November 1919 [Electronic resource].— URL: <http://www.documentarchiv.de/wr/rwappen.html> (date of access: 10.11. 2024)
2. Hitler A. Mein Kampf — Boston: Houghton Mifflin, 1971.— 694 p.
3. Quinn Malcolm. The swastika. Constructing the symbol.— London; New York: Routledge, 1994.— 176 p.
4. Reichsflaggengesetz vom 15. September 1935 [Electronic resource].— URL: http://www.documentarchiv.de/ns/1935/flaggen1935_ges.html (date of access: 26.11. 2024)
5. Verordnung über das Hoheitszeichen des Reichs vom 5. November 1935 [Electronic resource].— URL: http://www.documentarchiv.de/ns/1936/hoheitszeichen-reich-gestalt_vo.html (date of access: 10.11. 2024)
6. Verordnung über die Gestaltung des Hoheitszeichens des Reichs vom 7. März 1936 [Electronic resource].— URL: http://www.documentarchiv.de/ns/1936/hoheitszeichen-reich-gestalt_vo.html (date of access: 10.11. 2024)
7. Verordnung über die Standarte des Führers und Reichskanzler vom 11. April 1935 [Electronic resource].— URL: http://www.documentarchiv.de/ns/1935/fstandarte_vo.html (date of access: 26.11. 2023)
8. Антонян Ю. М. Гитлеризм и германский народ.— Москва: Проспект, 2023.— 270 с.
9. Борисов И. В. Флаг Третьего Рейха // Гербовед.— 2004.— № 70.— С. 127–135.
10. Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию.— Санкт-Петербург: Евразия, 1995.— 242 с.
11. Исламов, Т. Р. Исторические аспекты становления свастики как центрального элемента мистико-эзотерической традиции в нацистской Германии // *Aliter*.— 2021.— № 16.— С. 23–33.
12. Кулаков В. И. Знак «Сегнерова колеса» в древностях Европы // *Гербовед*.— 1997.— № 23.— С. 59–67.
13. Москвин А. Крест без распятого // *История свастики с древнейших времен до наших дней*.— Нижний Новгород: Книги. 2008.— С. 356–527.
14. Рыжакова С. И. Язык орнамента в латышской культуре.— Москва: Индрик, 2002.— 408 с.
15. Свастика // *Словарь международной символики и эмблематики*. / Автор-составитель В. В. Похлебкин.— Москва: Международные отношения, 2001.— С. 367–369.
16. Свастика // *Энциклопедия знаков и символов*. / Автор-составитель Джон Фоли.— Москва: Вече 1997.— С. 267–269.
17. Фест И. Гитлер.— Т. 1.— Пермь: Алетей, 1993.— 365 с
18. Шнирельман В. А. Арийский миф в современном мире.— Т. 1.— Москва: Новое литературное обозрение, 2015.— 536 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 47 (546) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 04.12.2024. Дата выхода в свет: 11.12.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.